А. ПЬЯНОВ

А. ПЬЯНОВ "МОИ ОСЕННИЕ ДОСУГИ"

ПУШКИН
В ТВЕРСКОМ КРАЕ

А. ПЬЯНОВ

"МОИ ОСЕННИЕ ДОСУГИ"

МР

Московский рабочий

1983

83.3Р1(2)л6
П96

Пьянов А. С.

П96 Мои осенние досуги: Пушкин в Тверском крае.— 3-е изд.— М.: Моск. рабочий, 1983.— 320 с.

Эта книга — о тверских пенатах поэта, о его «осенних досугах» в Бернове, Павловском и Малинниках, о многообразных связях с Верхневолжьем, нашедших широкое отражение в творчестве Пушкина.

П $\frac{1905040000—051}{М172(03)—83}$ КБ—29—013—83

ББК 83.3Р1(2)л6
8Р1(069)

Матери моей —
Ольге Петровне
с любовью
и благодарностью
посвящается эта книга

В 1922 году Святогорский монастырь, в ограде которого покоится прах Александра Сергеевича Пушкина, его псковское сельцо Михайловское, где он жил и творил, имение его друзей Тригорское декретом Совета Народных Комиссаров были объявлены Пушкинским заповедником. Потом в каждое первое воскресенье июня здесь ежегодно стал отмечаться день рождения Пушкина. Так родился народный праздник.

Год от года паломничество к Пушкину все росло. Десятки тысяч людей стали приезжать и приходить в этот день на поляну возле ограды парка. И в 1967 году в Михайловском возник ежегодный Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии, для участия в котором съезжаются посланцы всей нашей многонациональной поэзии, прибывают зарубежные гости со всех континентов. И вот народное поэтическое торжество обрело уже мировое значение и вовлекло в чествование величайшего поэта России и другие места, связанные с именем, жизнью, поэзией Пушкина,— Москву, Ленинград, Болдино Горьковской области, Кишинев, Одессу...

В числе первых, перенявших эту традицию, стали город Калинин и село Берново в Старицком районе Калининской области, где было когда-то поместье пушкинских друзей Вульфов. В 1970 году в Бернове открылся великолепный пушкинский музей, а в следующем — воздвигнут памятник Пушкину. И тысячи друзей поэта стали съезжаться сюда в первое воскресенье июня из ближних и дальних мест.

Это еще не все.

Пушкинский музей открылся в Торжке Калининской области — в городе, через который столько раз проезжал Пушкин. Реставрирована гостиница Пожарского, где Пушкин часто останавливался.

Но и это — не все!

Те места в Верхневолжье, где Пушкин бывал, через которые проезжал, где рождались его стихи, калининцы решили превратить в «Пушкинское туристское кольцо». Все это — проявление неуклонного развития нашей духовной жизни, нашей культуры. Нигде в мире не было еще ежегодного поэтического праздника, народного праздника, подобного нашему Пушкинскому.

В книге Алексея Пьянова исследованы многообразные связи Пушкина с Тверским краем, собраны факты, известные только краеведам и пушкинистам. Но многое изучено самостоятельно и сообщается нам впервые. Все это увидено собственными глазами. И превосходно написано.

Что это — путеводитель? Нет, книга о поэзии Пушкина, о его друзьях, о его дорогах. О том, как преображался мир под его волшебным пером. Такой «тверской» книги в Пушкиниане до сих пор не было. Это отличный труд, порожденный Пушкинским праздником и отражающий новую пушкинскую традицию.

Предисловие это было написано к первой книге А. Пьянова «Берег, милый для меня», но его по праву можно отнести и к новой работе о тверских досугах Пушкина.

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

ОТ АВТОРА

В своих «Воспоминаниях о Пушкине» В. И. Даль, обеспокоенный небрежением официальной России к памяти великого поэта, с горечью писал:

«Пусть бы всякий вносил в складчину все, что знает не только о Пушкине, но и о других замечательных мужах наших. У нас все родное теряется...

Много алмазных искр Пушкина рассыпались тут и там в потемках; иные уже угасли, и едва ли не навсегда; много подробностей жизни его известно на разных концах России: их надо бы снести в одно место...» [1]

Ныне «складчина» эта огромна: стараниями тысяч людей, заботой государства Пушкиниана стала сокровищницей, в которой великое множество реликвий, чья ценность не имеет материального выражения. Места, освященные именем поэта, «на разных концах России» и в других республиках, почитаются всенародно. В нашей стране «все родное» не просто помнится, но и тщательно оберегается, бережно восстанавливается.

С особой любовью — искренней и трогательной — почитаем мы Пушкина, его творения, жизнь его и все, что с нею связано. «Пушкин,— писал А. Твардовский,— ныне самый популярный, любимый и чтимый поэт великой многонациональной страны, что являет собою факт слияния одного из вершинных достижений художественной культуры человечества с социализмом и коммунизмом... Без Пушкина коммунизм был бы в существенной части не полон» [2].

«Алмазные искры» ослепительного фейерверка поэзии щедро рассыпались и по Верхневолжской земле. Здесь, в бывшей Тверской губернии (Калининская область), много мест, связанных с жизнью и творчеством Пушкина.

В силу целого ряда причин, о которых нам еще предстоит поговорить с читателями, уголки эти менее известны, нежели Михайловское и Болдино, Одесса и Кишинев. А между тем они имеют все права на то, чтобы значиться среди пушкинских пенатов — Берново, Павловское, Малинники, Торжок, Старица и многие еще города, села и деревеньки в самом центре России, в краю, где рождается Волга.

Интерес к пушкинским местам Тверской губернии возник давно. До революции он наиболее ярко отразился в работах местных краеведов И. Иванова и В. Колосова, которые попытались собрать воедино многочисленные факты, легенды и предания, связанные с приездами Пушкина в Верхневолжье. Позднее их поиски продолжили калининские литературоведы и историки С. Фессалоницкий, А. Вершинский, Н. Павлов. Особенно популярной тема «Пушкин и Тверской край» стала в последние годы. Ей посвящены статьи и книги Д. Цветкова, А. Суслова, М. Ильина, В. Кашковой. Весомый вклад в тверскую Пушкиниану внесла литературовед Лариса Керцелли, чьи публикации в периодике и вышедшая в издательстве «Московский рабочий» книга «Тверской край в рисунках Пушкина» открыли новые страницы, на которых запечатлены ранее неизвестные факты о пребывании поэта в здешних краях, о его дружеских и творческих связях с тверяками.

Атмосфера широкого, всеобщего интереса к Пушкину, создание «Пушкинского кольца Верхневолжья» (рассказ о нем — впереди) определили и появление книги «Берег, милый для меня» [3], в которой была предпринята попытка систематизировать сведения, отражающие пребывание поэта в Тверской губернии, рассказать о том, как возрождаются места, освященные его именем, провести читателей новым литературным маршрутом, воскресить несправедливо забытое.

Прошло всего несколько лет, а дело, начатое калининцами, приобрело широкий размах, получило всесоюзную известность. За эти годы созданы два пушкинских музея — в Бернове и Торжке, реставрированы мемориальные здания, благоустроены старые парки, сооружены памятники Пушкину, традиционным стал поэтический праздник.

Традиция чествования величайшего поэта России — давняя. «В числе первых, перенявших эту традицию,— писал Ираклий Андроников,— стали город Калинин и село Берново в Старицком районе Калининской области, где было когда-то поместье пушкинских друзей Вульфов. В 1970 году в Бернове открылся великолепный пушкинский музей, а в следующем — воздвигнут памятник Пушкину. И тысячи друзей поэта стали съезжаться сюда в первое воскресенье июня из ближних и дальних мест.

Это еще не все.

Пушкинский музей открылся в Торжке, в городе, через который столько раз проезжал Пушкин. Реставрирована гостиница Пожарского, где Пушкин часто останавливался.

Но и это — не все!

Те места в Верхневолжье, где Пушкин бывал, через которые проезжал, где рождались его стихи, калининцы решили превратить в «Пушкинское кольцо». Все это — проявление неуклонного развития нашей духовной жизни, нашей культуры. Нигде в мире не было еще ежегодного поэтического праздника, народного праздника, подобного нашему Пушкинскому».

Десятки организаций Калининской области, тысячи людей заняты благородным делом — увековечением памяти поэта. С каждым годом благоустраивается «Кольцо», пополняются экспозиции музеев, получивших широкую и заслуженную известность.

Предлагаемая читателям книга продолжает тему «Пушкин и Верхневолжье», которой была посвящена предыдущая работа. Она вновь приглашает читателя совершить путешествие пушкинскими тропами древнего края, пройти вослед за строками поэта, написанными здесь, в глубине России, побродить по-

лями, лесами, берегами воспетых им рек и аллеями старинных парков. Эта книга — приглашение в тверской «кабинет» Пушкина, где им были написаны многие выдающиеся произведения, поближе познакомиться с историей их создания, лучше узнать людей, дружба с которыми во многом определяла отношение поэта к этой земле.

Одна из задач, которую ставил перед собой автор, принимаясь за новую работу,— рассказать о пока еще скромной, но уже истории — создании «Пушкинского кольца Верхневолжья», его сегодняшнем дне, заботах и проблемах, о будущем этого увлекательного литературного маршрута.

Но главное в книге — тверские «осенние досуги» поэта. Шесть раз приезжал он сюда к своим друзьям. Две осени — 1828 и 1829 годов — были особенно щедрыми на вдохновенье. Именно тогда в Малинниках, Павловском, Бернове, Курово-Покровском появились бессмертные строки «Анчара», «Зимнего утра», обдумывался замысел «Повестей Белкина», писался «Тазит», была завершена VII глава «Евгения Онегина»... К этому перечню следует добавить еще около десяти прекрасных стихотворений, оставшийся незавершенным «Роман в письмах», наброски нескольких статей, «Путешествие Онегина», рисунки. Но и тогда список созданного здесь Пушкиным будет не окончательным, ибо не определена еще «география» многих произведений поэта, написанных в этот период. Исследование «тверской биографии» поэта продолжается и порой дарит нас счастливыми открытиями. Можно ждать их и в будущем.

«Осенние досуги» в Старицком уезде — всего лишь три с небольшим месяца. Если «литературную продукцию», помеченную Малинниками и Берновом, поделить на это время, то по интенсивности работы, по результатам и значимости сделанного две тверские осени можно сравнить с болдинской, которой они непосредственно предшествовали. И здесь важно не просто количественное сравнение, а сходство творческого состояния, которое и определило мощный взлет поэтического духа. Важно и другое: многое из того, что было осуществлено Пушкиным в

Болдине осенью 1830 года, задумывалось и осмыслялось в Павловском и Малинниках в октябре — декабре 1829 года.

Поэтому обращение к тверским «осенним досугам» поэта, которые пришлись на сложный, переломный момент его жизни, представляет особый интерес, но вместе с тем ставит ряд проблем, ибо широкий круг вопросов, связанных с пребыванием Пушкина в Верхневолжье, еще недостаточно изучен. Многие обстоятельства его приездов в эти края остаются невыясненными или выясненными не до конца. Словом, здесь еще хватает «белых пятен», стереть которые — увлекательная задача для пушкинистов и краеведов.

«То в кибитке,
то в карете...»

У Городни он увидел Волгу. Река открылась ему неожиданно, сверкнув серебряным плесом за густыми придорожными деревьями. Спокойная, величавая. И пока на почтовой станции меняли лошадей, помчался курчавый мальчик на крутой берег и смотрел, охваченный восторгом, на залитую солнцем даль, на приречные леса, подернутые сиреневой дымкой, на игрушечную церквушку, отразившуюся в волжской воде.

Его окликнули. Он нехотя возвратился, сел в карету и потом долго еще не отрывал глаз от окошка...

Стоял июль 1811 года. Василий Львович Пушкин вез своего племянника Сашу в Петербург для определения в Лицей. На пути лежала огромная Тверская губерния... Летом 1836 года — незадолго до трагической гибели — Александр Сергеевич Пушкин в последний раз ступил на близкие его сердцу волжские берега. Между двумя этими датами — десятки встреч с друзьями и единомышленниками, бессонные ночи в гостинице Гальяни, которую прославил он своим пером, веселые застолицы «у Пожарского в Торжке», часы упоительной работы в Малинниках и Павловском, долгие прогулки по заснеженным берновским полям, азартная охота, тревожные размышления о будущем, счастливые дни в тверских пенатах...

На этот раз они не задержались в Твери: Саше предстояли экзамены, времени оставалось мало, надо было спешить. Он едва ли успел рассмотреть древний город, раскинувшийся по берегам Волги. Но река запомнилась. Потом, много лет спустя, «по гордым волжским берегам» проскачет его Онегин. Поэт воспоет ее и устами Стеньки Разина:

Как промолвит грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли, молодца, не дремала,
Казаков моих добром наделила...» [4]

Много славных имен, составляющих гордость русской культуры, связано с тверской землей. Но с особой любовью чтут здесь память о Пушкине. Сегодня, оказавшись на берегах Верхней Волги, вы непременно испытаете светлое и радостное чувство соприкосновения с жизнью великого поэта. Здесь сквозь времени «магический кристалл» откроется вам эпоха, когда под его пером рождались на этой земле бессмертные строки.

На страницах пушкинских книг, в письмах поэта запечатлена география Тверского края: Торжок, Старица, Вышний Волочек, Медное, Выдропужск, Городня, Берново, Малинники, Павловское, Курово-Покровское, Погорелое Городище... И это не просто случайное, мимолетное упоминание. В каждом названии — частичка жизни его, иногда месяц-полтора, чаще — день-другой, короткая остановка или специально предпринятая поездка. Мы еще далеко не все знаем об этих поездках. Но и то, что достоверно известно, убедительно свидетельствует о любви поэта к этим краям. Приезды Пушкина сюда — не просто эпизоды биографии великого поэта. Они интересны и важны для нас. И не столько по

продолжительности, сколько по значимости сделанного им здесь. «...Пребывание в тверских деревнях друзей своих помогало Пушкину обрести то необходимое ему для творчества душевное состояние, которое по традиции почему-то всегда называют покоем, но которое по существу есть не столько покой, сколько беспрепятственное, если можно сказать так, внутреннее сосредоточение всех духовных и творческих сил, позволяющее поэту давать жизнь нарождающейся в нем поэзии. И тверские деревни с их «простою жизнью» давали Пушкину т а к о й покой, помогали ему отойти от подавлявшей его в столице обстановки, одинаково для него и опасной, и чуждой, и угнетающей его душу» [5].

Долгие годы он был прочно связан с Тверской губернией. И связи эти нашли глубокое отражение в его творчестве, оказали определенное влияние на формирование его мировоззрения, способствовали обострению гражданственности поэзии Пушкина. «Тверской материал» легко отыскивается во многих произведениях поэта, начиная с «Евгения Онегина». Некоторые работы и задуманы, и осуществлены им в этих «мирных краях», воспевают их неброскую красоту.

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

«Зимнее утро»... Эта жемчужина пейзажной лирики создана в деревеньке Павловское Старицкого уезда Тверской губернии. И блестящая подо льдом речка — та самая Тьма, берегами которой любил бродить Пушкин. Пусть не помечена она «на карте генеральной», но на карте русской литературы скромная речка Тьма, отдающая свои прозрачные воды великой Волге, вот уже

почти полтора столетия известна как родная сестра Сороти. Породнила их поэзия Пушкина. И мы еще вернемся на воспетые им берега, пройдем заповедными тропинками из Малинников в Павловское и Берново, навестим Курово-Покровское — места, где, кажется, и до сих пор еще звучит волшебная лира...

Конечно, Тверской губернии не случайно повезло на столь частые встречи с Пушкиным: их во многом определяло географическое положение края, который невозможно было миновать, совершая поездки из Москвы в Петербург и обратно. А он много ездил и «по казенной надобности», и, как сказали бы теперь, по собственному желанию. И это отразилось в стихах.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит...

Прощайте, братцы: мне в дорогу...

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса...

И наконец, знаменитые «Дорожные жалобы»:

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь сулил...

«Большая дорога»... Чаще всего ею был Московско-Петербургский тракт, «дорога Радищева», которую Пушкин знал наизусть и то хвалил, то ругал, в зависимости от поездки, настроения, «притеснения» от ямщиков, поломанных колес, погоды... Знаменитый пушкинский «путеводитель», адресованный С. Соболевскому, тоже родился в пути, где-то между двумя столицами. А в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» есть разделы,

названные именами тверских городов и сел. Здесь размышление о судьбах родины, о просвещении и науке, о быте русского крестьянина, о бесправном положении народа, задавленного нуждой и угнетением. Печальные картины вставали перед поэтом. То, что не заметил двенадцатилетний мальчик, спешащий в Петербург, окрыленный надеждами, разглядел потом гениальный поэт, путешествуя «государевой дорогой», которая была как бы социальным срезом крепостной России, обнажающим язвы самодержавия.

...мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.

Должно быть, часто вспоминались ему в дороге эти строки из «Деревни», написанной за пятнадцать лет до «Путешествия из Москвы в Петербург».

В короткие часы остановок Пушкин читает радищевское «Путешествие» («Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под заглавием «Торжок») и делает заметки: «Самая... тягчайшая из повинностей народных есть рекрутский набор... Рекрутство наше тяжело; лицемерить нечего. Довольно упомянуть о законах противу крестьян, изувечивающихся во избежание солдатства». Это из главы «Рекрутство» (Городня).

«Помещик, описанный Радищевым, привел мне на память другого, бывшего мне знакомого лет 15 тому назад... Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению — с целию, к которой двигался он с силою души необыкновенной и с презрением к человечеству, которого не думал и скрывать. Сделавшись помещиком двух тысяч душ, он нашел своих крестьян, как говорится, избалованными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совер-

шенное разорение... словом, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика»,— пишет Пушкин в главе «Шлюзы» (Вышний Волочек).

Путевые размышления, как мы видим, подсказывали строки, близкие по духу радищевским. Статья эта, ставившая целью воскресить память о первом русском революционном поэте, не увидела света при жизни Пушкина по цензурным соображениям.

Связи поэта с Верхневолжьем были широки и многообразны. Край этот привлекал его пристальное внимание, рождал стремление чаще бывать здесь. И когда закончилась михайловская ссылка, он, занятый всевозможными делами, не упускал случая выбраться сюда — в раздолье русских полей, в тишину мудрых лесов из суетной, жестокой и злоязычной столицы. И край этот стал для Пушкина на многие годы близким и желанным.

Что же влекло сюда поэта? Прежде всего люди, связи с которыми он поддерживал в течение всей своей жизни. Чаще других навещал поэт тверских Вульфов, дружба с которыми началась еще в Михайловском.

Здесь продолжались московские и петербургские знакомства, завязывались новые. Вульфы, Оленины, Полторацкие, Понафидины, Ушаковы, Раменские, Федор Глинка и Иван Лажечников делали Тверскую губернию особенно привлекательной для поэта.

Но у Пушкина были, вероятно, и другие причины

выделять край этот из числа иных любимых им мест. Хорошо известен его глубокий интерес к истории России, ярко отразившийся во многих произведениях.

Первым знакомством с героическими страницами прошлого своей родины Пушкин, по его свидетельству, обязан Н. М. Карамзину. Перенесший тяжелую болезнь, прикованный к постели, Пушкин неожиданно открывает для себя неведомый прежде мир: «Первые восемь томов *Русской истории* Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностию и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление... Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом».

Эти строки из «Автобиографических записок» начертаны много лет спустя после описываемых событий, в Михайловском.

Разумеется, поэт реагировал на «Историю государства Российского» иначе, нежели светские женщины. Интерес к прошлому страны проснулся в нем очень рано, он стремился удовлетворить этот интерес и в родном доме, и в стенах Лицея. И все-таки именно Карамзин открыл ему, как и тысячам русских людей, многие страницы нашей истории, которые подтолкнули поэта на «путешествие в прошлое». Маршруты этого увлекательного и плодотворного путешествия проходили и через Тверскую губернию, где как бы оживали строки «Истории государства Российского».

На берегах Волги совершались великие события, здесь в былые времена жили не только реальные герои пушкинских творений, но и прямые предки его. В журналах Тверской архивной комиссии сохранилась запись о том, что в 1901 году сюда поступила из Погорелого Го-

родища грамота, дарованная жителям этого города и его воеводе Гавриле Пушкину царем Федором Ивановичем. Известно, что Гаврила Пушкин и его дядя боярин Пушкин были участниками событий, связанных с нашествием Дмитрия Самозванца и поляков на Москву, выступили на стороне Лжедимитрия.

Далее архивная запись гласит, что существует предание о посещении Александром Сергеевичем Пушкиным Ржева и Погорелого Городища. Цель поездки — все то же «путешествие в прошлое». В Ржеве поэт будто бы искал сведения о купце Долгополове, сподвижнике Емельяна Пугачева («История Пугачева»), в Погорелом — грамоту царя Федора, дарованную Гавриле Пушкину.

Достоверность архивной записи от 1901 года в этой части не вызывает сомнений, ибо факт посещения Пушкиным Погорелого Городища засвидетельствован им самим в письме к Н. Н. Раевскому-сыну в 1829 году:

«Гаврила Пушкин — один из моих предков, я изобразил его (в «Борисе Годунове».— **А. П.**) таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик... Он был всем, чем угодно, даже поджигателем, **как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище** (выделено мною.— **А. П.**) — городе, который он сжег (в наказание за что-то)...»

К сожалению, Пушкин больше ничего не сообщает Раевскому о своем пребывании в Погорелом и совсем не упоминает о Ржеве. Поэтому приходится вновь обращаться к журналу Тверской архивной комиссии. Из него мы узнаем, что, отыскав и прочитав грамоту, Пушкин вернул ее горожанам, советовал беречь как ценный исторический документ. Они, из уважения к поэту, вставили грамоту в рамку, вывесили для всеобщего обозрения и

долгое время бережно хранили как реликвию. Факт этот засвидетельствован (согласно тому же журналу) ржевским литератором и живописцем Я. А. Тепиным со слов его деда, который был иконописцем и случайно встретился с Пушкиным на почтовой станции Волоколамской дороги между Зубцовом и Княжьими Горами.

Итак, в Погорелом Городище Пушкин был. Это произошло в один из приездов его к Вульфам (судя по дате письма к Раевскому — зимой 1829 года, когда Пушкин гостил в Старице и Павловском). Однако что привело его туда? Друзей или близких знакомых у поэта в Погорелом не было. Поиски царской грамоты? Документ этот сам по себе интересен, но едва ли только ради него была предпринята непростая по тем временам поездка. «Борис Годунов» был завершен несколько лет назад, Пушкина занимали уже другие темы. И возможно, одной из них была пугачевщина. Если принять это предположение, то придется уточнить данные, свидетельствующие о том, что начало работы над «Историей Пугачева» относится к январю 1833 года, когда Пушкин задумал написать историческую повесть «Капитанская дочка» и чисто исторический труд — «Историю Пугачева».

Работа эта, захватившая поэта, потребовала не только знакомства с документами из архива Главного штаба и других государственных хранилищ, но впоследствии и поездок по местам описываемых событий, туда, где гуляла крестьянская вольница. Он побывал в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Оренбурге, Уральске. Ржев в этом перечне не значится.

Однако в период работы над «Пугачевым» Пушкин один раз навестил Тверскую губернию — в конце лета 1833 года. Может, тогда и посетил он Ржев? Давайте проследим маршрут его поездки из Петербурга в Ярополец, и мы убедимся, что такая возможность на этот раз была полностью исключена.

20 августа 1833 года Пушкин неожиданно оказался в Павловском. «Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму Павлу Ивановичу...» — писал он 21 августа из Павловского жене. Через день поэт выехал на Ярополец. По дороге ночевал в Микулином Городище. «В селе... сохранилось предание о посещении Пушкина... В старинном микулинском барском доме хранится шляпа Пушкина на память об его посещении». [6]

Запись эта сделана авторитетным краеведом в самом начале нашего века. Она интересна тем, что уточняет дорогу, которой ехал поэт, помогает рассчитать время поездки.

Итак, 22 августа он попрощался с добрым Павлом Ивановичем, в этот же день заехал на несколько часов в Мологино, а ночевал в Микулином Городище, задерживаться в котором не было причин. (К остановке в Мологине мы еще вернемся.) Поутру 23 августа Пушкин снова в пути. Ночью — он в Ярополье. Здесь отдал делам один день, осмотрел местные «достопамятности», заглянул в библиотеку. «...Наталья Ивановна (мать Н. Н. Пушкиной.— **А. П.**) позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три...» Беседует с родственниками и, не отдохнув как следует, отправляется в Москву. А оттуда сразу же — письмо Наталье Николаевне, датированное 26 августа:

«Поздравляю тебя с днем твоего ангела, мой ангел, целую тебя заочно в очи — и пишу тебе продолжение моих похождений (начало — в письме из Павловского.— **А. П.**) — из антресолей вашего Никитского дома, куда прибыл я вчера благополучно из Ярополъца. В Ярополец приехал в середу поздно».

Два пушкинских письма, в которых описан почти

каждый день этой короткой поездки, полностью опровергают предположение о том, что он мог навестить Ржев в 1833 году, в период работы над «Историей Пугачева». Позже Пушкин в старицкие края уже не приезжал, а в Тверской губернии бывал лишь проездом.

Теперь вернемся к 1829 году. Он был самым щедрым на визиты Пушкина в Верхневолжье: поэт навещал своих друзей трижды — в январе, марте и октябре. Именно в первый свой приезд (Старица, Павловское, 6—16 января) Пушкин побывал в Погорелом Городище, где, как ему было известно, жил сподвижник Пугачева. Ржев неподалеку отсюда, и он вполне мог заехать туда. Но не исключается и специальная поездка в этот город осенью, когда гостил он в Павловском продолжительное время (с 14 октября по середину первой декады ноября). Мартовская неделя, проведенная Пушкиным главным образом у Полторацких в Грузинах, едва ли была удобна для путешествия в Ржев.

Словом, у нас нет оснований сомневаться в достоверности сведений, зафиксированных в журнале Тверской архивной комиссии, относительно посещения Пушкиным Ржева (поездка в Погорелое — косвенное тому подтверждение). Правда, пока нет и реальных доказательств. Но сопоставление фактов дает возможность предположить, что поэт предпринял поездку в древний город не случайно и в Погорелое Городище заехал по пути в Ржев. Это позволяет установить важный факт творческой биографии поэта: мысль обратиться к истории пугачевщины возникла у него намного раньше, чем приступил он к осуществлению своего замысла, а именно в 1828—1829 годах. И первые «подступы» к этому труду связаны с Тверской губернией, где Пушкин пытался найти «живой материал» для своего будущего повествования об одном из знаменательных, драматических событий отечественной истории и, как мы увидим, нашел его в интереснейшем фамильном архиве. Рассказ об этом — впереди.

Осуществление замысла отодвинулось на несколько лет: вероятно, мешали дела творческие и житейские. Но в 1833 году он занялся «Историей Пугачева» по-настоящему, вплотную...

Интерес Пушкина к истории Тверского края не ограничивался, как мы видим, только его предками. Здесь узнал он много интересного из эпохи Ивана Грозного, из времен татарского нашествия. Его притягивала незаурядная личность князя Михаила Тверского. Недавно в Калининском архиве нашлось убедительное подтверждение тому. В последней книжке журнала «Современник» за 1837 год, хранящейся в архиве, напечатаны сцены из трагедии А. М. Муравьева «Михаил Тверской». «Ее главные герои — исторические лица начала XIV столетия — тверской и владимирский великий князь Михаил Ярославич, его сын Константин, золотоордын-

ский хан Узбек, его наместник Кавгадый, московский князь Юрий Данилович.

В большом произведении из пяти глав Пушкин выбрал для издания самую трагическую часть — сцену суда и казни Михаила Тверского в Орде, совершившуюся 22 ноября 1319 года. Михаил первым среди русских государственных людей «мрачных столетий» (слова Пушкина) поднял русский народ на борьбу с монгольским игом» [7].

Так продолжалось начатое еще в юности путешествие Пушкина в историю России. Не забыты и тверские маршруты его.

Тверская губерния конца XVIII и первой половины XIX века славилась талантливыми, незаурядными людьми — писателями, поэтами, художниками, учеными, государственными деятелями. Многие из них были хорошо известны в московских и петербургских литературных кругах, входили в число друзей и знакомых Пушкина. Одних ценил он за талант, поощрял в творчестве, других — за широту души, иным покровительствовал, оказывал помощь добрым словом и делом. С некоторыми из тверяков поддерживал живые связи до конца своих дней.

Время беспощадно. Оно стерло многие следы, оставленные Пушкиным на этой земле, но оказалось бессильным перед памятью благодарных потомков. Все, что сохранилось в заповедных уголках Калининщины, стало предметом особой заботы и внимания, которые наиболее ярко проявились в создании «Пушкинского кольца Верхневолжья». Маршрут этот объединил любимые поэтом места — Малинники, Павловское, Берново, которые подобны узелкам на серебряной нитке Тьмы. Мы еще развяжем их, путешествуя по дорогам и тропинкам «Кольца». Но прежде расскажем, как возникло оно.

«Сбирайтесь иногда...»

В пятисотлетней истории Бернова плотно спрессованы разные по масштабам события. Иные из них значатся в летописях, иные забылись. Так, старицкий летописец под 1537 годом записал: «Не зная, будет ли ему успех, а либо смерть от меча, схоронил тайно князь Андрей Иванович в Бернове часть своего кошта» [8].

Событие, случившееся здесь 5 июня 1970 года, будет помниться всегда, ибо оно на многие годы определило счастливую судьбу древнего тверского села, сделало его всесоюзно известным.

А ведь вроде бы ничего особенного не произошло в тот ненастный день начала лета. Пришли в Берново несколько автобусов из Калинина, залепленные дорожной грязью по самую крышу. Вышли из них несколько десятков человек — и пожилых, солидных, в строгих костюмах, и совсем юных, одетых в ковбойки и джинсы. Вышли, осмотрелись и, не обращая внимания на дождь, стали подниматься мимо старой, облупленной церквушки к парку на горе, где стоит школа.

Нет, не на экскурсию приехали горожане и не за кладом князя Андрея. Знали они — писатели, литературоведы, филологи, журналисты, библиотечные работники, студенты, — что здесь, на берегах Тьмы, «зарыт» другой клад, куда ценнее княжеского. Клад этот берновская земля приняла

полтора столетия назад, сохранила его, не забыла оставить указатели потомкам своим — где искать через многие десятилетия. Но время забросало пеплом живой огонь, пламя которого некогда согревало всю Россию.

Человеку, приехавшему в эти края, и прежде случалось услышать: «А ведь в наших местах бывал Пушкин!» Об этом с гордостью говорили и в Старице, и в Бернове, и в Малинниках... Да только дальше слов дело не шло. Причин тому было достаточно. Годы не пощадили многие реликвии, связанные с пребыванием Пушкина в Верхневолжье, а то, что осталось, разрушила война, разграбили, уничтожили захватчики. Высохли очаровательные некогда пруды, одичали великолепные парки. Стали зарастать тропы в старицкую глубинку, бывшую «приютом спокойствия, трудов и вдохновенья» для великого поэта.

Но только берновцы не смирились, не опустили рук. Педагоги местной школы были и краеведами, и пушкинистами, и следопытами. Бережно собирали они вместе со своими учениками скудные сведения о жизни Пушкина в здешних краях...

Однажды служебная командировка привела меня в небольшой городок Калининской области — Кувшиново. Отсюда рукой подать до тех мест, где бывал Пушкин. О местах этих много рассказывал мне старейший тверской художник Михаил Викторович Хорьков. В молодости часто приходил он сюда писать этюды — солнечные уголки заросших парков, обветшалые особняки, сохранившие в своем облике зримые черты минувшего века. И вот сейчас страна эта, озаренная именем Пушкина, была рядом...

Остались позади подернутые зеленой дымкой поля, леса, наполненные птичьим гомоном, бойкие речушки, деревни, заросшие буйно цветущей сиренью. Мокрый проселок алел в закатном солнце. Однажды у самой до-

роги встретилась стоящая на постаменте гаубица: по этим мирным полям прошла война.

Берново, должно быть, смотрело уже второй сон, когда въехали мы в село. Окошки светились в единственном доме у реки. На стук вышла маленькая, словно девочка-подросток, старушка, босая, простоволосая, с удивительно живыми голубыми глазами. Поздоровалась несуетливо, осведомилась, кто такие и зачем так поздно пожаловали, провела в дом и тут же убежала куда-то. Вскоре вернулась с ведрами студеной воды.

Мы отмывали дорожную грязь, а хозяйка тем временем ставила на большой деревянный стол кувшин с молоком и кружки, резала ржаной каравай... Просторная, чистая изба. В иконостасе рядом с ликами неведомых нам святых — портрет Пушкина, вырезанный из «Огонька»... Берново с первых минут одаривало за фантастическую дорогу через непролазные бочаги.

Никогда не забыть мне эту ночь! Луна поднялась высоко над селом. Журчала на перекате Тьма. В садах неистовствовали соловьи. Казалось, время сместилось, перенеся нас в те дни, когда берновскими улицами ходил Пушкин, а в большом барском доме на холме горели свечи, звучала музыка, тенистый, таинственный парк был полон шепота и смеха, и луна спокойно смотрелась в зеркальце пруда, оправленное по берегам лилиями.

Много раз с тех пор бывал я здесь, но та, первая поездка осталась самой волнующей, самой праздничной, словно тогда узнал я радостную тайну...

С первыми лучами солнца отправились мы бродить по Бернову. В парке, у школы, увидели небольшие фанерные щиты. На них — названия произведений, созданных Пушкиным в окрестных деревнях, схема его поездок по старицкому краю, голубая ленточка Тьмы. Эти стенды соорудили педагоги и ученики берновской шко-

лы. На уроках писали сочинения о Пушкине, после уроков делали свой школьный музей поэта, мечтали о том времени, когда в их родном селе будет большой настоящий музей. И не знали, что мечты их скоро, очень скоро сбудутся.

Теперь, вспоминая трогательные ребячьи фанерные «путеводители», я вижу в них первую примету сегодняшнего пушкинского Бернова, которое заявило о себе в полный голос бессмертными стихами, собрало под сенью старого парка тысячи людей, открыло интересную страницу жизни творчества поэта, связанную с Тверским краем и несправедливо забытую прежде...

Вот сюда, к школе, и пришли тогда, 5 июня 1970 года, гости Бернова, участники первых в области литературных Пушкинских чтений. Потом собрались они в красном уголке совхоза «Берновский». Здесь, а назавтра в Старице звучали стихи, лекции, доклады о жизни и творчестве Пушкина. Отсюда в канун дня рождения поэта ушла в Михайловское телеграмма:

«Псков, село Михайловское. Президиуму Дня поэзии. Участники первых Пушкинских литературных краеведческих чтений в селе Берново и городе Старица (Калининской области) шлют сердечное приветствие счастливым участникам Дня поэзии в Михайловском. Поклон вам от гордых волжских берегов, от маленькой Тьмы, где написаны многие строфы «Онегина», «Зимнее утро», «Анчар», где началась проза поэта. Пусть никогда не заходит над нами солнце русской поэзии — Пушкин.

Калининцы».

В этих строках — и зависть к тем, кто чествует поэта под сенью михайловских рощ, и гордость за то, что калининцы сделали первый, пусть тогда еще робкий шаг к великой традиции советской культуры. Они были уверены, что станут полноправными участниками всесоюз-

ного поэтического торжества и Берново позовет к себе в гости знаменитое Михайловское.

И все-таки едва ли кто верил, что произойдет это так скоро. Но уже в 1971 году дебютировало «Пушкинское кольцо Верхневолжья», в Бернове состоялся первый поэтический праздник, собравший шесть тысяч человек, открылся пушкинский музей, был установлен памятник поэту. Эстафету праздника продолжило село Никольское Торжокского района... А еще через год Пушкина чествовали Калинин и Торжок, Старица и Погорелое Городище, Малинники и Грузины. И теперь уже тверяки принимали поздравления. Вот что писал им бессменный председатель комитета по проведению Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии Ираклий Андроников:

«Хочу поздравить вас, дорогие старичане, и особенно вас, дорогие берновцы, с вашим чудесным Пушкинским праздником, который вы проводите уже во второй раз. Шлю вам сердечный привет из Михайловского от участников Шестого Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии, на который съехались поэты Москвы, Ленинграда, Киева и Тбилиси, Минска, Еревана и Ашхабада, Риги и Таллина, Кишинева и Фрунзе, Элисты, Якутска, Нальчика и Махачкалы, Одессы, Тулы, Ворошиловграда...

Жмем ваши руки, дорогие участники берновского праздника,— всем, кто пришел благодарно почтить величайшего из поэтов и еще раз доказать миру, что Пушкин бессмертен».

Михайловское в этот день пришло в гости к Бернову и вместе с теплым письмом директора Государственного Пушкинского заповедника Семена Степановича Гейченко:

«За горами, за долами Псковщины есть сказочная страна Михайловское Святогорье, где живет и всегда

будет жить волшебник русского слова Пушкин, а с ним его бессмертные герои.

Теперь сказочная страна материализовалась еще и в другом любимом месте Пушкина — Бернове.

Сегодня, в день торжественного праздника поэзии и поэтов, в синем небе все видят замечательную радугу, соединяющую эти удивительные места.

Сердечно поздравляем вас, дорогие товарищи, с Праздником поэзии Пушкина. Приезжайте в гости к нам в Михайловское, будете самыми дорогими гостями Александра Сергеевича и всех нас — хранителей его бессмертного наследия».

И еще одна телеграмма:

«Поздравляю старичан — почитателей Пушкина — с днем рождения поэта... и со скромной, но дорогой для нас датой — первой годовщиной нашего общего детища — пушкинского музея в Бернове. От имени коллектива — А. Крейн, директор Московского Государственного музея А. С. Пушкина».

Но все это будет позже — и музеи, и многолюдные праздники, и сердечные поздравления. А пока идет напряженная работа. Ею был заполнен год, отделяющий первые Пушкинские чтения, в которых участвовало двести человек, от первого Пушкинского праздника, собравшего в Бернове несколько тысяч калининцев и гостей из разных городов страны. Начало этой большой, сложной, но увлекательной работе, вдохновившей сотни людей, объединившей десятки предприятий, организаций, учреждений, было положено постановлением исполкома областного Совета от 3 июня 1968 года за № 179 «Об охране, использовании и благоустройстве историко-природного заказника, связанного с жизнью и творчеством А. С. Пушкина».

Постановление осуществлялось под руководством областного комитета партии, и к 1971 году основные по-

ложения документа были выполнены: в литературный маршрут — «Пушкинское кольцо» — объединены все места, связанные с именем поэта: Калинин, Торжок, Прутня, Грузины, Берново, Глинкино, Павловское, Курово-Покровское, Малинники, Старица.

Даже один перечень городов и сел, включенных в «Кольцо», достаточно убедительно говорит о том, какой объем работы пришлось проделать Калининской, Торжокской, Старицкой партийным организациям, городским и районным Советам народных депутатов, областному управлению культуры, колхозам и совхозам.

В 1971 году были подведены первые итоги. Проанализировав их, облисполком принял новое решение, утвердил мероприятия по благоустройству и пропаганде мест, связанных с пребыванием А. С. Пушкина в Тверском крае. Это была конкретная комплексная программа дальнейшего развития «Кольца». Вот наиболее значительные ее пункты:

1. Заасфальтировать 2 километра дороги в Бернове.

2. Произвести ремонт дороги Старица — Берново — Торжок.

3. Расчистить пруды в Грузинах.

4. Установить мемориальные доски в Грузинах, построить мост через реку Жаленку.

5. Построить мост через реку Тьму в деревне Богатьково Торжокского района.

6. Закончить реставрацию школы в деревне Глинкино.

7. Построить открытую эстраду в селе Бернове.

8. Вынести склады горюче-смазочных материалов за пределы Бернова.

9. Расчистить пруды и реставрировать арочный мост в деревне Василево Торжокского района.

10. Расчистить и восстановить парки в Бернове, Чукавине, Павловском и Малинниках Старицкого района,

в Грузинах, опытно-показательном хозяйстве имени Ленина (бывшее имение Олениных) Торжокского района, в селе Никитском Калязинского района.

11. Произвести благоустройство территории, подсадку деревьев и кустарников согласно проекту на участке бывшего дома Олениных в Торжке.

12. Закончить реставрацию и приспособление бывшего Успенского монастыря в Старице (Введенская церковь) под выставочный зал, развернуть здесь экспозицию прикладного искусства области и выставку «Пушкинские музеи страны».

13. Закончить реставрацию бывшего дома Олениных в Торжке, открыть здесь пушкинскую выставку.

14. Подготовить выставку «Калининские художники — Пушкину».

15. Выпустить значок, изображающий пушкинскую сосну на горке «Парнас» в Бернове.

16. Выпустить к Дню поэзии сувениры для продажи в магазинах «Пушкинского кольца».

17. Открыть литературно-музыкальную гостиную с фонотекой в торжокском клубе имени Парижской коммуны — бывшей гостинице Пожарского.

18. Отремонтировать фасад и крышу усадебного дома (бывшее имение Полторацких) в селе Грузины.

19. Отремонтировать церковь в Бернове — памятник архитектуры XVII века, благоустроить территорию.

Всего в этом документе около тридцати пунктов. И каждый также конкретен, также важен и также сложен, если учесть, что осуществлялись работы силами самих калининцев, за счет местных средств.

Казалось бы, сухая казенная бумага: сроки, исполнители, источники средств... Но сколько в этом постановлении поэзии! Как показательно оно для нашего отношения к культуре, к наследию прошлого.

Для того чтобы читатели могли нагляднее предста-

вить масштабы работ по созданию «Пушкинского кольца» (а оно создавалось буквально на пустом месте), прокомментируем несколько приведенных выше пунктов.

«Построить мост через реку Тьму в деревне Богатьково...»

Она некогда была быстрой, полноводной — славная речка Тьма, впадающая в Волгу неподалеку от Калинина. Ходили по ней небольшие суденышки, сплавлялся лес. Сегодня она — в разряде речушек, но прежний свой норов не забывает: разливается в половодье, сносит шаткие мостики, раскатывает бревна. И тогда не добраться торжокской дорогой до Бернова. Был тут издавна деревянный мост. Весной его разбирали, боясь большой воды. Случалось — ездили вброд. Но это, когда проходили здесь за день лишь несколько колхозных машин. Но вот пошли целые караваны автобусов — люди ехали на Пушкинский праздник, и Тьма останавливала их. Решить проблему было поручено Торжокскому райисполкому. Теперь в Богатькове отличный железобетонный мост, надежно связавший Торжок и Берново.

«Закончить реставрацию школы в деревне Глинкино».

Почему именно этой школы? Да потому, что необычная она — глинкинская школа. Здание это было построено в самом начале XIX века и являет собой редкий образец гражданского деревянного зодчества. Ампирный особняк принадлежал в пушкинские времена помещикам Ртищевым. Если верить преданию, поэт бывал здесь, навещая соседние с Берновом имения.

Стоит особняк прямо у самой дороги, ведущей к центру «Пушкинского кольца», и здесь — непременная остановка, чтобы полюбоваться живописной усадьбой, заливными приречными лугами. Здесь как бы «прихожая» пушкинского Бернова, настраивающая вас на скорую встречу с главным звеном «Кольца».

О

Конечно

Владимир

век

За полу-русск

«Вынести склады горюче-смазочных материалов за пределы Бернова».

Село это — центр большого богатого совхоза. Откармливают здесь свиней, выращивают хлеб. Много техники, много машин. Отсюда и склады. Прежде вроде бы и не мешали. Но с тех пор как Берново стало осваивать новую «профессию» — туристского, поэтического центра Верхневолжья, склады эти, да и не только они, оказались не на месте. Свинофермы в центре села не украшение. Началось строительство животноводческого комплекса совхоза за пределами села. В соответствующих организациях верно поняли желание берновцев благоустроить свое село и выделили необходимые средства. И не только на строительство ферм. Появились в Бернове новый промтоварный магазин, книжная лавка, отличное кафе «Русалка», уютная гостиница «Парнас», телефонная станция, покрылась асфальтом дорога от парка до берега Тьмы, который здесь с недавних пор называют не иначе, как «берег, милый для меня». А сейчас завершаются работы по воссозданию старинной мельницы у омута, с которым связана легенда о печальной судьбе дочери берновского мельника.

«Расчистить и восстановить парки в Бернове, Чукавине, Павловском и Малинниках...»

Прудам этим больше сотни лет. Каждому, а не всем вместе. Некоторые из них представляют собой образцы русской ландшафтной архитектуры, спроектированные выдающимися зодчими. Зачастую это не отдельные водоемы, а целый каскад искусных гидротехнических сооружений, которые подобно зеркалам вправлены в великолепные «рамы» уникальных парков. Расчистка таких прудов — дело сложное, тонкое, требующее знаний, навыков, соответствующей техники. А потому и поручили его целой группе организаций и учреждений — объединению Межколхозсовхозлес, областному отделу

народного образования, Калининскому государственному университету, Обществу охраны природы.

Первым «реставрировали» берновский пруд, казалось, самый безнадежный. Попытка удалась, и сегодня зеркальце тихой воды, как и в былые времена, отражает в себе липовую аллею, старый дом за нею.

Возрождены пруды в Грузинах, Василеве, Никитском... Теперь уже невозможно представить «Пушкинское кольцо» без этого драгоценного ожерелья.

«Закончить реставрацию и приспособление бывшего Успенского монастыря в г. Старице (Введенская церковь) под выставочный зал...»

Комплекс монастыря — архитектурная жемчужина Старицы. Некоторые постройки являются образцами древнего русского зодчества. Однако они сильно обветшали, были повреждены во время войны. Реставрация потребовала больших материальных затрат, искусных мастеров. Несколько лет велись здесь работы. Включение Старицы в «Кольцо» ускорило их. И вот теперь знаменитая шатровая Введенская церковь, построенная еще при Иване Грозном, стала музеем, где собраны произведения народного и декоративно-прикладного искусства, которыми славится Верхневолжье. Старица стала не только звеном «Пушкинского кольца», но и крупным туристским центром Калининской области...

Вот что стоит за сухими строчками документа, определившего судьбу Пушкинского заповедника.

Сведения об истории создания «Кольца» дополнит хроника поэтических праздников.

1971 год. 5 июня состоялся первый в области Пушкинский праздник поэзии в Бернове. Открытие музея и памятника А. С. Пушкину (автор И. Рукавишников). В торжествах приняла участие делегация Союза писателей СССР: Б. Полевой, И. Снегова, Е. Николаевская, М. Квливидзе, А. Смольников.

6 июня праздник продолжился в селе Никольском Торжокского района.

1972 год. 3 июня в Торжке открылся музей Пушкина в доме Олениных, приняла первых посетителей музыкальная гостиная в клубе Парижской коммуны.

В этот же день в Погорелом Городище на Доме культуры открыта мемориальная доска в честь пребывания здесь Пушкина.

4 июня праздник в Бернове собрал восемь тысяч человек. Гости праздника — Л. Ошанин, Д. Паттерсон, А. Стройло. Состоялись Пушкинские чтения, большой концерт классической музыки.

В день рождения Пушкина в Калинине открыт памятник поэту (автор Е. Белашова). В торжествах участвовали И. Андроников, С. Наровчатов, Н. Доризо, В. Коротич, Б. Истру.

1973 год. Калининская область официально включена в число мест, где проводится Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии. 1 июня в областном центре состоялся большой вечер, открывший торжества. Праздник в Калинине продолжался три дня. Городской сад был оформлен по мотивам пушкинских произведений.

2 июня в Торжке на Круглой площади открылся памятник поэту (автор И. Рукавишников). В музее — новая экспозиция, выставка «Калининские художники — Пушкину». В музыкальном салоне бывшей гостиницы Пожарских — две выставки: «Пушкин в музыке», «Пушкинские музеи страны».

3 июня, Берново. Праздник собрал десять тысяч человек. В гости к берновцам приехали Б. Полевой, М. Матусовский, В. Кузнецов, Г. Семенихин, М. Румянцева. Состоялся фольклорный концерт «Волжские родники», в котором выступило 800 участников художественной самодеятельности.

1974 год. 31 мая в Калинине начались торжества,

посвященные 175-летию со дня рождения Пушкина. На набережной Волги в городском саду торжественно открылся памятник поэту (авторы — скульптор О. Комов, архитекторы Н. Комова, В. Фролов).

1 июня в Торжке — большое театрализованное представление на реке Тверце, посвященное юбилею; экскурсии по памятным местам, вечер в Доме культуры.

2 июня, Берново. В юбилейном празднестве участвовало семнадцать тысяч человек. Свои стихи читали А. Чаботару, С. Данилов, А. Матчанов, А. Ющенко, Л. Татьяничева, С. Викулов, С. Кузнецова. Более тысячи самодеятельных артистов из пятнадцати районов области дали концерт на Праздничной поляне берновского парка.

2 июня, Погорелое Городище. В Доме культуры открылась комната-музей Пушкина.

В этот же день состоялся народный праздник в селе Никитском Калязинского района.

1975 год. Более десяти тысяч человек приняли участие в пятом областном празднике поэзии. Гостями калининцев были поэты А. Дементьев, М. Квливидзе, Е. Храмов, В. Костров.

1976 год. Праздник прошел в Калинине, Торжке, Бернове, Никитском, Погорелом Городище. Почтить память Пушкина пришли более пятнадцати тысяч калининцев и гостей из других городов страны. Делегацию Союза писателей СССР возглавлял О. Шестинский.

1977 год. Поэтический вечер в Калинине. Народные гуляния в Торжке, Никитском, Погорелом Городище. Праздник в Бернове, несмотря на дождь, собрал более шести тысяч человек. Большой концерт фольклорных коллективов и участников художественной самодеятельности. Стихи читали А. Дементьев, Ю. Дудин, А. Мельников, Я. Шведов...

1978 год. Торжества состоялись в Калинине, Торжке,

Бернове. В них участвовала группа литераторов во главе с секретарем Союза писателей РСФСР В. Поволяевым.

Приведенная хроника рождения прекрасной традиции скупа, как и положено хронике. Но за ее строками — добрые дела калининцев по возрождению мест, дорогих народному сердцу, зримые плоды этих дел. И важно тут не только то, что на популярном литературном маршруте страны обрели законные права в недалеком прошлом малоизвестные широкому кругу поклонников пушкинской поэзии тверские «грады и веси». Главное состоит в том, что в процессе строительства «Кольца» у тысяч людей появилось чувство заинтересованности в судьбе памятных мест. Они ощутили личную ответственность за будущее этих мест, потребность внести посильный вклад в общее дело. Их участие в этой работе — прекрасная школа нравственного, эстетического воспитания, школа патриотизма.

Но не будем говорить за них, пусть сами они расскажут, чем стало для калининцев «Пушкинское кольцо».

«Теперь никого не удивишь, если сказать, что изо всех окрестных деревень целыми семьями едут в Берново на Пушкинский праздник: сейчас едут сюда со всего района, со всей области, да и из других областей тоже.

Едем мы в Берново дружно и торжественно. Такой праздник у нас в колхозе никто не пропускает. Да и гордимся мы, уроженцы этих мест, что выросли на той земле, которая дорога была Пушкину.

Работаем мы с землей — я, например, пятнадцать лет была трактористкой. А на праздниках поэзии мы — самые первые слушатели, чувствуем себя участниками большого культурного события. Хочется лучше знать литературу, поэзию Пушкина. Я люблю художественное чтение, много лет занимаюсь им, выступаю на литера-

турных вечерах, в концертах художественной самодеятельности. Мне по духу патриотические стихи. Сколько их у Пушкина!

А в последние годы появились хорошие стихи о нашем пушкинском Бернове. Читаю их с радостью».

Вот так определила значение поэтического праздника бригадир комплексной бригады колхоза имени Пушкина Н. Дворцова.

Послушаем еще одного калининца — механизатора совхоза «Берновский» Н. Овчинникова:

«Тысячи людей собираются в Бернове в честь дня рождения великого русского поэта. На этом празднике всегда бывает большой концерт. Нравится нам, что много поют здесь русских народных песен. Все знают сказки Пушкина, знают, как любил он народную речь, песни, которые слагал народ. Уже который год в первое

воскресенье июня над всем Берновом, над окрестными полями звучат песни. Наш праздник поэзии — праздник народный».

А теперь предоставим слово земляку калининцев, известному советскому писателю Борису Николаевичу Полевому, много делающему для возрождения славных традиций родного края.

«В последние годы Пушкиниана необычно обогатилась. К старым маршрутам, связанным с Тригорским, Михайловским, прибавилось Верхневолжское «Пушкинское кольцо», прочно связанное с именем великого поэта, с лучшими и самыми продуктивными годами его творчества. Разумеется, мы, старые тверяки, знали и Берново, и Малинники, и Торжок, и Прутню не хуже, чем знали Михайловское и Тригорское. Но по-настоящему это новое кольцо пушкинских странствий, нашедших себе когда-то богатое отражение в стихах его, и в прозе, и в письмах, стало известно в нашей стране за последние годы. И я, как тверяк, радуюсь этому как выдающемуся обогащению культуры родного края...

...Как это здорово, что сейчас... десятки, сотни тысяч советских людей ходят и ездят по этим маршрутам, общаясь с Пушкиным, его книгами, с его образами».

Работы по благоустройству «Кольца» продолжаются. Реставрирован усадебный дом в Бернове, и пушкинский музей справил новоселье; в малинниковском парке появилась изящная деревянная ротонда. Скоро будет воссоздан в Малинниках дом — на том самом месте, на старом фундаменте, где стоял прежде дом Вульфов, в котором родилось столько прекрасных строк...

Когда-то, и не помышляя о таком всенародном интересе к его поэзии, Пушкин приглашал друзей: «Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный...» Теперь во всех уголках страны идут к этому бессмертному свитку люди. Идут и сюда, на берега Тьмы...

Бог помочь вам,
друзья мои...»

Среди друзей, товарищей, наставников Пушкина были и уроженцы Тверской губернии. В широкий дружеский круг входили также люди, тесно связанные с Верхневолжьем службой, литературными и общественными делами, не порывавшие связей с этим краем всю свою жизнь. Их имена будут нашими путеводными огнями в путешествии по страницам тверской истории...

Судьба не баловала его праздниками. Но этот отмечал он неизменно — стихами, вином, один или в кругу друзей,— 19 октября, день открытия Лицея. За шумным, веселым столом, среди ставших знаменитыми лицеистов, всегда незримо присутствовал человек, чтимый и любимый ими. Это ему посвятил Пушкин полные искреннего чувства строки:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень.
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

Одного этого признания достаточно для того, чтобы возблагодарить тверскую землю, давшую России человека, который «воспитал пламень» великого поэта и многих его современников.

Стихами, написанными много лет спустя после окончания Лицея, Пушкин как бы подводит итог общения с этой незаурядной личностью. А началось оно так:

Вы помните: когда возник Лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.

Это была счастливая для юного поэта встреча. Воспоминания о ней хранил он в сердце, как и искреннюю благодарность. По словам П. А. Плетнева, Пушкин всегда восхищался лекциями Куницына и «лично к нему до смерти своей сохранил неизменное уважение».

После Лицея встречались они нечасто. Тем радостнее для обоих были эти встречи. Одна из них состоялась у Н. И. Тургенева в 1819 году, где собрались участники затевавшегося в ту пору журнала «Россиянин XIX века». В библиотеке Куницына хранилась «История Пугачевского бунта» с пушкинским автографом: «Александру Петровичу Куницыну от Автора в знак глубокого уважения и благодарности 11 янв. 1835».

Вспоминал поэт своего наставника и во время южной ссылки. В «Послании к цензору», написанном в 1822 году, есть такие строки:

Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь:
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом.

Встретим мы это имя и в «Программе автобиографии» («Первая программа записок», предположительно датируется 1830 годом).

Александр Петрович Куницын (1783—1840) родился в селе Кой у границы Тверской и Ярославской губерний. Сын сельского дьячка, он выбился в люди своим трудом и талантом. Окончил Кашинское духовное училище, затем Тверскую семинарию. В семинарских ведомостях, сохранившихся в архиве, против фамилии Куни-

цына стоят самые высокие по тем временам оценки успеваемости: «Изрядная», «Хорошая», «Не худая».

После окончания семинарии Куницына отправили в только что открывшееся Петербургское училище подготовки учителей. В столице он вскоре приобрел репутацию одного из самых талантливых педагогов. Свое образование Куницын завершил в знаменитом Гейдельбергском университете, который был истинным рассадником русского вольномыслия.

Когда в 1811 году открылся Лицей, Куницын был назначен профессором нравственных и политических наук. На открытии Царскосельского лицея, предназначенного для воспитания будущих государственных деятелей империи, Куницын, не считая слуг, был, пожалуй, единственным человеком из народа. Вскоре он стал любимым преподавателем лицейского курса. Слушая его лекции, умолкали и затихали за своими столами непоседливый Пушкин и его ближайшие друзья — увалень Дельвиг, долговязый Кюхля, рассудительный Иван Пущин.

Куницын своими пламенными лекциями старался привить лицеистам свободолюбивые идеалы просветителей XVIII века, зажечь ненависть к тирании, обосновать право народа на борьбу с угнетателями. Все это излагал он в блестящих лекциях по философии, праву и политической экономии, иллюстрируя примерами крепостнической российской действительности.

Лекционный курс А. П. Куницына был опубликован под заголовком «Право естественное». Лицейское начальство и высокопоставленные царские чиновники усмотрели (и не без основания) крамолу в куницынской книге. Она была изъята, как противоречащая истинам христианства, а ее автор в 1821 году навсегда отстранен от преподавания за «вольнодумство».

Но слово Куницына, несущее любовь к простому че-

ловеку, к свободе и равенству, нашло дорогу к сердцам лучших учеников Лицея и оставило в них незримый, но прочный след.

От имени тех, в ком сын тверского дьячка возжег чистую лампаду, написал Александр Пушкин восторженные строки своему любимому педагогу.

Село Кой стоит и поныне. Если вы захотите побывать в нем, дорога не займет много времени. От Калинина до районного центра Сонково 163 километра. В этом крупном железнодорожном узле скрещиваются пути, связывающие Москву и Ленинград, Поволжье и Прибалтику. Из Сонкова проселочная дорога приведет в Кой.

Кой — старое торговое село. В былые времена славилось оно базарами, собиравшими народ со всей округи. Сохранилась в селе просторная торговая площадь. Пощадило время и местную церковь. Где-то здесь, неподалеку от храма, стоял дом, в котором вырос Александр Петрович Куницын — наставник великого русского поэта, духовный наставник будущих декабристов.

Связи поэта с Тверской губернией во многом определялись кругом его литературных знакомств. К этому дружескому кругу принадлежал и **Иван Андресвич Крылов** (1769—1844). Значительный период его жизни прошел в Твери. Впечатления детства, юношеские наблюдения позднее нашли отражение в творчестве Крылова.

Отец И. А. Крылова в 1774 году вышел из армии в отставку и поселился в Твери, где жила бабушка будущего баснописца. Его приезд совпал с образованием Тверской губернии как административной единицы Русского государства. В 1775 году были торжественно открыты губернские учреждения. А. П. Крылова назначили вторым председателем губернского магистрата. В Калининском государственном архиве сохранились подлинники не-

скольких судебных постановлений за подписью А. П. Крылова.

Однако административная карьера его была недолгой. В 1778 году Андрей Прохорович умер, не оставив семье не только наследства, но и пенсии.

Вдова А. П. Крылова с трудом воспитала двоих детей. Не имея средств для того, чтобы отдать сына Ивана в школу, она сама занялась его образованием. Вскоре обнаружились поразительные способности маленького Крылова к языкам. Уже в детстве он знал французский и немецкий, которым обучился в семье чиновника наместнического управления Н. П. Львова. Глава этой семьи был связан с литературной средой Петербурга, дружил с Державиным и Хемницером.

Трудным и коротким было детство Крылова. С февраля 1781 года его определили на службу подканцеляристом Калязинского уездного суда, а в декабре того же года назначили в губернский магистрат. И здесь перед ним впервые открылись двери российского «присутствия».

Магистрат размещался на площади присутственных мест (ныне здание городского Совета на площади Ленина в Калинине). Любопытно отметить, что ровно через восемьдесят лет в этот дом вошел и другой прославленный писатель — «прокурор российской действительности» М. Е. Салтыков-Щедрин, назначенный в Тверь вице-губернатором.

Крылов занимал в магистрате скромное писарское место. Вот что говорит об этом периоде его жизни один из биографов Крылова: «Как сын бедных родителей, Крылов рано познакомился с действительною жизнью, рано начал сталкиваться с людьми. С детства любил он бродить по городу. Все закоулки и улицы Твери были ему известны, и всюду он имел товарищей. Он посещал народные сборища, торговые площади, качели и кулач-

ные бои, где толкался между пестрою толпою, с жадностью прислушивался к говору мужиков и баб, запоминая пословицы и разные местные народные выражения. Часто по целым часам он стаивал на берегу Волги, против плотомойного плота, и когда возвращался к товарищам, то передавал им забавные анекдоты, поговорки и рассказы, которые уловил из уст словоохотливых прачек, сходившихся на реке со всех концов города. Все это, без сомнения, отразилось потом в его баснях, послужило ему неистощимым материалом для его литературных творений» [9].

Эти впечатления прочно врезались в память, и спустя много лет прославленный писатель в кругу друзей-литераторов любил рассказывать слышанные им в Твери народные сказки, поговорки и предания.

Немало интересного почерпнул Крылов на публичных диспутах, которые устраивала в те годы Тверская семинария. После диспутов давались театральные представления. В них высмеивался бюрократизм чиновников, канцелярская волокита. А порой авторы отваживались и на критику крепостного строя.

В Твери Крылов получил первый жизненный опыт, приобщился к литературе, много читал. Здесь написал он и первую свою юношескую пьесу «Кофейница».

Словом, тверской период жизни И. А. Крылова во многом определил его дальнейшую судьбу, направление его творчества. Самое ценное, что воспитал в себе будущий поэт за годы жизни в Твери,— это любовь к народу.

В 1783 году Крылова перевели в Петербургское губернское правление «с награждением за беспорочную службу чином канцеляриста». В Петербурге вскоре приобрел он славу первоклассного баснописца, близко сошелся с Пушкиным, в письмах и критических статьях которого разбросаны многочисленные заметки о творче-

стве Крылова. Вот лишь некоторые из них: «Крылов превзошел всех нам известных баснописцев», «Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов».

Пушкинские отзывы о Крылове проникнуты глубокой симпатией к баснописцу. Он особенно ценил народность и чистоту языка крыловских басен, часто говорил о большой образованности их автора. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать его гневную отповедь французскому переводчику Крылова, утверждавшему, что писатель не знает иностранных языков.

Да что там переводчик! Даже близким своим друзьям не прощал Пушкин снисходительного отношения к баснописцу. Характерны в этом отношении строки из письма П. А. Вяземскому 8 марта 1824 года: «Жизни Дмитриева еще не видал. Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь черт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова...»

В творчестве великого баснописца исследователи находят большое число поговорок, присказок и других народных выражений, присущих местным тверским говорам. И это не удивительно, если учесть, что Тверь фактически стала второй родиной Крылова.

В Калинине, в уютном сквере, вблизи волжского берега, стоит бронзовый баснописец в окружении своих героев. Могучая фигура, задумчиво склоненная большая красивая голова. Перед нами Крылов-мыслитель. И стоит он совсем рядом с теми местами, где некогда жил и трудился: в самом начале Советской улицы, у нынешнего Дома офицеров, находилось прежде здание, в котором жили Крыловы.

Из тверских уроженцев особенно близок Пушкину был критик и поэт **Петр Александрович Плетнев** (1792—

не заметил — Молодой [illegible] из ли-
цеистов заказал вышивку на де-
реве — изображающую [illegible] голланд-
-ского, в виде Амура, [illegible]
поддерживающего Мин. Газету. Что
сия Трагедія? отвечайте, добрые
друзья! Скажите ли вы [illegible]
оныхъ [illegible]. Я хотелъ
бы посвятить Жуковскому со сле-
-дующими словами: Я хотелъ
было посвятить мою Трагедію Ка-
-рамзину, но онаго нет уже въ жи-
вых, что посвящаю ее Жуковскому...
Дочери Карамзина сказали мне
что я [illegible] [illegible] Ку-
[illegible] Отца — Итак [illegible]
еще можно что напишу? [illegible]
[illegible] Драгоценной для Россиян
памяти
Николая Михайловича
Карамзина
Сей труд гением его вдохновенный
с благоговением и благодарностию посвящает
А. Пушкин

1865), родившийся в Бежецком уезде. Плетневу выпала в жизни высокая честь: Пушкин посвятил ему одно из лучших своих творений — роман «Евгений Онегин».

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Как и Куницын, Плетнев происходил из духовного сословия. Окончив Тверскую семинарию, он поступил в Петербургский педагогический институт. Закончив курс, занялся в 20-е годы литературной деятельностью. Много печатался в журналах «Сын Отечества», «Северные цветы», но первоклассным поэтом Плетнев не стал, а выдвинулся как крупный историк и критик русской литературы. Принимал горячее участие в литературных и издательских делах Пушкина. Большинство книг поэта начиная с 1826 года издавал Плетнев: «Евгения Онегина», «Полтаву», «Бориса Годунова», «Повести Белкина». Тесно сотрудничал с Пушкиным в издании «Современника».

Он был профессором словесности, позднее возглавлял Петербургский университет (был его ректором более двадцати лет). Научная и служебная карьера Плетнева складывалась успешно, ему присвоили высокое

звание академика. Его университетский курс по истории российской словесности, статьи о творчестве Жуковского и Гоголя, первый опыт творческой биографии Крылова явились важным этапом в развитии русской литературной критики.

Плетнев и Пушкин познакомились в юности, в 1816 году. Знакомство со временем переросло в дружбу, которую они пронесли через всю жизнь. Плетнев присутствовал при кончине поэта.

Сохранилась обширная переписка двух деятелей русской культуры — 30 писем Пушкина к Плетневу и 23 письма Плетнева к Пушкину. Какие только дела не обсуждались в этих письмах! Тут и жалобы Пушкина на одиночество ссыльного, и бесценные заметки о работе над «Борисом Годуновым», и совместные издательские дела, и полные задорного юмора зарисовки, и серьезные жизненные планы.

«Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 Бориса для московских прощалыг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вот тебе план жизни моей: я женюсь в сем месяце, полгода проживу в Москве, летом приеду к вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та же тетка. То ли дело в Петербурге! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна. Что Газета наша? надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин. Вот текст для славной филиппики. Кабы я не был ленив, да не был жених, да не был очень добр, да умел бы читать и писать, то я бы каждую неделю писал бы обозрение литературное —

да лих терпения нет, злости нет, времени нет, охоты нет. Впрочем, посмотрим...»

Такой искренностью, сердечностью, теплотой проникнуты многие письма поэта к Плетневу. Он был своим человеком в доме Пушкиных.

Их знакомство не сразу переросло в дружбу. В Петербурге окончательного сближения не произошло, хотя виделись они довольно часто, посещая «субботы» Жуковского, встречаясь на еженедельных вечерах у Плетнева.

В письмах из южной ссылки Пушкин упоминает это имя, однако в далеко не лестных выражениях. «Предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию,— пишет он в июне 1822 года из Кишинева Бестужеву,— но старушку можно и должно обмануть (имеется в виду цензура.— **А. П.**), ибо она очень глупа — по-видимому, ее настращали моим именем; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно (например, услужливого Плетнева...)».

Несколько позднее в письме к брату Льву Сергеевичу Пушкин резко высказался о стихах Плетнева: «Вообще мнение мое, что Плетневу приличнее проза, нежели стихи,— он не имеет никакого чувства, никакой живости — слог его бледен, как мертвец. Кланяйся ему от меня (т. е. Плетневу — а не его слогу) и уверь его, что он наш Гете».

В словах этих достаточно было иронии, чтобы за-

деть поэта. Но ведь они не предназначались для чужих глаз, по крайней мере последняя фраза. Однако Лев Сергеевич познакомил с письмом Плетнева. Казалось бы, это поссорит их. Но Плетнев ответил Пушкину дружеским посланием, а Пушкин брату — сердитым письмом: «Если б ты был у меня под рукой, моя прелесть, то я бы тебе уши надрал. Зачем ты показал Плетневу письмо мое? в дружеском обращении я предаюсь резким и необдуманным суждениям; они должны оставаться между нами... Впрочем, послание Плетнева, может быть, первая его пиеса, которая вырвалась от полноты чувств. Он блещет красотами истинными. Он умел воспользоваться своим выгодным против меня положением; тон его смел и благороден. На будущей почте отвечу ему».

В общем инцидент был исчерпан. И тот же Лев Сергеевич, а впоследствии и Дельвиг способствовали заочному сближению Пушкина и Плетнева в годы михайловской ссылки. Плетнев много сделал для издания первой главы «Евгения Онегина», которая увидела свет благодаря его инициативе.

Как изменился тон пушкинских писем к своему старшему (по возрасту) собрату! «Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего Онегина! — Созови мой Ареопаг, ты, Жуковский, Гнедич и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорностью приму его решение». Так пишут близким людям. Но настоящая дружба, большая, искренняя, равноправная, была еще впереди. А эти строки — как залог ее:

Ты издал дядю моего.
Творец Опасного соседа
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не заметила его.
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустых моих трудов,

Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель?

Здесь — и благодарность за публикацию «Онегина», и забота о литературных делах приятеля. Да, пока еще приятеля. Пушкин высоко оценил дружеское участие Плетнева в судьбе опального поэта, его смелость, прямоту, готовность рисковать карьерой (за Плетневым было установлено негласное наблюдение). Письма Пушкина к своему «издателю» становятся все теплее:

«Милый мой поэт, вот еще тебе поправка в А. Шенье...

Что не слышно тебя! у нас осень, дождик шумит, ветер шумит, лес шумит — шумно, а скучно. Женится ли Дельвиг? опиши мне всю церемонию».

«Милый, дело не до стихов — слушай *в оба уха:* Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно они вспомнят обо мне...» (Это письмо написано после получения Пушкиным известия о смерти Александра I; он высказывает надежду на возвращение из ссылки по ходатайству друзей. Плетнев уже числится поэтом в их круге.)

«Душа моя, спасибо за *Стихотворения Александра Пушкина,* издание очень мило... Еще раз благодарю сердечно и обнимаю дружески».

«Мой милый, очень благодарен тебе за все известия... Прощай, мой друг...»

Отныне это слово всегда будет определять их отношения, которые уже никому и ничему не дано омрачить. Пушкин еще не раз обратится к другу со стихами и в 1835 году, отвечая на его настоятельные советы продолжить «Евгения Онегина», напишет:

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман наш продолжать
И строгий век, расчета век железный,
Рассказами пустыми угощать.

«Наш» — это признание трудов и забот Плетнева по изданию главного поэтического творения Пушкина.

После смерти поэта Плетнев, которого Пушкин в одном из писем к В. Ф. Одоевскому назвал «воплощенной совестью», возглавил «Современник», пропагандировал пушкинские традиции в литературе, опубликовал несколько статей о своем друге, проникнутых глубоким уважением к его творчеству, к его личности.

Приведем строки из статей Плетнева о Пушкине.

«Определяя характер писателя как человека по господствующему тону и выходкам ума в его сочинениях, трудно заключить, что Пушкин был застенчив и более многих нежен в дружбе. Между тем это справедливо. Его ум, от природы необыкновенно проницательный и острый, в сочинениях высказывался во всей своей силе. В уединении, на просторе не связывало его ничто внешнее...

Собою не владел он только при таких обстоятельствах, от которых все должно было обрушиться на него лично. Он почти не умел распоряжаться ни временем своим, ни другою собственностию. Иногда можно было подумать, что он без характера: так он слабо уступал мгновенной силе обстоятельств. Между тем ни за что он столько не уважал другого, как за характер. Он говорил, что характер очищает в человеке все неприличное его достоинству. Так хорошо понимал он все пре-

красное в другом. Пылкость его души в слиянии с ясностию ума образовала из него это необыкновенное, даже странное существо, в котором все качества приняли вид крайностей»[10].

Были у Пушкина большие и преданные друзья, самоотверженно помогавшие преодолевать тяготы жизни. Были «минутные друзья минутной младости». Один из них — **Яков Николаевич Толстой** (1791—1867). Он родился в Осташковском уезде Тверской губернии. Юношей участвовал в Отечественной войне, был награжден за храбрость. Затем состоял адъютантом при генерале А. А. Закревском. Однако для нас интересна не военная карьера Толстого, заурядная для людей его круга и его времени. Судьба свела Якова Толстого с молодым Пушкиным, и встреча эта стала началом длительных взаимоотношений. Толстой был в 1819—1820 годах председателем общества «Зеленая лампа». Радикальные настроения привели его в Союз благоденствия. Пушкин встречался с ним на заседаниях «Зеленой лампы» у братьев Всеволожских, дома у Толстого, проявлял расположение к нему, хотя стихотворные опыты собрата едва ли были интересны поэту. Ему импонировали взгляды Толстого, ум, эрудиция, что и отмечено в «Стансах Толстому»:

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

«Стансы» написаны в ответ на послание Якова Николаевича, который недвусмысленно намекал, что хотел бы получить ответ. И Пушкин ответил, дав своему знакомцу отличную характеристику. Расположение его к Я. Н. Толстому проявилось и в письме из Кишинева в 1822 году:

«Милый Яков Николаевич, приступаю тотчас к делу.

Предложение князя Лобанова (А. Я. Лобанов предложил издать стихотворения Пушкина в Париже.— **А. П.**) льстит моему самолюбию, но требует с моей стороны некоторых объяснений. Я хотел сперва печатать мелкие свои сочинения по подписке, и было роздано уже около 30 билетов — обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никите Всеволожскому, а самому отступиться от издания... Во-вторых, признаюсь тебе, что в числе моих стихотворений иные должны быть выключены, многие переправлены, для всех должен быть сделан новый порядок, и потому мне необходимо нужно пересмотреть свою рукопись; третье: в последние три года я написал много нового; благодарность требует, чтоб я все переслал князю Александру, но цензура, цензура!.. Итак, милый друг, подождем еще два, три месяца — как знать,— может быть, к новому году мы свидимся, и тогда дело пойдет на лад. Покаместь прими мои сердечные благодаренья; ты один изо всех моих товарищей, минутных друзей минутной младости, вспомнил обо мне кстати или некстати. Два года и шесть месяцев не имею от них никакого известия, никто ни строчки, ни слова...

Ты пишешь мне о своих стихотворениях, а я в бессарабской глуши, не получая ни журналов, ни новых книг, не знал об издании книги, которая утешила бы меня в моем уединении. Прости, милый, до свидания — и до послания. Обними наших...»

Книга Толстого «Мое праздное время», о которой упоминает Пушкин, вышла в 1821 году, объединив послания друзьям, эпиграммы. А с письмом поэта ушли в Петербург стихи, адресованные друзьям, проникнутые воспоминаниями о бурной, шумной столичной жизни.

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?

Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков?
Все те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
По-прежнему ль летят на зов
Свободы, Лени и Безделья?
В изгнанье скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас...

Строки эти являются извлечением из оставшегося незаконченным стихотворения «В кругу семей, в пирах счастливых...». Посылая письмо Толстому, Пушкин вспомнил их, переписал подходящий к этому случаю фрагмент...

Трудно сказать, как сложились бы их отношения в будущем. Бесспорно одно — дружеское расположение Пушкина к Толстому, определившееся в юности. В последний раз встретились они незадолго до трагической дуэли: Яков Николаевич приехал к Пушкину, чтобы побеседовать с ним о его «Стансах»[11]. Но уже и до этой встречи прежней близости между ними не было. В 1837 году Толстой стал тайным агентом правительства в Париже, затем тайным советником. Литературная и критическая деятельность не принесла ему успеха, а имя сохранила для нас дружба его с Пушкиным, которого он ценил и любил искренне.

На мысу, где в Волгу впадает речка Сучок, неподалеку от села Карачарова (Конаковский район Калининской области), покоится прах **Григория Григорьевича Гагарина** (1810—1893). Князь, камер-юнкер, чиновник министерства иностранных дел... Все эти титулы и звания превзошло одно, главное — художник. Причем художник незаурядный. Ему выпало счастье одному из первых иллюстрировать произведения Пушкина.

Дата их знакомства засвидетельствована самим художником. 9 ноября 1832 года он писал матери: «Я познакомился с Пушкиным-автором. Мы в очень хороших отношениях. Я ему рисую виньетки для «Руслана и Людмилы» [12].

Вскоре Гагарин на завтраке у В. А. Мусина-Пушкина в гостинице Демута пишет групповой портрет литераторов, среди которых был Пушкин. Их отношения действительно простые и дружеские. Поэт высоко ценит талант нового своего приятеля и передает ему для иллюстрирования «Гусара» и «Пред испанкой благородной...», делится своими творческими планами.

Вслед за виньетками к «Руслану и Людмиле», которые, по словам художника, вызвали восхищение Пушкина, была сделана целая серия рисунков — при жизни поэта и позднее — к «Кавказскому пленнику», «Пиковой даме», «Песне о вещем Олеге», «Пророку», «Гусару», «Сказке о царе Салтане».

Восхищенный мастерством художника, Белинский писал: «Один известный любитель, скрывший свое имя,— не только мастер рисовать, но и великий художник и знает Россию... Этому карандашу так повинуется русская действительность, русская природа!»

К сожалению, многие рисунки Гагарина не сохранились. Но те его произведения, и в том числе рисунки к стихам и прозе Пушкина, которые дошли до нас, убеждают в правоте восторженной оценки Белинского.

Аристократ по рождению, Гагарин, вопреки идеологии своего класса, считал, что «цель искусства — выражать изящную, высокую, простую и истинную сторону идей народа. В этом и состоит связь художника с народом и народа с художником». Из окружающей жизни черпал он сюжеты своих картин: «Каменщики», «Возчики», «Мужик верхом — мужик пешком».

Общность взглядов на предназначение искусства сблизила Пушкина и Гагарина, и эта дружба дала замечательные плоды.

Художник тяжело переживал смерть Пушкина. В эти трагические дни он сблизился с Лермонтовым, гневно осудившим убийц поэта.

В 1844 году Гагарин предложил опекунам пушкинского наследства безвозмездно проиллюстрировать собрание сочинений Пушкина. Его предложение было принято. «Опекунство полагает... принять с благодарностью дар князя Гагарина и по представлении произведений его изъявить ему от Опекунства письменную благодарность» [13].

К сожалению, Опекунство не осуществило задуманное издание, но выполненные Гагариным иллюстрации в «дар памяти А. С. Пушкина» — это не только зрелые реалистические произведения, но и яркое свидетельство его любви и уважения к безвременно погибшему великому поэту.

Семья Гагариных была тесно связана с Тверской губернией. В 50-х годах прошлого столетия художник подолгу жил в усадьбе своей жены Карачарове, расположенной на Волге недалеко от нынешнего города Конаково. Сейчас в бывшей княжеской усадьбе популярный в Верхневолжье дом отдыха «Карачарово». Есть здесь и небольшой музей, посвященный другу Пушкина. В нем собраны личные вещи художника, копии его работ.

Среди хороших знакомых Пушкина был и знаменитый русский портретист **Орест Адамович Кипренский** (1783—1836). Его кисти принадлежат портреты В. А. Жуковского, П. А. Оленина, А. П. Бакунина и других близких поэту людей.

В 1827 году предполагалась заграничная выставка картин Кипренского. Художник решил включить в эк-

спозицию и недавно написанный портрет Пушкина. Узнав об этом, поэт откликнулся стихами:

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз,—
И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

Кипренский приехал в Тверь в 1811 году по приглашению губернаторши — великой княгини Екатерины Павловны — и пробыл здесь до 1812 года. Дни его были заполнены напряженным трудом. Об этом периоде жизни знаменитого живописца рассказывает повесть К. Паустовского «Орест Кипренский».

«Дворец Екатерины Павловны был превращен в своего рода клуб литературы и изящных искусств. Многие выдающиеся люди Москвы бывали здесь запросто.

Окна дворца каждый вечер пылали сотнями свечей. В гостиных курили, спорили, читали стихи и острословили московские поэты и писатели, меценаты и художники.

Приближалась война. Дыхание боевых дней, передвижение армий, тревога, охватившая страну,— все это способствовало напряженной и взволнованной мысли.

Иногда в полночь быстро входил новый неожиданный гость. От его плаща шел холодный запах ветра и полей. Он нетерпеливо скакал из Москвы в Тверь на перекладных, чтобы сообщить последние вести о бата-

лиях и выслушать чтение высокопарных стихов и шум страстных споров.

Тусклый фонарь у тверского шлагбаума и ленивый сторож-инвалид перевидали в то время много проезжих, памятных всей России.

Кипренский жил вместе со всеми приподнятой и бессонной жизнью.

Но однажды вечером никто не приехал. На городскую площадь вышел на рысях полк угрюмых улан и расположился биваком. Горели костры, освещая черные капли дождя. Громко жевали лошади. Запах дыма, навоза, лошадиного пота и хлеба был неотделим от хриплой брани и дребезжащего голоса трубы. Москва была занята Наполеоном.

В Твери стало тихо. Больше никто не приезжал. Кипренскому было некого рисовать. Тогда он начал писать портреты крестьян и пейзажи на окраинах Твери и берегах Волги. Карандаш сменил кисть. Кипренский только подцвечивал свои рисунки с удивительной тонкостью.

Слава молодого Кипренского росла стремительно. Он вернулся из Твери в Петербург почти признанным гением. Слух о нем проник в Западную Европу».

Вскоре после возвращения из Твери Кипренский сделал несколько рисунков, сюжеты которых, вероятно, связаны с его пребыванием на берегах Волги. Среди этих рисунков — «Пейзаж с бурлаками», «Пейзаж с рыболовами», «Речной пейзаж». Сами названия работ позволяют сделать предположение о том, что в них отразились тверские, волжские наблюдения художника.

Названные выше рисунки относятся к 1813—1814 годам. Они интересны прежде всего тем, что в них прославленный портретист (в 1812 году он получил звание

академика) обратился к реалистической жанровой композиции, к сюжету.

О том, что связи Кипренского с Тверью поддерживались и после его отъезда в Петербург, говорит сохранившийся в фондах Калининского областного архива документ — письмо князя И. Гагарина из Петербурга от 19 января 1813 года тверскому губернскому предводителю дворянства. «По поручению вашему сделать портрет во весь рост его императорского высочества покойного принца Гольстейн-Ольденбургского, я с г. Кипренским говорил, который мне цену свою изъявил 5000 рублей и никак менее не соглашается... почему я и не решился сделать с г. Кипренским решительного условия, не снесясь с вами, на что и буду ожидать вашего ответа» [14].

Результаты этих переговоров с художником неизвестны, так как ответа на письмо И. Гагарина в архиве не сохранилось.

Оставил свой след в жизни Пушкина и другой выдающийся русский художник — **Алексей Гаврилович Венецианов** (1780—1847).

Познакомились они, вероятно, в салоне В. В. Мусина-Пушкина-Брюса в 30-е годы. Знакомство это продолжилось. Пушкин со своими друзьями навещал Венецианова. Известно, что тот предполагал участвовать в издании журнала «Северный зритель». Не исключено, что поэт был знаком и с семьей художника, которого ценил за большой, истинно русский талант.

Почти весь творческий путь Венецианова связан с Тверским краем. В 1815 году в небольшом поместье, состоящем из сел Трониха и Сафонково Вышневолоцкого уезда, он создал единственную в России школу художников из народа. Среди крепостных крестьян находил талантливых людей, выводил их в широкий мир

искусства. Это был поистине подвиг Венецианова — родоначальника русской бытовой живописи.

В его картинах «На пашне. Весна», «На жатве. Лето» и других запечатлена природа Верхневолжья, труд тверских крестьян.

Калининский филолог и краевед Н. П. Павлов в книге «Русские художники в нашем крае»[15] приводит воспоминания дочери Венецианова о пребывании художника в Тронихе и Сафонкове: «В это убежище удалялся Венецианов с весны, возвращаясь в столицу осенью. Все лето употреблял он на занятия сельским хозяйством и этюды с натуры, причем моделями служили ему крестьяне дворовые, приписанные к помещичьей усадьбе... В 1820 году, чтобы удобнее заняться искусством, А. Г. Венецианов совсем вышел в отставку и пробыл более двух лет в своей усадьбе».

Первой картиной, которую Венецианов создал в Сафонкове, была «Капитошка» — портрет деревенской девочки, ухаживавшей за младшей дочерью художника Фелицатой. Вскоре были написаны еще несколько портретов местных крестьян, которых Венецианов хорошо знал,— «Параня со Сливнева», «Настя с Машей».

Исследователь творчества Венецианова А. Н. Савинов отмечает эту особенность художника: «Показательно для Венецианова, для его творческого метода, что писал он именно знакомых ему людей... Натурщики, найденные среди знакомых крестьян, и позднее служили Венецианову при его работе над картинами»[16].

В 20-е годы Венецианов создает в Сафонкове жанровые полотна «Чистка свеклы», «Гумно», «Утро помещицы».

В это же время он закладывает основы своей школы, отбирая наиболее талантливых крестьян, проводя с ними занятия по живописи. Сам Венецианов так рассказывает об этом в «Автобиографической записке», говоря

о себе в третьем лице: «...Венецианов начал брать к себе на своем содержании бедных мальчиков и обучать их живописи по принятой методе... которая состояла в том, чтобы не давать копировать ни с чего, а прямо начинать рассматривать натуру в прямых геометрических линиях, для чего у него первым началом были куб, пирамида, цилиндр, конус и пр.»[17].

Много сил и времени отдавал знаменитый художник этому благородному, весьма хлопотливому и трудному делу. В том, что школа требовала от него больших усилий, убеждают уже цитировавшиеся воспоминания его дочери. Продолжим их: «...работая сам, он отыскивал себе новых учеников, которые как бы по чутью добирались до него из разных уездов, и, если то случались крепостные люди, Венецианов, уверясь в их способности, выпрашивал их у помещиков, убеждая дать им свободу; иные помещики, конечно, пользуясь случаем, выпрашивали страшную цену... Венецианов готов был согласиться на всякий их запрос, лишь бы высвободить из неволи талант, могущий стать наравне с известными. И опять работа, опять Венецианов едет в Петербург, хлопочет, собирает и открывает человеку путь, о котором он не смел и во сне мечтать».

Творчество Венецианова, его благородная деятельность как незаурядного педагога получили признание и одобрение прогрессивных людей России. В петербургском доме художника частыми гостями были Пушкин, Крылов, Жуковский, Гнедич, Гоголь, Брюллов.

Новаторство Венецианова, сами сюжеты его картин, их народный дух вызывали раздражение чиновников от искусства. Лишенный материальной поддержки, Венецианов заложил свое имение в Опекунском совете, чтобы получить средства для содержания школы в Сафонкове. Однако денег этих хватило ненадолго. Накопились большие долги. Художник вынужден был закрыть

школу, но учеников своих не оставил и по-прежнему занимался с ними.

Сафонково стало для него родным. «Даже письма свои к друзьям он иногда в шутку подписывал псевдонимом «Алексей Сафонковский» или «Сафонковско-Троницкий» [18].

В 1831 году умерла жена Венецианова, и на него легли все заботы по воспитанию дочерей.

«Материальное положение Венецианова было весьма незавидным. В поисках заказов ему не раз приходилось браться за писание икон для церкви. В 1847 году тверской предводитель дворянства Кожин заказал Венецианову писать иконостас для церкви в Калязине. Подготовив эскизы, художник в декабре этого года отправился в Тверь, чтобы окончательно договориться с Кожиным о работе. Но по дороге лошади на крутом спуске к Поддубью разгорячились, возок, в котором ехал художник, опрокинулся, и выпавший из возка Венецианов разбился» [19].

В Калининском областном архиве сохранилось дело «Об убитом лошадьми вышневолоцком помещике Венецианове». Дело о гибели Венецианова рассматривалось по указанию губернатора Палатой уголовного суда. Было вынесено следующее решение: «Случай смерти вышневолоцкого помещика Венецианова, происшедшей от ушибов сбесившимися его лошадьми, на основании 1211 ст. XV тома предать суду и воле божьей» [20].

Похоронен Венецианов в селе Дубровском Вышневолоцкого района Калининской области.

Творчество его оставило глубокий след в русском изобразительном искусстве, а его замечательная школа дала России известных художников. Среди них — А. В. Тыранов. Он создал портреты И. К. Айвазовского, И. И. Лажечникова, П. А. Плетнева. В 1839 году Тыра-

нову было присвоено звание академика. Умер он в Кашине (Тверская губерния) в 1859 году.

Учеником Венецианова был и калязинский мещанин Н. С. Крылов. Его произведения посвящены жизни простого народа. За пейзаж «Русская зима» Н. С. Крылов на выставке в Академии художеств был удостоен Малой золотой медали.

А. А. Алексеев до встречи с Венециановым был крепостным помещицы Куминовой. Художник добился ему вольной и взял к себе в Сафонково. Большим успехом пользовалась картина Алексеева «Мастерская Венецианова». Позднее он стал учителем рисования.

Крепостным был и Ф. М. Славянский. Венецианов выкупил его и взял к себе на полное содержание. В 1841 году Славянский создал картину «Погост Дубровский», которая была настолько хороша, что ее приобрели для Зимнего дворца. А через десять лет за портрет ректора Академии художеств В. К. Шебуева Славянскому присвоили звание академика портретной живописи.

Г. В. Сорока — один из последних учеников Венецианова. Художник пытался выкупить его у вышневолоцких помещиков Милюковых, однако это ему не удалось. Став уже известным художником, Сорока вынужден был работать в имении Милюковых. И только в 1861 году он освободился от крепостного рабства.

Произведения Григория Васильевича Сороки хранятся в лучших художественных собраниях страны — Русском музее («Рыбаки», «Вид на часовню из Островков»), Эрмитаже («Часовня на острове»). Есть его работы и в Калининской областной картинной галерее («Вид озера Молдино»).

Венецианов обессмертил свое имя не только собственными работами, но и творениями учеников.

Среди памятников пушкинской эпохи, сохранившихся в Калининской области, следует назвать Коноплино — бывшую усадьбу известного русского писателя **Ивана Ивановича Лажечникова** (1792—1869). Расположена она на правом берегу Волги, неподалеку от города Старицы. В здешних местах издавна бытовало предание о том, что поэт приезжал в Коноплино. Совсем недавно нам удалось найти документальное подтверждение этого предания: в одном из писем К. М. Полторацкого, которое хранится в архиве А. А. Раменского, сообщается, что весной 1829 года Пушкин навестил поместье Лажечникова.

Их первая встреча произошла при обстоятельствах необычных, наложивших отпечаток на дальнейшие отношения.

В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» есть такие строки: «1819. Декабрь. Столкновение Пушкина в театре с майором Денисевичем. Пушкин вызывает его на дуэль. Приезд Пушкина с двумя секундантами, гвардейскими офицерами (один из них, вероятно, П. А. Катенин) на квартиру Денисевича (в доме гр. Остермана на Галерной). Вмешательство И. И. Лажечникова, уговорившего Денисевича извиниться перед Пушкиным» [21].

Как же удалось молодому офицеру предотвратить поединок, исход которого мог оказаться роковым для поэта? Обратимся к воспоминаниям И. И. Лажечникова «Знакомство мое с Пушкиным».

«В августе 1819 года приехал я в Петербург и остановился в доме графа Остермана-Толстого, при котором находился адъютантом...

...Я занимал в нижнем этаже две комнаты, но первую от входа уступил приехавшему за несколько дней до того времени, которое описываю, майору NN... он был очень плешив и до крайности румян; последним

достоинством он очень занимался и через него считал себя неотразимым победителем женских сердец... К театру был пристрастен, и более всего любил воздушные пируэты в балетах... Любил он также покушать. Рассказывают, что во время отдыха на походах не иначе можно было разбудить его, как вложивши ему ложку в рот.

В одно *прекрасное* (помнится, зимнее) утро — было ровно три четверти восьмого,— только что успев окончить свой военный туалет, я вошел в соседнюю комнату, где обитал мой майор, чтобы приказать подавать чай... Только что я ступил в комнату, из передней вошли в нее три незнакомые лица. Один был очень молодой человек, худенький, небольшого роста, курчавый, *с арабским профилем,* во фраке. За ним выступали два молодца-красавца, кавалерийские гвардейские офицеры, погромыхивая своими шпорами и саблями».

Пришедшие дождались Денисевича (Лажечников из деликатности называет его майором NN), и началось объяснение.

«...Статский продолжал твердым голосом: «Я русский дворянин, Пушкин: это засвидетельствуют мои спутники, и поэтому вам *не стыдно* будет иметь со мною дело».

При имени *Пушкина* блеснула в голове моей мысль, что передо мною стоит молодой поэт, таланту которого уж сам Жуковский поклонялся, корифей всей образованной молодежи Петербурга, и я спешил спросить его: «Не Александра ли Сергеевича имею честь видеть перед собою?»

— Меня так зовут,— сказал он, улыбаясь.

«Пушкину,— подумал я,— Пушкину, автору «Руслана и Людмилы», автору стольких прекрасных мелких стихотворений, которые мы так восторженно затвердили, будущей надежде России, погибнуть от руки како-

го-нибудь NN; или убить какого-нибудь NN и жестоко пострадать... нет, этому не бывать! Во что б ни стало, устрою мировую, хотя б и пришлось немного покривить душой...»

Признаюсь, я потратил ораторского пороху довольно, и не даром. NN убедился, что он виноват, и согласился просить извинения...

Через несколько дней увидел я Пушкина в театре: он первый подал мне руку, улыбаясь. Тут я поздравил его с успехом «Руслана и Людмилы», на что он ответил мне: «О! это первые грехи моей молодости!»

Необычное знакомство переросло в добрые отношения, которые поддерживались многие годы. Лажечников, высоко ценивший Пушкина, в знак уважения присылал ему свои книги.

В декабре 1831 года из Твери в Петербург ушла небольшая посылка с письмом, напоминающим об их необычном знакомстве.

«Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Волею, или неволею, займу несколько строк в истории Вашей жизни. Вспомните малоросца Денисевича с блестящими, жирными эполетами и с душою трубочиста, вызвавшего Вас в театре на честное слово и дело за неуважением к его высокоблагородию; вспомните утро в доме графа Остермана, в Галерной, с Вами двух молодцов гвардейцев, ростом и духом исполинов, бедную фигуру малоросца... вспомните крохотку-адъютанта, от души смеявшегося этой сцене... Малютка-адъютант был Ваш покорный слуга... Загнанный безвестностью в последние ряды писателей, смел ли я сблизиться с Вами? Ныне, когда голос избранных литераторов и собственное внимание Ваше к трудам моим выдвигают меня из рядовых словесников, беру смелость представить Вам моего Новика: счастливый, если первый Поэт Российский

прочтет его, не скучая. 3-ю часть получить изволите в первых числах февраля» [22].

В библиотеке поэта сохранились романы Лажечникова с дарственными надписями автора. На «Летопись Рычкова» (описание осады Оренбурга Пугачевым), присланную писателем, Пушкин ответил письмом, посланным в Тверь в апреле 1834 года:

«С живейшей благодарностью получил я письмо Ваше 30 марта, и рукопись о Пугачеве. Рукопись была уже мне известна, она сочинена академиком Рычковым, находившимся в Оренбурге во время осады. В Вашем списке я нашел некоторые любопытные прибавления, которыми непременно воспользуюсь.

Несколько раз проезжая через Тверь, я всегда желал случая Вам представиться и благодарить Вас, во-первых, за то истинное наслаждение, которое доставили Вы мне Вашим первым романом, а во-вторых, и за внимание, которого Вы меня удостоили.

С нетерпением ожидаем нового Вашего творения, из коего прекрасный отрывок читал я в альманахе Максимовича. Скоро ли он выдет? и как Вы думаете его выдать — ради бога, не по частям. Эти рассрочки выводят из терпения многочисленных Ваших читателей и почитателей».

В конце августа 1834 года Пушкин проездом остановился в Твери. Казалось, на этот раз они встретятся. Но увидеться не довелось. Причины объяснила записка, посланная с почтовой станции (Лажечников в своих воспоминаниях ошибочно датирует ее 1836 годом).

«Я все еще надеялся, почтенный и любезный Иван Иванович, лично благодарить вас за ваше ко мне благорасположение, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преследует.—Проезжаю через Тверь на перекладных и в таком виде, что никак не осмеливаюсь к вам явиться и возобновить старое, ми-

нутное знакомство.— Отлагаю до сентября, то есть до возвратного пути; покаместь поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству

Сердечно вас уважающий
Пушкин».

Да, на встречи им не везло. «В последних числах января 1837 года,— пишет в своих мемуарах Лажечников,— приехал я на несколько дней из Твери в Петербург. 24-го и 25-го был я у Пушкина, чтобы поклониться ему, но оба раза не застал дома... Нельзя мне было оставаться долее в Петербурге, и я выехал из него 26-го вечером...

29-го Пушкина не стало...»

Иван Иванович Лажечников прожил в Верхневолжье более двадцати лет. В 1831—1837 годах был директором училищ Тверской губернии. Затем десять лет занимал должность тверского вице-губернатора. Но главным делом его жизни была не государственная служба, к которой, впрочем, относился он ревностно, а литература. Скромный, трудолюбивый, бескорыстный Лажечников, так счастливо встретившийся с юным Пушкиным, заслужил его уважение и любовь. Пушкин — взыскательный и строгий критик — отдавал должное историческим романам своего собрата по перу, называл его «русским Вальтер Скоттом».

Лучшие книги Лажечникова пережили время, ибо созданы они человеком талантливым, горячим патриотом, творчество которого было проникнуто любовью к родине.

В Калининском государственном архиве сохранилось дело № 7725, на обложке которого поблекшими от времени чернилами, гусиным пером выведено: «Формулярный список о службе директора училищ Тверской гу-

бернии И. И. Лажечникова, 1832 год». Есть в этом «листке по учету кадров» такая графа: «В походах против неприятеля и в самих сражениях был или нет, и когда именно?» Ответ занимает несколько страниц. Еще юношей Лажечников сражался в рядах Московского ополчения под стенами столицы в 1812 году, участвовал в боях под Тарутином, Малоярославцем, при Красном и на Березине. Мелькают в ответе названия городов и стран Европы, которые молодой офицер прошел с русской армией до Парижа. Лажечников был адъютантом одного из прославленных генералов Отечественной войны 1812 года — А. И. Остермана-Толстого, боевым адъютантом: «За оказанную в генеральном сражении под стенами Парижа храбрость пожалован крестом».

Послужной воинский список Лажечникова отмечает не только его храбрость, но и талант. В 1820 году он пишет свою первую книгу — «Походные записки русского офицера», проникнутые любовью к России и говорящие о больших литературных способностях, прогрессивных взглядах автора.

Не слепое обожание, не квасной патриотизм, а искреннее чувство, рожденное глубоким знанием истории родины, ее народа, составляет главную силу романов Лажечникова, которым Пушкин не без основания прочил долгую жизнь. Он писал о «Ледяном доме»: «...поэзия всегда останется поэзией, и многие страницы романа будут жить, доколе не забудется русский язык».

Но истины ради следует заметить, что эта щедрая оценка не исчерпывает полностью его отношение к упомянутому роману. Пушкин справедливо упрекал Лажечникова в некотором отходе от исторической правды. В ноябре 1835 года он писал:

«Милостивый государь, Иван Иванович!

Во-первых, должен я просить у вас прощения за

медленность и неисправность свою. Портрет Пугачева получил месяц тому назад, и, возвратясь из деревни, узнал я, что до сих пор экземпляр его Истории вам не доставлен. Возвращаю вам рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить вас теперь за прекрасные романы, которые все мы прочли с такой жадностию и с таким наслаждением. Может быть, в художественном отношении *Ледяной дом* и выше *Последнего Новика*, но истина историческая в нем не соблюдена, и это со временем, когда дело Волынского будет обнародовано, конечно, повредит вашему созданию... За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей... О Бироне можно бы также потолковать...»

Лажечников незамедлительно ответил:

«Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Считаю за честь поднять перчатку, брошенную таким славным, как Вы, литературным подвижником.

В письме своем от 3-го ноября Вы упрекаете меня в несоблюдении исторической верности и говорите, что со временем, когда дело Волынского будет обнародовано, это повредит моему Ледяному Дому.

...Ваши упреки задели меня за живое» [23].

Он не стал отрицать и оспаривать замечания Пушкина. И вовсе не потому, что исходили они от глубокочтимого им поэта, а потому, что были эти замечания верны...

Лажечников любил тверские края, создал здесь самые известные свои романы, многие годы вел большую административную работу.

Смерть горячо любимой жены и «некоторые по службе неудовольствия» заставили его в 1852 году переехать

в Витебск. Провожали этого доброго человека с сожалением. Впрочем, именно доброта его и вызвала «некоторые по службе неудовольствия». Он никак не мог поверить, что чиновники из губернского правления запускают руку в государственную казну. А воровство в казенных местах приняло такие масштабы, что последовала «высокая проверка»...

Из Витебска шли в Тверь полные тоски письма. Многие из них адресованы сослуживцу Лажечникова — А. К. Жизневскому, пользовавшемуся его дружеским расположением.

«Тверь просто красавица перед здешним городом»,— пишет он вскоре после приезда в Витебск, называя Тверь любимой и незабвенной. В 1854 году Лажечников «наконец вырвался из места ссылки» и поселился в Москве. Навещал Тверь и после писал: «Немногие часы, проведенные мною в Твери, считаю одними из лучших светлых минут в моей жизни». Скончался Иван Иванович Лажечников 26 июня 1869 года и был похоронен в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря.

Отдавая дань уважения этому замечательному русскому писателю, необходимо отметить и его высокие человеческие качества, которые в значительной степени способствовали близости между ним и Пушкиным.

В формуляре, уже упоминавшемся выше, записано: «Имений ни родовых, ни благоприобретенных нет». А в завещании семье этот широко известный в России литератор писал: «Состояние жене и детям моим не оставляю никакого, кроме честного имени, каковое и завещаю им самим блюсти и сохранять в своей чистоте».

Жизнь этого человека была озарена светом пушкинского доброжелательства, которое считал он высочайшей наградой.

На склоне лет Лажечников издал свои мемуары. Есть в них и воспоминания о Пушкине, проникнутые горячей любовью к поэту.

А теперь вернемся в Коноплино, откуда начался рассказ о дружбе двух русских писателей.

Лажечников не покривил душой, когда писал, что имений у него нет. Коноплином владел Иван Иванович недолго. Но именно здесь, в Старицком уезде, провел он, может быть, свои самые счастливые дни.

Если доведется вам приехать в эту старую усадьбу весной, вас опьянит запах буйно цветущей черемухи. Двухэтажный каменный дом хорошо сохранился. Здесь бывал В. Г. Белинский, друживший со знаменитым романистом.

Поднимешься узкой лестницей на самый верх, и взору откроется Волга. Живописно вьется река среди лесов, сквозь звонкий частокол деревьев, стоящих у самой воды.

Щедра и красочна здесь природа. Она рождает в душе праздничное чувство. Как верно писатель назвал его «присутствием на пиру жизни»! Сегодня слова эти могут показаться выспренними, высокопарными. Но все, что окружает вас в этом чудесном уголке Верхневолжья, рождает стремление к высокому. Полтора века тому назад на этих берегах стоял очарованный красотой родной земли Александр Сергеевич Пушкин.

В Калинине на улице Желябова стоит внешне ничем не примечательный дом. Нижний полуэтаж каменный, второй деревянный. Семь окон по фасаду. Архитектура заурядна, но незаурядна история этого скромного особняка на бывшей Козьмодемьянской, ибо хозяином его был человек, оставивший заметный след в русской литературе,— **Федор Николаевич Глинка** (1786—1880). Он прожил большую, полную превратностей жизнь, значительная часть которой прошла в Тверской губернии.

Еще в юности выбрал он для себя военную карьеру. В 1803 году окончил кадетский корпус и был определен в армию. Участвовал в сражении при Аустерлице, проявил мужество. Однако слабое здоровье заставило его в 1806 году уйти в отставку. Казалось, никогда уже не наденет он «бранной» формы, решив впредь служить лишь музам,— в 1807 году Глинка опубликовал первое свое стихотворение «Глас патриота». В этот же период он предпринимает несколько путешествий по родной Смоленской и Тверской губерниям, изучает их историю, занимается археологией. В 1812 году оставляет занятие литературой и наукой: родина в опасности, и он, как истинный патриот, идет защищать ее. Федор Николаевич определяется в пехотный полк к генералу М. А. Милорадовичу, при котором прежде состоял адъютантом. Участвует в Бородинском сражении, заграничном походе, за храбрость, проявленную в боях, награждается золотым оружием. После окончания войны возвращается к литературным занятиям, пишет и публикует «Письма русского офицера», которые принесли ему первую известность.

Гвардии полковник, чиновник по особым поручениям при петербургском военном генерал-губернаторе Милорадовиче, Ф. Н. Глинка вместе с тем становится видным литературным и общественным деятелем. Он входит в общество «Зеленая лампа», возглавляет «Вольное общество любителей российской словесности», играет заметную роль в «Союзе спасения» и «Союзе благоденствия», примыкая к умеренному крылу декабристов.

С Пушкиным его свела «Зеленая лампа», и Глинка — тонкий, проницательный человек — сразу оценил незаурядный талант молодого поэта. Взгляды просвещенного офицера, горячего патриота повлияли на формирование мировоззрения Пушкина, нашли отражение в его творчестве.

А вскоре Федору Николаевичу пришлось принять близкое участие в судьбе поэта, на которого обрушился гнев самодержца за то, что он «наводнил Россию возмутительными стихами». Обратимся к воспоминаниям Ф. Н. Глинки «Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году».

«Познакомившись и сойдясь с Пушкиным с самого выпуска его из Лицея, я очень его любил как Пушкина и уважал как в высшей степени талантливого поэта... Раз утром выхожу я из своей квартиры... и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как и всегда, бодр и свеж; но обычная (по крайней мере, при встречах со мною) улыбка не играла на его лице, и легкий оттенок бледности замечался на щеках.

— Я к вам.

— А я от себя!

И мы пошли вдоль площади. Пушкин заговорил первый:

— Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих (под моим именем) пиесах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему *пятьдесят* рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжег все мои бумаги...

Теперь,— продолжал Пушкин, немного озабоченный,— меня требуют к Милорадовичу!..

Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон. В заключение я сказал ему:

— Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения» [24].

Пушкин воспользовался советом Глинки, а тот в свою очередь, понимая, какая беда грозит молодому его

собрату, употребил доброе к себе отношение Милорадовича на то, чтобы смягчить монарший гнев. Правда, Федор Николаевич был не единственным заступником Пушкина: «...в промежутке двух суток, разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылают. Гнедич, с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах), бросился к Оленину; Карамзин, как говорили, обратился к государыне, а (незабвенный для меня) Чаадаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался замолвить слово за Пушкина» [25].

Заступничество друзей и приятелей спасло поэта от сурового наказания, которое могло обернуться Сибирью или Соловками. Александр распорядился «снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг». Это тоже была ссылка, но по крайней мере не такая страшная.

Глинка не ограничился заступничеством перед Милорадовичем. Он посвятил опальному поэту полные сочувствия стихи и не побоялся опубликовать их, хотя это могло повредить его карьере. Он писал:

Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!

Пушкин высоко оценил мужество и благородство своего собрата по литературе, откликнулся из ссылки посланием «Ф. Н. Глинке», присланном в письме брату Льву Сергеевичу:

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,

Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнанье позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

Письмо Пушкин закончил такими словами: «...покажи их (стихи.— **А. П.**) Глинке, обними его за меня и скажи ему, что он все-таки почтеннейший человек здешнего мира».

Несколько лет спустя, после поражения восстания декабристов, Глинка на себе испытал «милость» самодержавия: он, как участник «крамольного» движения, был «удален» из Петербурга. Местом ссылки ему определили Петрозаводск. Здесь, в Карелии, он вновь вернулся к увлечению молодости: изучал этнографию, фольклор далекого северного края и на основе этих разысканий создал несколько поэм. На одну из них — «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» — Пушкин откликнулся сочувственным предисловием, в котором писал:

«Изо всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина... Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной,— все дает особую печать

его произведениям. Поэма «Карелия» служит подтверждением сего мнения».

Эта оценка характерна для отношения Пушкина к Глинке-поэту, хотя и не достигшему больших высот, но создавшему несколько прекрасных произведений, живущих и поныне. Среди них — широко известные, считающиеся народными (это ли не самая высокая оценка!) песни «Тройка» («Вот мчится тройка удалая...») и «Узник» («Не слышно шума городского...»), стихотворение «Москва» («Город чудный, город древний...»).

В 1830 году Глинка из Петрозаводска был переведен на службу в Тверь. В августе его навестили Пушкин и Вяземский. Сохранилась записка, написанная предположительно в Твери: «А. Пушкин просит Ф. Н. Глинку уделить ему несколько минут».

Год спустя в Тверь опять пришло письмо Пушкина из Петербурга:

«Милостивый государь Федор Николаевич,

Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние Северные Цветы. Изо всех его друзей только Вас да Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне; именно тех двух поэтов, с коими, после лицейских его друзей, более всего был он связан. Мне говорят, будто Вы на меня сердиты; это не резон: сердце сердцем, а дружба дружбой. Хороши и те, которые ссорят нас бог ведает какими сплетнями. С моей стороны, моим искренним, глубоким уважением к Вам и Вашему прекрасному таланту я перед Вами совершенно чист.

Надеюсь еще на Вашу благосклонность и на Ваши стихи. Может быть, увижу Вас скоро; по крайней мере приятно кончить мне письмо мое сим желанием. Весь ваш без церемонии А. Пушкин».

Ссора, о которой говорит Пушкин, вероятно была вызвана эпиграммой «Собрание насекомых», в которой

есть строка: «Вот Глинка, божия коровка...» В ней намек на религиозность и мистицизм Федора Николаевича, которых Пушкин не принимал и осуждал всегда, что, видимо, Глинке было известно и раньше. Недруги поэта, задетые острой и злой эпиграммой, постарались настроить против него и «великодушного гражданина». Но из этого ничего не вышло: письмо Пушкина восстановило добрые отношения, о чем вскоре и сообщил ему Глинка, откликнувшийся на просьбу прислать стихи в альманах «Северные цветы». Он писал:

«Почтеннейший и любезнейший Александр Сергеевич!

Вчера имел я честь получить письмо Ваше, от 21-го ноября. Весело мне взглянуть на почерк руки вашей; спасибо сплетникам за доставленное мне удовольствие читать строки ваши... Смею уверить, что я Вас любил, люблю и (сколько за *будущее* ручаться можно) любить не перестану! — Многие любят ваш талант; я любил и люблю в Вас — всего Вас. ...Теперь Вам посылаю: *три* в стихах и *одну* (т. е. один лоскуток!) в прозе. Прозы у меня совсем нет. Проза губернского правления съела весь мой досуг.

...Если б я и забыл Вас, то мне напоминала бы о Вас жена моя, которая еще недавно поставила портрет Ваш подле Шиллера и Гете» [26].

Добрые отношения этих двух людей не омрачались больше размолвками. Однако такой близости, как в молодые годы, между ними уже не было.

«Проза губернского правления» отвлекала Федора Николаевича от занятий литературой. Служил он в Твери, потом в Орле. В 1835 году вышел в отставку, поселился в Москве. А затем вместе с женой — писательницей А. П. Голенищевой-Кутузовой — переехал на постоянное жительство в Тверь. Вот тогда и был построен

дом на Козьмодемьянской улице, который стоит уже около 120 лет, напоминая о славном его хозяине.

Глинка был исключительно деятельным человеком. Должностей, общественных обязанностей, увлечений у него насчитывалось множество: почетный попечитель Тверской губернской гимназии, почетный член губернского статистического комитета, член Московского археологического общества, один из инициаторов создания археологического отдела в Тверском музее. Он охотно жертвовал средства на научные работы и сам принимал в них активное участие — изучал верхневолжскую флору, входил в комиссию для исследования вод в реках Тьмаке и Волге, отыскал в южной части Бежецкого уезда Тверской губернии памятники древнего быта, которые заинтересовали русских и зарубежных ученых, нашел и описал загадочные камни с изображениями, подобными тем, что были обнаружены в Изборске на могильном камне Трувора. Камни эти из села Кузнецова были доставлены в Тверской музей. Глинка принимал участие в археологических раскопках в Твери, в гавани общества «Самолет», на месте древнего монастыря Федора Стратилата, где были найдены каменные саркофаги.

Он был общителен, доброжелателен, щедр, не отказывал в пособии нуждающимся. Много писал. «Все более или менее важные местные события Федор Николаевич приветствовал стихами. У подъезда всех почти собраний видна была его карета; сам он небольшого роста, тщедушный, черноволосый, всегда во фраке и во всех орденах, присутствовал и в собраниях, и на вечерах, и званых обедах, и на пикниках... При всех выдающихся случаях у Федора Николаевича готово было изящное приветствие и острый ответ, а часто и прекрасные стихи или художественная речь» [27].

У нас есть возможность познакомить читателей с

двумя произведениями этого рода, написанными Ф. Н. Глинкой «по случаям выдающимся». Стихи переданы автору Ираклием Луарсабовичем Андрониковым, в архиве которого хранились вместе с манускриптом, также имеющим отношение к Глинке, и публикуются впервые. Интересны стихи не поэтическими достоинствами, которых здесь немного, а лишь как образец своеобразного и весьма популярного в ту пору жанра тостов и приветствий. Немало говорят они и о самом авторе. Поводом для их написания послужил отъезд из Твери квартировавших там Первой Уланской дивизии и Артиллерийской бригады. Итак, «Заздравный тост в честь Командира 1-й Уланской дивизии, Г-на Генерал-Лейтенанта и разных Орденов Кавалера, Его Сиятельства Князя Стефана Александровича Хилкова» (сохранена орфография и пунктуация подлинника):

Тринадцать лет, достопочтенный князь!
Вы здесь, в Твери, любимым гостем были
И без войны вы нас Тверян, заполонили!..
Теперь, к высокому стремясь,—
Царя премудрого по воле
С полками добрыми улан,
Вы честь и имя Россиян,
Спешите оправдать на спорном ратном поле.
Летите к славе, Князь! Но знайте, что сердца
Тверян, вас долго не забудут!
Рассказывать здесь и внучатам будут
Что бедные в Вас видели отца
И что вас Тверь считать привыкла за роднова:
Вот чувства Наши! — Но... пора!
Наполним чары в честь Хилкова
И, от души, ЕМУ воскликнем мы: УРА!

Второе стихотворение называется «Прощание с Начальниками и Офицерами 1-й Уланской Дивизии и Артиллерийской Бригады».

Мы дорогих своих гостей
С сердечной грустью провожаем;

Им славы, лавров и честей,
Себе — возврата их желаем.

Как скромно здесь гостили вы!
Вы были агнцы — на постое;
Но со врагом, как грозны львы,
Сразитесь вы на ратном бое.

Теперь открыт вам славный путь;
Но вспомните, летя в сраженье,
Что не одна младая грудь
Вздохнет об вашем удаленье!
. . . .
Когда ж нам Бог пошлет покой
И стихнут, перед вами, грозы,
О жизни вспомните Тверской:
Здесь в ЛАВРЫ вам вплетутся — РОЗЫ!

Оба стихотворения напечатаны типографским способом на двойных листах писчей бумаги с водяными знаками. Внизу каждого листа стоят карандашные пометы — «1831 год». Сделаны они, вероятно, позднее. Но дату написания стихов не сложно определить и без этих помет. Вместе с «тостами» Глинки И. Л. Андроников передал автору и любопытную рукопись, которая представляет собой черновик письма «общества граждан Твери» князю Хилкову по поводу его отъезда. В письме говорится: «Пребывание Вашего сиятельства в городе Твери с 1818 года...» В «Заздравном тосте» Глинки также есть нужная нам цифра: «Тринадцать лет, достопочтенный князь! Вы здесь, в Твери, любимым гостем были...» Сложение двух этих цифр и дает дату написания приведенных выше стихотворений — 1831 год.

Набирались и печатались они, вероятно, в спешном порядке, о чем свидетельствует множество мелких опечаток и полиграфических небрежностей. Число оттисков, видимо, было небольшим — буквально несколько экземпляров...

Умер Глинка в Твери 11 февраля 1880 года и был

похоронен в Желтиковом монастыре с воинскими почестями, как владелец золотого оружия и гвардии полковник.

«Много он сделал в Твери добра своим сочувственным отношением к местным интересам, вследствие чего личность его сделалась дорогою и популярною в Твери»,— вспоминал один из современников поэта [28]. Глинка вообще много сделал для русской культуры. И хотя на склоне лет отошел от взглядов, которых придерживался в бурной и героической молодости своей, но не изменил главному в себе. И для нас он всегда останется «великодушным гражданином».

В кругу знакомцев великого поэта значится и **Николай Михайлович Коншин** (1793—1859). В его биографии много «тверских» страниц, одна из которых связана с Пушкиным.

Коншин участвовал в Отечественной войне. Позднее волею обстоятельств под его началом оказался опальный поэт Баратынский, служивший в Нейшлотском полку. Под влиянием Баратынского Коншин стал писать стихи, вошел в кружок Дельвига.

Уйдя из армии, Николай Михайлович некоторое время служил в Тверской казенной палате. В 1829 году был назначен правителем канцелярии Главноуправляющего Царским Селом.

Впервые Пушкин упоминает это имя в письме к брату из Михайловского в начале 1825 года:

«Довольно о вздоре, поговорим о важном. *Мой* Коншин написал, ей-богу, миленькую пьесу *Девушка влюбленному поэту* — кроме *авторáми*. А куда он, Коншин! его *Элегия* в Цветах какова?»

Вскоре состоялось их личное знакомство, которое продолжилось в Царском Селе, куда Пушкин приехал летом 1831 года. Накануне он просил Плетнева: «...ради бога, найми мне фатерку — нас будет: мы двое (с На-

тальей Николаевной.— **А. П.**), 3 или 4 человека да 3 бабы. Фатерка чем дешевле, тем, разумеется, лучше...»

«Фатерка» подходящая нашлась, и вскоре Пушкины приехали. Здесь поэт часто общался с Коншиным. Николай Михайлович снабжал его разнообразной литературой, газетами, журналами, предназначавшимися «высочайшим подписчикам». Пушкин в их числе, разумеется, не значился, но, благодаря любезности приятеля, имел возможность следить за текущими событиями, которые всегда его интересовали, и был благодарен Коншину, о чем свидетельствует записка, помеченная июлем 1831 года: «Вот все №-а, находящиеся еще у меня. Сердечно благодарю за доставление известий, хотя и нерадостных. Нет ли у вас Литературной Газеты. Здоровы ли вы и Авдотья Яковлевна? (жена Н. М. Коншина.— **А. П.**). До свидания».

После Царского Села виделись они редко. Коншин служил, но без успеха, и литературные дела его были не блестящи. Он все больше склонялся к тому, чтобы серьезно заняться педагогической деятельностью. В 1836 году ему представился случай основательно испытать себя на новом поприще: освободилось место директора Тверской гимназии и училищ Тверской губернии. Однако без протекции добиться назначения на этот пост было трудно, и Коншин обратился к человеку, на помощь которого и доброе участие мог рассчитывать.

В декабре 1836 года Пушкин послал ответ, теплый, доброжелательный:

«Письмо Ваше очень обрадовало меня... как знак, что Вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пущу в дело. Жуковского увижу и сдам ему Вас с рук на руки. С Уваровым — увы! я не в таких дружеских отношениях; но Жуковский, надеюсь, все уладит.

Заняв место Лажечникова, не займетесь ли Вы, по примеру Вашего предшественника, и романами? а куда бы хорошо! Все-таки Вы меня забыли, хоть наконец и вспомнили. И я позволю себе дружески Вам за то попенять.

Не будете ли Вы в Петербурге? В таком случае надеюсь, что я Вас увижу. Ответ постараюсь доставить Вам как можно скорее».

Коншин оказался в Петербурге зимой 1837 года. 27 января он пришел к поэту буквально накануне роковой дуэли...

Утвержденный благодаря помощи Пушкина директором училищ Тверской губернии, Николай Михайлович Коншин проявил себя как незаурядный организатор, прогрессивный общественный деятель и педагог. Состязаться с Лажечниковым в писании романов было трудно, да он и не стремился к этому, целиком посвятив себя избранному занятию.

Николай Михайлович всю жизнь бережно хранил пушкинские письма, автографы произведений поэта, с благодарностью вспоминал человека, благословившего его на доброе дело.

В городе Бологое Калининской области есть улица, носящая имя **Федора Федоровича Матюшкина** (1799—1872). Того самого Матюшкина, что был однокашником Пушкина по Лицею, прославленным мореплавателем, дважды обошел вокруг света с экспедициями В. М. Головнина и Ф. П. Врангеля. Это его поминал Пушкин среди других своих друзей, когда писал:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя.

И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Два года спустя поэт вновь вспомнил лицейского друга, сразу после выпуска ушедшего в плавание, о котором он так мечтал:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

Пушкин был рад, что мечта Федора осуществилась, советовал ему, как вести путевой дневник. «Он (Матюшкин.— **А. П.**) рассказывал нам, что Пушкин долго разъяснял ему настоящую манеру записок, предостерегая от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы» [29].

Они поддерживали дружеские отношения, встречались, когда Матюшкин находился в России.

Федор Федорович был «один из тех, с которыми Пушкин впоследствии сохранил самые дружеские сношения и который лучше всех понимал высокую натуру поэта» [30]. Реакция Матюшкина на известие о гибели Пушкина подтверждает справедливость этого суждения. «Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев! Яковлев! Как ты мог это допустить? Наш круг редеет: пора и нам убираться». Позднее он признался: «После смерти Пушкина годы моей жизни стали однообразней...»

Откуда же все-таки в сухопутном городе Бологое улица имени русского адмирала Матюшкина? С Тверской губернией Федора Федоровича связывала служба: он приезжал сюда инспектировать размещенные в Твери морские экипажи. А на закате жизни облюбовал себе

место неподалеку от Бологого и построил дачу, названную «Заимка». В последний раз Матюшкин приезжал сюда в августе 1872 года. А через месяц не стало славного мореплавателя.

Бологовцы чтут память о человеке, который «сохранил в блуждающей судьбе прекрасных лет первоначальны нравы», много и плодотворно потрудился во славу родины, свято берег в своей душе любовь к великому поэту.

В тридцати километрах от Торжка, по дороге на Кувшиново, стоит село Прямухино. В русской истории знаменито оно больше иных городов. Здесь на берегу речки Осуги находилось родовое имение Бакуниных, из семьи которых вышел известный народник и анархист Михаил Бакунин. Отец его, Александр Михайлович, в молодости был знаком с Державиным, встречался в Твери с Карамзиным. Мать Михаила Бакунина — Варвара Александровна — родственница декабристов Александра и Никиты Муравьевых и Сергея Муравьева-Апостола.

В прямухинском доме Бакуниных часто бывал Виссарион Григорьевич Белинский. Впервые он приехал сюда в 1836 году по приглашению своего друга Михаила Бакунина.

Бывая в Прямухине в разные годы, Белинский не только отдыхал здесь, очарованный «гармонией и блаженством», но и много работал. На тверской земле написал он, в частности, «Опыт системы нравственной философии».

Навещали Прямухино декабрист С. И. Муравьев-Апостол, И. С. Тургенев, И. И. Лажечников, А. Н. Островский. Осенью 1881 года здесь у своих давних знакомых Бакуниных гостил Л. Н. Толстой. В 1897 году в Прямухино приезжал А. М. Горький.

Притягательную силу здешних мест, пожалуй, лучше всех объяснил И. И. Лажечников: «В одном из уездов Тверской губернии есть уголок, на котором природа сосредоточила всю заботливую любовь свою, украсив его всеми лучшими дарами своими, какие только смогла собрать в стране семимесячных снегов. Кажется, на этой живописной местности река течет игривее, цветы и деревья растут роскошнее, и более тепла, чем в других соседних местностях. Да и семейство, жившее в этом уголке, как-то особенно награждено душевными дарами. Зато как было тепло в нем сердцу, как ум и талант в нем разыгрывались, как было в нем привольно всему доброму и благородному!

Художник, музыкант, писатель, учитель, студент или просто добрый и честный человек — были в нем обласканы равно, несмотря на состояние и рождение. Казалось мне, бедности-то и отдавали в нем первое место.

Посетители его, всегда многочисленные, считали себя в нем не гостями, а принадлежащими к семейству...»

Прямухинский великолепный парк, заложенный в XVIII веке, усадебные постройки, возведенные по проекту Н. А. Львова, объявлены историко-природным заповедником.

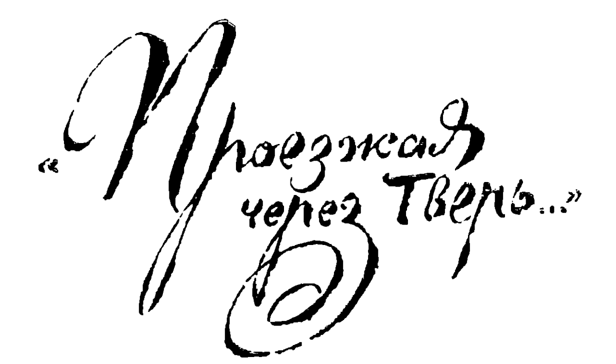
Для нас эта незаурядная семья и сама усадьба Прямухино интересны прежде всего связями с Пушкиным. Вместе с А. П. Бакуниным, будущим тверским губернатором, поэт учился в Лицее.

Из поколения в поколение местные жители передают предание о том, что в Прямухине бывал Пушкин. Что ж, для этих легенд есть основание. Ведь дороги Пушкина в его поездках по Тверскому краю пролегали совсем рядом с Прямухином.

До Великой Отечественной войны в здешнем парке

была беседка, которая называлась Пушкинской. Парк этот хранит память о многих людях пушкинской поры. Здесь вам покажут дуб, который посадили юные братья Муравьевы-Апостолы, проведут к большому валуну, на котором, как говорят, сидел когда-то сам фельдмаршал Кутузов.

Сотни пушкинских строк запечатлели приметы Тверского края, отразили его жизнь. И сегодня эти строки, словно волшебная ниточка, поведут вас пушкинскими дорогами Верхневолжья. Они еще мало изучены, эти дороги. И кто знает, может быть, пытливых исследователей ждут здесь открытия, которые добавят новые строки к творческой биографии поэта.

«Проезжая через Тверь...»

Тогда, в 1811 году, Пушкин, спешивший в Лицей, не успел рассмотреть Тверь, мелькнувшую за окнами дорожной кареты. Не знал он, да и не мог знать, что судьба еще не раз приведет его сюда, на берега Волги. И в светлые дни, и во времена грустных раздумий о своем будущем. Потом он вспомнит этот город в михайловской ссылке, в письме к Анне Керн. Просто помянет, что уехала туда по делам хозяйка Тригорского... А через год пролетит он через Тверь с фельдъегерем, внезапно вызванный новым царем в Москву. И опять недосуг ему остановиться здесь. Все мысли о другом — что ждет его в старой столице? Зачем понадобился он Николаю? Может, близка уже желанная свобода? А может, новая, более страшная ссылка?

И на обратном пути в Петербург, когда сомнения его разрешились самым неожиданным образом, не задержался Пушкин в Твери: спешил к друзьям, хотел поскорее успокоить всех, кто искренне переживал за него.

В последующие годы поэт часто навещал Тверь проездом. А однажды приехал сюда специально по делу, которое могло стать для него роковым...

В Калинине бережно хранят все, что связано с именем Пушкина. В го-

роде и сегодня многое напоминает о тех временах, когда здесь, в гостинице Гальяни, находил приют знаменитый постоялец, так часто ездивший по России...

В конце XVIII — середине XIX века Тверь была одним из самых примечательных губернских городов. Отстроенная после большого пожара 1763 года, она отличалась четкой планировкой, незаурядными архитектурными ансамблями, величественными соборами. «Город Тверь после Санкт-Петербурга самый красивый в империи». Это признание принадлежит Екатерине II.

«В 1776 году, год спустя после издания учреждения о губерниях, была образована первая из всех русских Тверская губерния, составлявшая до того времени провинцию огромной Новгородской губернии. По плану Екатерины Тверская губерния, или наместничество, должна была делиться на 11 уездов: Тверской, Бежецкий, Вышневолоцкий, Кашинский, Калязинский, Краснохолмский, или Весьегонский, Осташковский, Новоторжский, Старицкий, Ржевский, Зубцовский...

С поручением привести это в исполнение явился в г. Тверь 10 января 1776 г. граф Сиверс... 18 января в доме Государева наместника читано было дворянам... новое учреждение об управлении губернией» [31].

Тверь пользовалась особым вниманием властей, так как находилась на пути между двумя столицами и через нее проезжали царские особы, иностранные послы и гости.

Планировкой и организацией работ по строительству Твери после пожара руководил главный архитектор Москвы П. Р. Никитин со своей «архитектурной командой», в которую входил и М. Ф. Казаков. Сохранилась замечательная акварель, выполненная им в 1766 году. Он изобразил строящийся город в розовато-зеленых тонах. В центре широкой панорамы возвышается величественный дворец. На берегу Волги, там,

где теперь городской сад, видны небольшие служебные помещения, примыкающие к дворцу, далее белеют построенные в ту пору дома тверского купечества, часть которых сохранилась до наших дней.

Интересно описание Твери тех лет, увиденной глазами иностранца. «Тверь, главный город приволжской губернии. Она довольно велика, и после пожара 1763 года снова построена из кирпича, а предместья ее из дерева. Новые каменные дома построены со вкусом, а улица Миллионная может оспаривать первенство у лучших улиц Петербурга... На одном конце Твери виден в перспективе Императорский дворец, а посередине улицы находится выложенный камнем бассейн» [32].

По планам, разработанным Никитиным с участием Казакова, в Твери были проведены большие строительные работы, изменившие облик древнего города. Пушкин, впервые проезжая через Тверь, видел ее чистой, опрятной, сравнительно недавно снявшей строительные леса.

Попытаемся восстановить облик города. Вот промелькнули многочисленные домики Ямской слободы, разросшейся в начале XIX столетия. Слобода была расположена в восточной части города и занимала пространство от нынешней улицы Вагжанова и Московской площади до берега Волги. Здесь же, на месте сквера Московской площади, помещалось несколько больших кузниц для ремонта экипажей и перековки лошадей. За кузницами у берега Волги стояли больница и работный дом. (Сейчас, въезжая этим путем в Калинин, вы минуете комбинат искусственного волокна, площадь Гагарина, на которой находится Дворец культуры химиков, и по широкому проспекту мимо Дома радио, кафе «Восток» попадете в центральную часть города.)

Затем путешественник въезжал на главную магистраль — Большую Московскую улицу (ныне улица Советская) и вскоре попадал на первую площадь — Круглую.

Главная улица впадала в площадь, названную планировщиками Полуциркульной, или Полукруглой (ныне Советская).

Отсюда начиналась центральная часть города. В 1787 году на площади были сооружены деревянные триумфальные ворота с колоннами, украшенными картинами и скульптурами. С этой площади путешественник видел несколько улиц, расходившихся лучами в направлении главного здания города — Путевого дворца и стоящего рядом с ним собора. Основной луч — Большая Московская, или Миллионная, улица — упирался в колокольню собора; правый луч — улица Косая Новогородская (ныне улица Вольного Новгорода) — выводил к мосту через Волгу (мост был немного выше здания кинотеатра «Звезда»). Левый луч — улица Новоторжская (ныне улица «Правды») — завершался угловой башней Тверского кремля (сейчас здесь расположена гостиница «Центральная»).

Лучевое расположение улиц сохранилось. Оно радует глаз и придает центру города редкую стройность и устремленность. Талантливые планировщики — умудренный опытом Никитин и молодой Казаков,— возможно, использовали здесь лучевое построение Адмиралтейской части Петербурга, Версаля, Рима, но создали нечто новое, вполне оригинальное.

Через основание Полукруглой площади перпендикулярно к Большой Московской улице была проложена широкая, обсаженная деревьями магистраль, выходившая к Волге (ныне улица Володарского). Здесь путник мог остановиться в лучшей гостинице города, которая находилась на углу современных улиц Воло-

дарского и Пушкина. Владельцем этой гостиницы был Гальяни, итальянец по происхождению, поэтому и гостиницу называли Гальяновой. Имя ее владельца встречается в списках городских выборных чинов конца XVIII столетия. «Гальяни... в пушкинские времена содержал в Твери самую лучшую гостиницу с залом для танцев и других увеселений, так что гостиница Гальяни заменяла клуб» [33]. У Гальяни неоднократно останавливался Пушкин, проезжая через Тверь. В послании к Соболевскому поэт писал:

> У Гальяни иль Кольони
> Закажи себе в Твери
> С пармазаном макарони,
> Да яичницу свари.

В. И. Колосов, собравший интересный материал о пребывании Пушкина в Тверской губернии, приводит в своей брошюре такой факт:

«...Одна современница Пушкина передала нам недавно, что однажды ее муж, тогда еще молодой человек 16-ти лет, встретил здесь Пушкина и рассказал об этом так:

— Я сейчас видел Пушкина. Он сидит у Гальяни на окне, поджав ноги, и глотает персики...» [34]

Проезжая дальше по главной улице, путник видел сиротский дом и Владимирскую церковь (на месте нынешней гостиницы «Селигер»). Вскоре перед ним открывалась самая красивая площадь города — Фонтанная. Эта площадь имеет форму восьмиугольника, откуда и ее второе название — Восьмиугольная (ныне площадь Ленина). Здесь во время перестройки города Казаков и его товарищи возвели лучшие в городе здания — образцы русского классицизма в архитектуре. Они и сейчас радуют сочетанием строгих форм с изяществом отделки и лепных украшений. На площади были построены здание для губернских учреждений

(ныне дом горсовета), дом магистрата (ныне Театр юного зрителя) и соляной магазин-склад (ныне здание Госбанка, перестроенное в 1912—1914 годах).

От Фонтанной площади главная улица вела к Тверскому кремлю, остатки которого — ров и часть валов — сохранялись до конца XVIII столетия. Крепостные стены и большинство башен после пожара были срыты. Подъезжая к кремлю, путешественник по левую руку видел большое каменное здание гостиного двора с высокой башней посредине, построенное по проекту В. С. Обухова. Оно стояло на месте Калининского драматического театра. Напротив гостиного двора, по правую сторону улицы, на месте нынешнего городского сада находилась Красная площадь. С нее открывался вид на Заволжье. С Красной площади через мост можно было въехать на территорию кремля. Он заметно возвышался над городом. В центре его, а точнее, там, где ныне воздвигнут памятник М. И. Калинину, стояло массивное белое здание собора.

На правом берегу Волги выстроилась линия жилых двухэтажных домов, частично сохранившихся до наших дней на набережной Степана Разина. На левом берегу реки путешественник видел около моста два новых здания, построенных по замыслу Казакова. Ныне это дом № 36 и здание Дома культуры трудовых резервов, составляющие архитектурный ансамбль. С Красной площади дорога вела к Волге и по Заволжью уводила путников в сторону Петербурга.

Вот такой или почти такой видел Тверь Пушкин. Но его интересовала не столько архитектура, сколько история этого города, недавнее прошлое, связанное с Отечественной войной 1812 года.

Накануне войны Тверь жила напряженной, необычной для губернского города жизнью, средоточием которой был Путевой дворец.

Это первое крупное творение молодого зодчего М. Ф. Казакова начали строить в 1763 году для архиепископа. Однако духовный пастырь счел за благо подарить дворец недостроенным Екатерине II. Вот и сделался он Путевым дворцом для проезжих царских особ. До самого конца XIX столетия даже тверским губернаторам не разрешали жить в нем.

Незадолго до Отечественной войны другой выдающийся архитектор — К. И. Росси несколько перестроил здание.

Так посреди Твери возник прекрасный дворец, построенный руками тверских и старицких каменщиков, образец русской классической архитектуры конца XVIII века.

В 1809 году в Путевом дворце остановился престарелый принц Георг Ольденбургский — генерал-губернатор Тверской, Новгородский и Ярославский, наделенный правом издавать указы от имени царя. Вместе с принцем приехала его жена — великая княгиня Екатерина Павловна, любимая сестра Александра I. Его высочество по причине преклонных лет и своего нерусского происхождения не очень вникал в дела подопечных ему российских губерний. Гражданский губернатор Кологривов, толпа чиновников помельче, супруга принца вершили все дела. В многолюдном окружении принца Ольденбургского оказались самые различные люди. Здесь были и высланные в Тверь единомышленники Радищева литераторы И. М. Борн и В. В. Попугаев. Но тон, конечно, задавали не они. В эти предвоенные годы в тверском Путевом дворце собирался своеобразный политический кружок, душой которого была сама губернаторша. Часто приезжал по ее приглашению в Тверь Н. М. Карамзин.

В угловой комнате дворца на втором этаже Александр I слушал Карамзина. Историограф читал ему

главы своего труда, посвященные нашествию Батыя и Куликовской битве. Но картины народной борьбы далекого прошлого не вдохновили самодержавного слушателя. Скорее всего, они даже пугали царя проявлениями народного патриотизма. Его величество, уезжая

из дворца, не удостоил чету Карамзиных даже легким поклоном.

В Твери Александр I пытался демонстрировать свою близость к народу: участвовал в катаньях по Волге и в гуляньях в губернаторском саду, снизошел до разговора с купчихой Светогоровой, благосклонно выслушивал комплименты губернских дам, хвалил город, распорядился отпустить деньги на благоустройство, на строительство канала за Тьмакой, которому тут же дали название Екатерининского, но так и не построили.

Вот как описывает визит царя в Тверь одна из современниц — дочь обласканной царем купчихи Светогоровой:

«В 1809 году давали в Твери государю и великой княгине бал. Это было 4-го июля; погода стояла отличная, вокзал отделали на славу. Стены беседки обвили французским, цельным штофом и убрали ее всю цветами. Померанцевые, лимонные деревья в кадках выписали из Москвы, а дубы привезли из Кашина и Зубцова, да так рядами и поставили. Хрустальный столовый сервиз в золотой оправе, дорогие фрукты, конфеты, вина, все было выписано из столиц. Государь с великой княгиней приехали из дворца по Волге на яхте; за ними плыли лодки с музыкантами и с песенниками из мещан. Как только государь взошел на берег, матушка моя Анна Петровна Светогорова с поклоном подала ему на серебряном подносе шампанское в петровском штофе...

В свите его приехали Аракчеев, Уваров и много других; все очень веселились. Когда стемнело, зажгли всюду иллюминацию, а по ту сторону Волги, прямо насупротив беседки, пустили великолепный фейерверк; там же горел щит с вензелем государя и великой княгини. Александр Павлович был чрезвычайно ве-

сел. «У тебя тут, сестра,— говорил он Екатерине Павловне,— маленький Петергоф».

Народу на этом празднике было невесть что: из деревень пришли, съехались помещики со всей губернии. Угощение лилось рекою. Веселились до пяти часов утра, и назад отправились опять по Волге, в лодках, с музыкой и с песнями» [35].

Двадцать лет спустя, работая над десятой, позднее уничтоженной главой «Евгения Онегина», Пушкин нарисует яркую картину политической жизни предвоенной России. Будут здесь и строки, которыми поэт навечно заклеймит своего гонителя:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Война нарушила «увеселительные программы» обитателей Путевого дворца, и им пришлось срочно паковать чемоданы.

«Что делалось в это время в самом городе Твери? Тогдашние стратеги предполагали, что по занятии Москвы Наполеон отрядит часть войска на Тверь, чтобы захватить находившиеся там огромные запасы, и затем двинется через Старую Руссу на соединение с войсками, действовавшими против Петербурга. Отряды Наполеона были придвинуты по Петербургской дороге к Клину, находившемуся от Твери всего в 90 верстах. Понятно, какой переполох происходил в это время в Твери. Все присутственные места еще до 7 сентября, по распоряжению губернатора, постепенно подготовлялись к выезду, причем предположено было большие тяжести отправить в г. Бежецк...»

Один современник всех этих событий так описывает события в Твери: «24-го июля с полден часу в 7-ом Ея

Императорское Высочество Екатерина Павловна с супругом изволили отсюда выехать в Ярославль с колокольным звоном. По случившимся здесь таковым причинам народ пришел в немалое смущение о быстроте неприятеля и начал мало-помалу отсюда выезжать. С начала августа начали отправляться отсюда большею частию дворянские экипажи; водою больше на полубарках и больших лодках за недостатком в Волге воды, также купецкие и обывательские» [36].

Пушкин приезжал в Тверь, когда уже утихли толки о событиях недавнего прошлого. Другими заботами жила Россия, другие проблемы волновали провинцию... Ночь в гостинице Гальяни, короткая встреча с Ф. Н. Глинкой.

Весной 1836 года поэт снова ехал в Тверь. Поездка эта могла оказаться для него последней в жизни: предстояла дуэль с В. А. Соллогубом...

Они познакомились в Царском Селе летом 1831 года. Дерптский студент восхищался поэтом и знакомство с ним считал честью для себя. После окончания университета окунулся с головой в светскую жизнь. Блистал на балах. Службу начал по министерству внутренних дел. В 1835 году командирован в Тверь, в распоряжение гражданского губернатора. Быстро продвигается по службе, увлекается литературой, пишет стихи. Но главное для него в это время — балы, обеды, вечера. О нем говорят, его «светски-ярыжнические замашки» (Белинский) считают оригинальностью.

Зимой 1836 года на званом вечере молодой Соллогуб наговорил дерзостей Наталье Николаевне. Пушкин вызвал его на дуэль. Судя по всему, получив вызов, граф струсил. Поединок при любом исходе грозил испортить так блистательно начавшиеся светскую и служебную карьеры. И Соллогуб стал всячески увиливать от решающей встречи с Пушкиным. А тот на-

стаивал на поединке. Он был уже достаточно раздражен светской чернью, ее насмешками, сплетнями, низкой клеветой. Вероятно, самонадеянный юнец, олицетворявший собой эту ненавистную поэту чернь, просто подвернулся под руку.

В Петербурге встретиться им не удалось: Соллогуб по делам службы выехал в Тверь. Пушкин весной приехал туда, чтобы разрешить затянувшийся конфликт. Но Соллогуба в Твери не оказалось. Раздосадованный Пушкин, которому пришлось гоняться за ответчиком, уехал в Москву. Не случись этого — трудно сказать, как разрешился бы конфликт в Твери: поэт был настроен решительно в стремлении проучить светского льва.

Вернувшись в Тверь, Соллогуб понял, что его отсутствие могло быть истолковано Пушкиным как трусость, и поспешил за ним следом. Конфликт был вскоре исчерпан в доме П. В. Нащокина и благодаря ему.

А теперь посмотрим, как выглядит эта счастливо закончившаяся история в интерпретации Соллогуба.

«...Самым же замечательным для меня было полученное мною от Андрея Карамзина письмо, в котором он меня спрашивал, зачем же я не отвечаю на вызов А. С. Пушкина: Карамзин поручился за своего дерптского товарища, что я от поединка не откажусь.

Для меня это было совершенной загадкой. Пушкина я знал очень мало, встречался с ним у Карамзиных, смотрел на него, как на полубога... И вдруг ни с того, ни с сего, он вызывает меня стреляться... Решительно нельзя было ничего тут понять, кроме того, что Пушкин чем-то обиделся, о чем-то мне писал и что письмо его было перехвачено... Я переехал в Тверь жить, где был принят, как родственник в доме... А. М. Бакунина... С Карамзиным я списался и узнал,

наконец, в чем дело. Накануне моего отъезда я был на вечере вместе с Нат. Ник. Пушкиной, которая шутила над моей романтической страстью и ее предметом. Я ей хотел заметить, что она уже не девочка и спросил, давно ли она замужем... Все это было до крайности невинно и без всякой задней мысли... Пушкин написал тотчас ко мне письмо, никогда ко мне не дошедшее, и, как мне было передано, начал говорить, что я уклоняюсь от дуэли. Получив это объяснение, я написал Пушкину, что я совершенно готов к его услугам, когда ему будет угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины... Пушкин остался моим письмом доволен и сказал С. А. Соболевскому: «Немножко длинно, молодо, а впрочем, хорошо». В это же время он написал мне по-французски письмо следующего содержания: «Вы напрасно обеспокоили себя, давая мне объяснение, которого я у вас не требовал. Вы себе позволили обратиться к моей жене с клеветой и вы хвастали, что *сказали ей дерзости*. Обстоятельства не позволяют мне отправиться в Тверь раньше конца марта месяца. Благоволите меня извинить».

Делать было нечего; я стал готовиться к поединку, купил пистолеты, выбрал секунданта, привел бумаги в порядок и начал дожидаться... Я твердо, впрочем, решился не стрелять в Пушкина, но выдержать его огонь, сколько ему будет угодно... Я поехал в деревню на два дня (в имение матери Соллогуба в Тверской губернии.— **А. П.**); вечером в Тверь приехал Пушкин. На всякий случай я оставил письмо, которое отвез ему мой секундант князь Козловский (это было 1 мая 1836 г.— **А. П.**). Пушкин жалел, что не застал меня, извинялся и был очень любезен и разговорчив с Козловским. На другой день он уехал в Москву. На третий я вернулся в Тверь и с ужасом узнал, с кем я разъехался. Первой моей мыслью было, что он подумает, пожалуй, что я

от него убежал. Тут мешкать было нечего. Я послал тотчас за почтовой тройкой и без оглядки поскакал прямо в Москву, куда приехал на рассвете и велел везти себя прямо к П. В. Нащокину, у которого останавливался Пушкин. В доме все еще спали. Я вошел в гостиную и приказал человеку разбудить Пушкина. Через несколько минут он вышел ко мне в халате, заспанный и начал чистить необыкновенно длинные ногти. Первые взаимные приветствия были очень холодны» [37].

В объяснении соперников принял участие Павел Воинович Нащокин и убедил Пушкина помириться с Соллогубом. Однако поэт потребовал, чтобы граф написал письмо Наталье Николаевне с извинениями за дерзости и только после этого счел конфликт улаженным, к великой радости своего верного друга.

Объективность такого изложения «дуэльной истории» в некоторых ее частях вызывает сомнения. Так П. К. Губер во вступительной статье к «Воспоминаниям» Соллогуба замечает, что тот от дуэли уклонялся по названным выше причинам и из Твери уехал специально. Кроме того, Соллогуб ничего не говорит в своих мемуарах о письме, написанном в ответ на пушкинское «французское». Письмо это было высокомерно, и автор не решился отправить его, справедливо полагая, что в этом случае дуэль уже не удастся предотвратить.

Как показало будущее, поэт не держал сердца на Соллогуба, которому «пришлось быть свидетелем и актером драмы, окончившейся смертью великого Пушкина». Они сблизились в эти последние месяцы жизни Пушкина. Соллогуб должен был стать секундантом поэта в предполагавшейся в ноябре 1836 года дуэли с Дантесом и предпринимал меры к тому, чтобы поединок этот не состоялся...

Короткие остановки... Ночлеги «у Гальяни»... Неожиданный приезд в последнюю свою весну... Тверь помнит счастливые встречи с Пушкиным. Летним днем 1974 года поэт вернулся на воспетые им волжские берега. Он стоит, опершись о бронзовую решетку ограды, подобно усталому путнику, каким и был, приезжая сюда.

«В обществе доброй провинциалки»

Над Петербургом осенняя ночь. Сырой ветер с Невы гуляет по пустынным улицам. Тусклый свет фонарей дробится в черной воде каналов, выхватывает из темноты фасады безмолвных особняков. А в этом доме окна ярко освещены. За ними — веселый гомон: друзья и товарищи Пушкина празднуют лицейскую годовщину.

Александру давно пора уходить: его ждет дальняя дорога. И вещи уже уложены, и подорожная выписана: «По указу Его Величества Императора Николая Павловича, самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая от С.-Петербурга до Торжка воспитаннику Царскосельского лицея Александру Пушкину из почтовых давать по три лошади с проводником...»

Надо ехать. Но не хочется расставаться с милыми его сердцу людьми.

Отзвучал последний тост. Пушкин раскрывает тетрадь — сегодня ему выпало вести протокол — и неторопливо выводит последние строки.

Вот он, этот озорной документ:

Протокол празднования лицейской годовщины

Собрались в пепелище скотобратца курнофеюса Тыркова, по прозвищу кирпичного бруса, 8 человек скотобратцев, а именно: Дельвиг — Тося, Илличевский — Олёсенька, Яковлев — паяс, Корф — дьячек-мор-

дан, Стевен — швед, Тырков (смотри выше), Комовский — лиса, Пушкин — француз (смесь обезьяны с тигром).

a. Пели известный лицейский пэан *Лето, знойна.*

Пушкин-француз открыл, и согласен с ним сочинитель Олёсенька, что должно вместо общеупотребляемого привета *Лето знойно* петь как выше означено.

b. Вели беседу.

c. Выпили вдоволь их здоровий.

d. Пели рефутацию г-на Беранжера.

e. Пели песню о царе Соломоне.

f. Пели скотобратские куплеты прошедших шести годов.

g. Олёсенька, в виде французского тамбур-мажора, утешал собравшихся.

h. Тырковиус безмолвствовал.

i. Толковали о гимне ежегодном и негодовали на вдохновения скотобратцев.

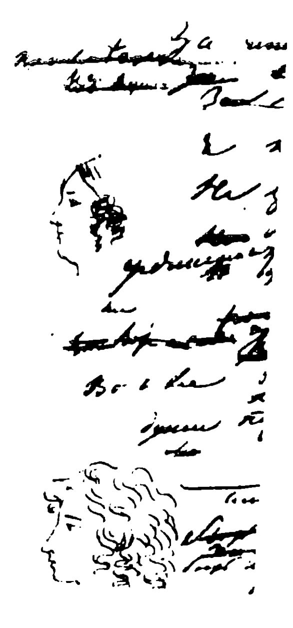
к. Паяс представлял восковую персону.

l. И завидев на дворе час первый и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути воспитаннику Императорского Лицея Пушкину-французу, иже написа сию грамоту» [38].

Лицеисты ставят подписи и вновь поднимают бокалы — за счастливую дорогу Александру. А он вдруг берет перо и дописывает:

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав *ура,*
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

...Над Петербургом осенняя ночь 20 октября 1828 года. Тяжелая дорожная карета катит по спящему городу. Гулко отдается в пустынных улицах цокот копыт. Холодно. Ветрено. Пушкин кутается в плащ, вгляды-

ваясь в знакомые очертания петербургских кварталов.

Наконец-то! Опять в деревню! Но на этот раз по своей воле и с радостью.

Заканчивая «Полтаву», он работал словно одержимый. «Погода стояла отвратительная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда, он ел на скорую руку, что попало, и убегал домой, чтобы записать то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвертой части...» [39]

Да, осенью, как всегда, писалось хорошо. Но радостных, светлых дней было мало. В итоге рассмотрения дела о стихотворении «Андрей Шенье» решением Государственного совета за Пушкиным был установлен секретный надзор. Он постоянно чувствовал «всевидящий глаз» Бенкендорфа. Новое дело, начатое против поэта летом 1828 года по поводу «Гавриилиады», грозило привести к трагическим последствиям. Настроение, владевшее им, отразилось в стихотворении «Предчувствие»:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

Гроза на этот раз прошла стороной: царь приказал прекратить дело. Но Пушкин понимал, что значит это «помилование». Призрак новой ссылки не исчез, а лишь отдалился.

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Да, дело о «Гавриилиаде» прекращено, но буря еще может грянуть. К кому же обращает он в этот «грозный час» полные грусти и нежности строки «Предчувствия»? Кто — этот «ангел кроткий, безмятежный»? Адресат стихов хорошо известен: Анна Оленина. Любовью к ней была озарена петербургская весна поэта в 1828 году. Весна, полная тревожных раздумий. Душевное состояние Пушкина отразилось в строках, написанных 26 мая:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
. . . .
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

И в этом мраке безысходности чувство к Анне Олениной — огонек надежды, вспыхнувший неожиданно, но так и не разгоревшийся. Задерганный жизнью, оди-

нокий, измученный дознаниями и допросами, может быть, принял он увлечение очаровательной двадцатилетней Анной за любовь. Но чувство захватило его:

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она обмолвясь заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

И еще несколько стихотворений, таких же искренних, таких же чистых, составивших один из лучших лирических циклов, посвящены Олениной.

Любовь преобразила «город пышный, город бедный», где «ходит маленькая ножка, вьется локон золотой».

«Вчера,— пишет П. А. Вяземский жене в апреле 1828 года из Петербурга,— немного восплясывали мы у Олениных. Ничего, потому что замечательного не было. Девица Оленина довольно бойкая штучка: Пушкин ее называет драгунчиком и за этим драгунчиком ухаживает...» [40]

Вяземский, как ему казалось, угадал «любовную игру» Пушкина и Олениной, которую, вероятно, ценил не очень высоко (иначе откуда — «штучка»?) «Пушкин думает,— сообщал он в очередном письме Вере Федоровне,— и хочет дать думать ей и другим, что он в нее влюблен и вследствие моего pot-pourri играл ревнивого» [41]. И еще: «...Наконец вчера совершил я свое путешествие в Кронштадт с Олениными, Пушкиным и проч. ...Пушкин дуется, хмурится, как погода, как любовь» [42].

Весной и летом 1828 года Пушкин был частым гостем оленинской мызы Приютино под Петербургом. Его тетрадь заполнялась стихами, обращенными к Анне. На рукописях появлялись любимые инициалы, профили. Несколько раз рука поэта, выдавая мечты, вывела «Annette Pouchkine». Однако этому не суждено было осуществиться: Пушкин сватался к Олениной и получил отказ, ибо неблагонадежного, поднадзорного поэта сочли слишком рискованной партией для дочери президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки. А. Н. Оленин, пожалуй, лучше других знал, насколько непрочно положение поэта: как член Государственного совета, Алексей Николаевич участ-

вовал в работе следственной комиссии по делу о стихотворении «Андрей Шенье» и в числе других подписал протокол, которым за Пушкиным учреждался секретный надзор. Эти обстоятельства и расстроили сватовство. Отношения поэта с семьей Олениных перестали быть сердечными и искренними, как прежде. Но чувство к Анне оставило след в душе Пушкина. И год спустя он завершил начатый в Петербурге «Оленинский» цикл блистательным стихотворением:

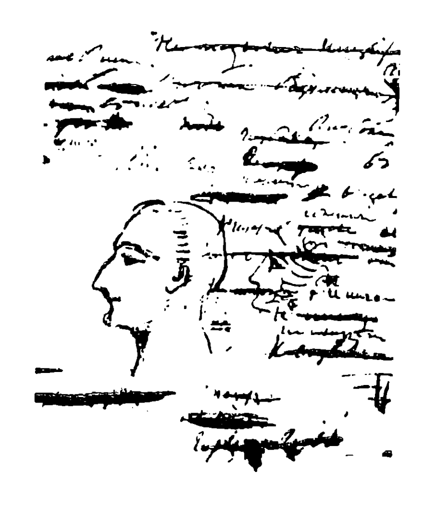
Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Стало быть, не прав оказался П. А. Вяземский: чувство Пушкина к Анне Олениной было истинным и глубоким. И крушение его добавило горечи сердцу поэта в ту ненастную осень 1828 года.

Думается, что это было одной из причин, побудивших поэта принять приглашение Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф приехать в ее старицкое имение Малинники. Пушкин поделился своими планами с друзьями и стал собираться в дорогу. «...Он еще не отправился в деревню,— отвечает С. Н. Карамзина Вяземскому 29 сентября 1828 года,— но собирается провести там октябрь и, чтобы положить начало своему вдохновению, сочинил маленькую балладу «Утопленник», которая порядком наводит страх...» [43]

...Отпразднована лицейская годовщина. Теперь — пора.

Поездка в Малинники — как избавление. И пото-

му так радостна для него эта размытая осенними дождями дорога. Он вспомнит ее через год, вспомнит все свои дальние и близкие путешествия — тракты, проселки, большаки,— и тогда появятся «Дорожные жалобы».

Но сейчас грех жаловаться. Сейчас думает он о том, как отдохнет наконец-то от суматошной столицы. Правда, тетради он все же захватил: в Тверской губернии они часто оказывались нужными ему, хоть и бывал он здесь прежде лишь проездом. Теперь впервые едет надолго.

Что же побудило Пушкина поехать в глухую старицкую деревеньку?

За годы, проведенные в михайловской ссылке, он сблизился со своими соседями Вульфами, жившими в Тригорском. Они скрашивали его вынужденное одиночество, рассеивали «мрак заточенья». Хозяйка Тригорского Прасковья Александровна Осипова-Вульф была в дальнем родстве с Пушкиными: ее сестра Елизавета вышла замуж за Я. И. Ганнибала. Но не родственные, а прежде всего дружеские узы связывали поэта с Вульфами. Он с уважением относился к П. А. Осиповой — женщине образованной, умной, но своенравной и властной. Искренние и очень теплые отношения были у Пушкина с детьми Прасковьи Александровны. И. И. Пущин, навестивший «поэта дом опальный» зи-

мой 1825 года, вспоминал впоследствии, что Пушкин «хвалил своих соседей в Тригорском, хотел даже везти меня к ним».

Особенно сблизился он в ту пору с Алексеем Николаевичем Вульфом, учившимся в Дерптском университете и приезжавшим в имение матери на каникулы. В Дерпт из Михайловского шли веселые письма. Одно из них Пушкин начал стихами. Это «Послание А. Н. Вульфу» — первое стихотворение, написанное поэтом в Михайловском:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой...

Далее он пишет: «В самом деле, милый, жду тебя с отверстыми объятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; так как я под строгим присмотром, то если вам обоим заблагорассудится мне отвечать, пришли письма под двойным конвертом на имя сестры твоей Анны Николаевны».

Дружеский, доверительный тон характерен для всех пушкинских писем Вульфу. Позднее Александр Сергеевич, вспоминая годы, проведенные в Михайловском, даст лестную характеристику своему приятелю: «В конце 1825 года я часто виделся с одним дерптским студентом (нынче он — гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научиваются в университетах, между тем как мы с вами выучивались танцевать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял».

Что же касается других тригорских обитателей, то

они обожали Пушкина. Прасковья Александровна была заботлива, внимательна, принимала горячее участие в его судьбе. Поэт платил ей любовью, посвятил стихи «Подражания Корану», «Цветы последние милей» и др.

Правда, не все в их отношениях было просто. Прасковья Александровна питала к Пушкину, видимо, не только дружеские чувства: иногда у сдержанной, гордой женщины вырывались признания, которые позволяют утверждать это. «...Будь у меня,— писала она Пушкину в августе 1831 года,— лист бумаги величиною с небо, а чернил столько же, сколько воды в море, этого все же не хватило бы, чтобы выразить всю мою дружбу к вам; и однако можно так же хорошо высказать в двух словах: любите меня хотя бы в четверть того, как я вас люблю, и с меня будет достаточно» [44].

Пушкин отвечал преданностью и уважением, ибо дружбой с П. А. Осиповой дорожил искренне.

Старшая дочь Прасковьи Александровны — Анна Вульф была влюблена в поэта. Увы, это глубокое и сильное чувство осталось неразделенным. И кто знает, может, там, в Тригорском, мимо Пушкина прошла самая чистая и беззаветная любовь... Вот письма Анны к поэту из Малинников и Петербурга в Михайловское:

«...Вчера у меня была очень бурная сцена с маменькой... я в самом деле думаю, как и Анета Керн, что она хочет одна завладеть вами, и оставляет меня здесь из ревности».

(8 марта 1826 года)

«Боже! Какое волнение я испытала, читая ваше письмо... боюсь, вы не любите меня так, как должны были бы,— вы разрываете и раните сердце, которому не знаете цены... Никогда не испытывала я таких душевных страданий, как нынешние, тем более, что я вынуждена таить в сердце все свои муки. ...Пока прощайте (Если вы чувствуете то же, что я,— я буду до-

вольна). Боже, могла ли я думать, что напишу когда-нибудь такую фразу мужчине? Нет, вычеркиваю ее! ...Когда-то мы увидимся? До той минуты у меня не будет жизни».

(20 апреля 1826 года)

«Наконец-то я получила вчера ваше письмо. ...Бог знает, когда-то я опять увижу вас — это ужасно, и это переполняет меня тоской. Прощайте, шлю *тебе* поцелуй, любовь моя, наслаждение *мое*».

(2 июня 1826 года)

«Что сказать вам и с чего начать мое письмо? А вместе с тем я чувствую такую потребность написать вам, что не в состоянии слушаться ни размышлений, ни благоразумия. Я словно переродилась, получив известие о доносе на вас. Творец небесный, что же с нами будет? Ах, если бы я могла спасти вас ценою собственной жизни, с какой радостью я бы пожертвовала ею (ради вас) и вместо всякой награды я попросила бы у неба лишь возможности видеть вас на мгновение, прежде чем умереть... Нет, за всю мою жизнь не переживала я ничего более ужасного — не знаю, как я не сошла от всего этого с ума» [45].

(11 сентября 1826 года)

Не желая обидеть Анну, Пушкин отвечал ей шутливыми стихами («Хотя стихи на именины...», «Увы! напрасно деве гордой...», «Я был свидетелем златой твоей весны...»).

Младшая дочь П. А. Осиповой — Евпраксия (Зизи) была предметом веселых шуток поэта, невинного ухаживания, забавных розыгрышей. Ей, по-детски влюбленной в Пушкина, посвящены стихотворения «Если жизнь тебя обманет...», «Вот, Зина, вам совет: играйте...», строки в V главе «Евгения Онегина»:

Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

Дружба с Зизи (впоследствии — баронесса Вревская) сохранилась на долгие годы. Они часто встречались, особенно в последний период жизни Пушкина. Накануне дуэли с Дантесом он «открыл ей все свое сердце», но Вревская «не умела или не могла помешать» [46]. По семейному преданию, она хранила «пачку писем Пушкина», которые перед смертью завещала сжечь.

В Тригорском жила и Алина Осипова — падчерица Прасковьи Александровны (в замужестве Беклешова). Это ей посвящено «Признание»:

Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно,— я зеваю;
При вас мне грустно,— я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!..

Атмосфера «минутной влюбленности» была характерна для Тригорского той поры, наполненного барышнями, живущего беззаботной жизнью поместья средней руки.

Правда, у хозяйки хлопот хватало, но при появлениях Пушкина (а они были частыми) откладывались все дела, вынимались заветные девичьи альбомы. И появлялись в них легкие, изящные строки:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!

В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

И маленькая Зина потом не раз перечитывала эти четверостишия, написанные только для нее.

Тригорское заменяло Пушкину мир, от которого он был насильно отторгнут. Это подтверждают воспоминания тогдашних обитательниц имения.

Мария Ивановна Осипова: «Каждый день, часу в третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского. Приезжал он обыкновенно верхом на великолепном аргамаке, а то, бывало, приволочится и на крестьянской лошаденке. Бывало, все сестры мои, да и я, тогда еще подросточек,— выйдем к нему навстречу... Раз, как теперь помню, тащится он на лошаденке крестьянской, ноги у него чуть не по земле волочатся — я и ну над ним смеяться и трунить. Он потом за мной погнался, все своими ногтями грозил; ногти ж у него такие длинные, он их очень берег... Приходил, бывало, и пешком; подберется к дому иногда совсем незаметно; если летом, окна бывали раскрыты, он шасть и влезет в окно... Ну, пришел Пушкин,— все пошло вверх дном; смех, шутки, говор — так и раздаются по всем комнатам... А какой он был живой; никогда не посидит на месте, то ходит, то бегает!»

Евпраксия Николаевна Вревская: «Он только ночевал у себя в Михайловском, да утром, лежа в постели, писал свои произведения; затем появлялся в Тригорском и в нашем кругу проводил все время».

Исследователи творчества поэта не без основания полагают, что многие черты жизни Тригорского и его обитателей нашли отражение в «Евгении Онегине».

«Сами тригорские барышни твердо считали себя прототипами героинь «Онегина», брат их А. Н. Вульф считал себя прототипом Ленского» [47]. И для этого были основания.

В Тригорском часто вспоминали Тверь, Малинники, Берново. Приглашали при случае погостить в старицких гнездах многочисленных Вульфов. И вот в 1828 году такой случай наконец представился. Направляясь в Малинники, Прасковья Александровна и Анна Вульф заехали в Петербург. Пушкина они не дождались — он завершал «Полтаву» и отправился в дорогу, как мы знаем, только в ночь на 20 октября.

...Катит по разбитой осенней дороге громоздкая карета. Проплывают за окошком убогие деревни, пустые поля... О чем думает в эти часы путник, еще не привыкший путешествовать по собственной воле и без фельдъегеря? Свобода оказалась призрачной, обманчивой... Может, вспоминает он, как этим же трактом, в такую же осень везли его из Михайловского в Москву?

«Осенью 1826 года произошел крутой перелом в судьбе Пушкина, шесть с лишним лет томившегося в политической ссылке и страстно желавшего вырваться на свободу. С этого времени начинается самый тяжелый период жизни русского национального гения — ее последнее десятилетие — и вместе с тем наиболее зрелый, самобытный и плодотворный, чреватый будущим период его творчества» [48].

Да, те дни не забудутся никогда... Накануне в Псков из столицы пришла депеша:

«Господину Псковскому гражданскому губернатору.

По высочайшему государя императора повелению,

последовавшему по всеподданнейшей просьбе, прошу покорнейше ваше превосходительство: находящемуся во вверенной вам губернии чиновнику 10-го класса Александру Пушкину позволить отправиться сюда при посылаемом вместе с ним нарочным фельдъегерем. Г. Пушкин может ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря: по прибытии же в Москву имеет явиться прямо к дежурному генералу Главного штаба его величества.

Нач. Гл. штаба Дибич»[49].

За ним приехали в ночь на 4 сентября. Пушкин спешно послал в Тригорское садовника Архипа за своими пистолетами, сжег часть бумаг, которые считал опасными. Рано утром его увезли в Псков. Оттуда пишет он перепуганным обитателям Тригорского, пережившим ужасную ночь: «Полагаю, сударыня, что мой внезапный отъезд с фельдъегерем удивил вас столько же, сколько и меня. Дело в том, что без фельдъегеря у нас грешных ничего не делается; мне также дали его, для большей безопасности»[50].

Судя по тону этого письма к П. А. Осиповой, Пушкин не потерял присутствия духа. Он был готов ко всему, даже к еще худшему, хотя, вероятно, надеялся на освобождение, когда холодным сентябрьским днем прямо в дорожном костюме был доставлен к царю. Беседа один на один продолжалась более часа. Затем дверь кабинета распахнулась, и Николай, держа Пушкина за руку, вышел с ним в комнату, заполненную придворными, и, обращаясь к ним, сказал: «Господа, вот вам новый Пушкин, о старом забудьте». (Записано Н. И. Лорер со слов Л. С. Пушкина.)

Новый монарх — фигляр, артист, позер — отрепетировал и разыграл ловко задуманную эффектную сцену «прощения» опального поэта.

Главной в беседе царя с Пушкиным была тема декабристов. Одна из современниц поэта — А. Г. Хомутова так передает этот диалог с его слов: «Государь долго говорил со мною, потом спросил: «Пушкин, принял ли бы ты участие в 14-м декабря, если б был в Петербурге?» — «Непременно, государь, все мои друзья были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем». А вот как записал этот разговор со слов царя М. А. Корф, лицейский товарищ Пушкина: «Что сделали бы вы, если бы 14-го декабря были в Петербурге? — спросил я его между прочим (Николай I.— **А. П.**).— Стал бы в ряды мятежников,— отвечал он».

Расхождения здесь несущественны. Главное в том, что Пушкин не побоялся сказать царю о своих убеждениях, не предал друзей. Нетрудно представить, каково было слышать эти мужественные слова коронованному вешателю. Но он сдержался: сцену «прощения» надо было играть до конца, ибо она являлась важным фрагментом спектакля под названием «реформаторство и либерализация правления». Николай, подавив восстание декабристов, жестоко расправившись с лучшими людьми России, понимал, что одними репрессиями, устрашением не обойтись. И в руку, свободную от кнута, он взял пряник: предпринял ряд шагов с целью расположить к себе общественное мнение. Был отстранен от должности ненавистный свободомыслящей России Аракчеев, возвращен из ссылки Пушкин и освобожден от цензуры. И это при том, что следствие по делу декабристов показало, как велико было влияние, оказанное на них сочинениями поэта. Притягательную силу пушкинских творений, его гениальную музу царь и «рабскою толпой стоящие у трона» решили поставить на службу самодержавию, направить «первое перо России» в нужную сторону. Кроме того, Николай учитывал известность Пушкина за границей. Потому и была «по-

ставлена» в Чудовом дворце сцена «прощения», вызвавшая большой общественно-политический резонанс.

Буквально через несколько дней после этого Бенкендорф известил поэта о новой «милости». «Сочинений ваших,— писал он 30 сентября,— никто рассматривать не будет, на них нет никакой цензуры: государь император сам будет и первым ценителем произведений ваших и цензором.

Объявляя сию монаршую волю, честь имею присовокупить, что как сочинения ваши, так и письма можете для предоставления его величеству доставлять ко мне; но впрочем от вас зависит и прямо адресовать на высочайшее имя» [51].

Такой «чести» не удостаивался еще никто из русских писателей. Освободив от цепей железных, на Пушкина надевали золотые, но тоже цепи. Теперь уже не только сочинения, но и письма приказано было (а что же, как не в вежливой форме приказ, означали слова шефа жандармов?) отдавать для просмотра «высочайшему цензору», который, впрочем, не один «милостиво» брал на себя эти обязанности. Бенкендорф довольно прозрачно намекнул, что все написанное, ежели оно предназначается для печати, лучше передавать ему, а уж он там разберется...

Николай заигрывал с Пушкиным, заигрывал тонко и хитро. И ему в какой-то мере удалось обмануть поэта — участием в его судьбе, показной добротой, обещанием реформ, избавлением от цензурного пресса.

Пушкина опьянила свобода.

Москва восторженно приветствовала любимого поэта, радовались друзья в Петербурге. «Поздравляю тебя, милый Пушкин,— писал Дельвиг,— с переменой судьбы твоей. У нас даже люди прыгают от радости. Я с братом Львом разнес прекрасную весть по всему Петербургу. Плетнев, Козлов, Гнедич, Слёнин, Керн, Анна Николаевна (Вульф.— **А. П.**) — все прыгают и поздравляют тебя» [52].

Велика была радость и самого Пушкина. «Вот уже неделя, что я в Москве и не имел еще времени написать вам, что доказывает вам, сударыня, насколько я занят. Государь принял меня самым любезным образом. Москва шумна и занята празднествами...» [53] — пишет он П. А. Осиповой в Тригорское.

У него появилась надежда, что новый царь даст стране необходимые реформы. Отражением этих надежд и стремлением «подвинуть» Николая к ним, напомнив о великом предшественнике, явились «Стансы», написанные зимой 1826 года. В них — смелое пожелание следовать путем Петра I, способствовать просвещению народа, откровенный намек на необходимость смягчения участи томящихся на каторге декабристов. Это была весьма широкая политическая программа и очень рискованный поступок. Но царь, просмотрев стихи, позволил напечатать их. Он словно предполагал, какую реакцию вызовут «Стансы». И не ошибся: даже друзья Пушкина увидели в стихотворении не программу прогрессивной политики, а измену прежним идеалам, лесть царю. Несправедливость этих упреков казалась очевидной, и тем больнее задевали они поэта. «...Написание «Стансов» было трагической ошибкой Пушкина,— считает Б. Мейлах,— к тому же неправильно воспринятой в передовых кругах русского общества как отход поэта от былых идеалов» [54].

Стихотворениями «Во глубине сибирских руд»,

«Арион» он убедительно ответил на вздорные обвинения. Однако нападки продолжались. В 1828 году Пушкин откликнулся на них новыми стансами — «Друзьям»:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.
. . . .
Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

Пушкин еще не расстался с иллюзиями. Он спешил напечатать эти стихи и передал их на рассмотрение Николаю I. Ответ был вскоре получен от Бенкендорфа: «Что же касается до стихотворения вашего под заглавием «Друзьям», то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано». «Цензор» понял, что таится между строк этих — прежний, неприрученный Пушкин, настойчиво проповедующий свои взгляды. А те, кому были адресованы стихи, опять не поняли скрытого смысла их и не приняли объяснения. Грязная сплетня о том, что «Стансы» поэт написал по заказу царя и даже в его присутствии, продолжала жить и порочить доброе имя Пушкина. А он, не падая духом, уже готовил новый ответ близоруким друзьям. Черновики были в тетради, которую поэт взял с собой в Малинники. Месяц спустя он завершит «Анчар» и яростную «Чернь», которые не оставят сомнений в том, что появился действительно новый Пушкин, еще более вдохновенный, прозорливый, непримиримый, неисчерпаемо глубокий, но ни в чем не изменивший Пушкину прежнему...

В Малинниках его встретили с прежней теплотой и сердечностью — Прасковья Александровна, тригорские барышни. Все здесь нра́вилось Пушкину: уютный

дом, правда, не такой просторный, как в Тригорском, молодой парк на пригорке, живописная деревенька с часовней над прозрачным ручьем, тихие осенние поля, леса, «одетые в багрец и золото». Он спешит поделиться своими впечатлениями с Алексеем Вульфом и пишет ему в Петербург:

«Честь имею донести, что в здешней губернии, наполненной вашим воспоминанием, все обстоит благополучно. Меня приняли с достодолжным почитанием и благосклонностию... Требуемые от меня пояснения насчет вашего петербургского поведения дал я с откровенностию и простодушием, отчего и потекли некоторые слезы и вырвались некоторые недоброжелательные восклицания... При сей верной оказии доношу вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и что я намерен на днях в нее влюбиться...»

По тону письма нетрудно догадаться, какое настроение было у Пушкина в Малинниках. Здесь вновь ощутил он радость общения с природой, вдохнул живительный воздух милой его сердцу России. И потому все письма из Малинников проникнуты весельем, неподдельной радостью.

Однако о какой же Марье Васильевне упоминает он? Может быть, и не стоило бы говорить об этом, ведь письмо предназначалось близкому другу, да притом еще с «верной оказией» и, стало быть, не предназначалось для посторонних глаз и ушей, но с именем Борисовой связана история, оставившая след в творчестве поэта.

Марья Васильевна Борисова — сирота, жившая в доме П. И. Вульфа. Вот что пишет о ней в своей книге «Пушкин» Л. П. Гроссман: «Мимолетная встреча оставила заметный след в творческой памяти поэта и отпечаталась впоследствии в образе Маши Мироновой в

«Капитанской дочке» (в черновых планах к роману невеста Гринева носит имя Марьи Борисовой). Пушкин слегка увлекся этой сиротой... дружившей с такой же смиренной девушкой — «поповной» Катей Смирновой».

По словам Анны Николаевны Вульф, Пушкин часто в шутку говаривал: «Хоть малиной не корми, да в Малинники возьми». Этот живописный уголок Тверской губернии пришелся ему по сердцу. Правда, соседи порой досаждали неумеренным провинциальным любопытством. В письме к Дельвигу, отправленном в середине ноября, он жалуется: «...Я совершенно разучился любезничать... Не знаю, долго ли останусь в здешнем краю. Жду ответа от Баратынского. К новому году вероятно явлюся к вам в Чухландию. Здесь мне очень весело. Прасковью Александровну я люблю душевно; жаль, что она хворает и все беспокоится. Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито (известная в то время в Петербурге дрессированная собака.— **А. П.**); скажи это графу Хвостову. Петр Маркович (П. М. Полторацкий, отец А. П. Керн.— **А. П.**) здесь повеселел и уморительно мил. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович их взбуторажил, он к ним прибежал: дети! дети! Мать вас обманывает — не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут и всем вам будет по кусочку — дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина. Нечего делать — их повезли, и они сбежались ко мне облизываясь — но увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили...»

Отношение людей взрослых порой мало чем отличалось от весело описанной детской реакции на Пушкина.

Вот что пишет по этому поводу А. Н. Понафидина в своих воспоминаниях:

«...Пребывание Пушкина в... Берновской волости было великим событием. Все съезжались, чтобы увидеть его, побыть с ним, рассмотреть его, как необыкновенного человека, но талантом его, как казалось... из рассказов, все эти пожилые люди мало восхищались, мало ценили, не понимали всю силу его творчества.

Совсем другое впечатление оставило на моих, тогда совсем еще юных, тетушках пребывание Пушкина и знакомство с ним. Все они были влюблены в его произведения, а может быть и в него самого, переписывали его стихотворения и его поэмы в свои альбомы, перечитывали их и до старости лет любили декламировать на память чуть ли не со слезами на глазах, со свойственной тому времени сентиментальностью и романтизмом. Многие очень робкие и наивные девушки, несмотря на страстное желание и благоговение к Пушкину, боялись встречи с ним, зная, что он обладал насмешливостью и острым языком.

Как особенность его, рассказывали, что он любил общество женской прислуги — экономок, приживалок и горничных. Одна почтенная старушка, некая Наталья Филипповна, прислуга дяди, Алексея Николаевича Вульфа, рассказывала мне, как Пушкин любил вставать рано, и зимой, когда девушки топили печи и в доме была тишина, приходил к ним, шутил с ними и пугал...» [55]

Письма Пушкина из Малинников, воспоминания его современников и друзей рисуют атмосферу веселого досуга, в которую окунулся поэт, оказавшись в Тверской губернии. И потому иному читателю может показаться, что эта поездка для Пушкина была, главным образом, увеселительной, что здесь дал он волю своему влюбчивому характеру, бурлящей в нем молодости, что

в атмосфере романтических похождений и протекали беззаботно его дни.

Но так ли это? Отдавая дань веселью, поэт вместе с тем много и упорно работал. Перечитайте все, что написано Пушкиным в старицкой деревне, и вы убедитесь в этом. Приезжая сюда уже зрелым человеком, он вновь тесно соприкоснулся с жизнью русского крестьянина, мог оценить красоту простого русского языка:

«В зрелой словесности проходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному...

Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не принимаем...»

Многое из того, что было задумано и начато до приезда в Малинники, Пушкин завершил здесь.

«Когда не стало Арины Родионовны,— пишет Т. Г. Цявловская,— поэт перенес свои пенаты из Михайловского в Малинники» [56].

Да, о многом мог бы поведать вульфовский дом — главный тверской «кабинет» Пушкина. Но к великому сожалению, время не пощадило его. Дом обветшал и был разобран в 1923 году. В Верхневолжье сохранилось многое из того, что связано с именем поэта: величественный замок в Грузинах, усадьба в Бернове, гостиница Пожарских и дом Олениных в Торжке, усадьба в селе Митине, а вот дома в Малинниках нет.

Фотографии, сделанные в 20-е годы сотрудниками Пушкинского дома Академии наук СССР, запечатлели обстановку нескольких комнат осиповского особняка. Возможно, на одной из них — кабинет А. Н. Вульфа, в

котором, приезжая сюда, жил Пушкин. Сам дом лишь угадывается в репродукции с картины, написанной Е. В. Вельяшевой.

Сохранились и более ранние документальные описания малинниковского поместья. В 80-х годах прошлого века побывал здесь тверской краевед В. И. Колосов, совершая поездку по пушкинским местам Верхневолжья.

«В Малинниках цел еще дом, в котором гостил некогда Александр Сергеевич. Теперь это поместье, за смертью А. Н. Вульфа, принадлежит сыну Евпраксии Николаевны — барону Вревскому. Осмотрели мы этот дом, в одной половине которого живет теперь управляющий... нам не показали при этом даже комнату, которую занимал некогда А. С. Пушкин» [57].

«В Малинниках... все постройки были деревянными. Правда, один из позднейших владельцев пытался сохранить дом от влияния времени, обложив стены кирпичной коробкой, но эта мера способствовала лишь более быстрому его уничтожению.

Внешний вид дома можно восстановить по рисункам. На картине, принадлежащей кисти Вельяшевой... изображены деревянные одноэтажные помещичьи хоромы, с небольшими окнами, имевшими прежде подъемные рамы, замененные позднее створчатыми. Терраса дома с фронтоном, который опирается на четыре четырехугольные колонны.

Комнаты были низкие, мрачные, с потолками с матицами...

Мебель состояла из кресел и диванов красного дерева с выгнутыми спинками. На стенах два-три зеркала в старинных красивых рамах красного дерева да несколько портретов владельцев имения и их родственников» [58].

Малинники в ту пору (еще при жизни Пушкина) принадлежали Алексею Вульфу. Выйдя в отставку, он за-

нялся хозяйством и преуспел в этом. «...В Малинниках к 50-м годам возник молочный и сыроваренный завод, продукция которого шла на рынок. А. Н. Вульф имел 373 коровы и 293 головы мелкого скота. Для обеспечения рабочей силой завода и скотного двора в Малинниках до 1860 года оставалось большое количество дворовых людей (116 человек, 13% всех крепостных), чего не было ни у одного из его родственников, а также и у соседей» [59].

Характеристику пушкинского приятеля дополняют воспоминания А. Н. Понафидиной.

«Приезжая летом в Малинники — на лечение земляникой и малиной, как сам он говорил, Алексей Николаевич всегда представлялся нам молодым, большим оригиналом. Его экипаж — холстом обитая линейка, его жалкие, слабые лошади, его кучер, его собственный холщовый костюм, кончая колпаковидной черной фуражкой,— все было своеобразно и возбуждало в нас смех и осуждение. Мы знали, что он очень богат...

Приятного впечатления Алексей Николаевич на нас не производил: слишком он был сух, холоден, педантичен» [60].

«Последние 40 лет жизни А. Вульфа прошли очень однообразно в заботах о хозяйстве, в удовлетворении своей чувственности и в непомерной скупости, доходившей до того, что он питался одной рыбой, пойманной им самим в речке. До сих пор местные крестьяне сохраняют память о строгом и скупом барине-кулаке...» [61]

Как не похож этот человек на того Алексея Вульфа, которого Пушкин не без оснований считал своим приятелем. Окончив Дерптский университет, он всерьез думал о служебной карьере, о чем свидетельствуют записи в его «Дневниках», дающие также интересный материал к биографии поэта.

«1828. **15 августа.** Еще один день, про который нечего

сказать,— это досадно; надеюсь, что впредь менее таких дней будет встречаться. Я живу теперь надеждою моей будущей деятельности, телесной и умственной; потеряв два года жизни в совершенном бездействии, трудно будет привыкать к занятию; надеюсь, что моя воля довольно будет сильна к исполнению намерения».

«**20 августа.** В первый раз я был в Департаменте, где, простояв с час, прочитал я одно пустое дело о несправедливо взысканных пошлинах, чтобы познакомиться с родом моих занятий; потом меня отпустили. Я все еще ничего не делаю, но с будущей недели начну, получив деньги».

«**2 и 3 сентября.** В Департаменте я по сию пору совершенно ничего не делаю, кроме ведения журнала входящих бумаг...»

«**4 и 5 октября.** ...Недавно, заходя к Пушкину, застал я его пишущим новую поэму, взятую из Истории Малороссии: донос Кочубея на Мазепу и похищение последним его дочери.— Стихи, как всегда, прекрасные».

«**13 октября.** ...Был у Пушкина, который мне читал почти уже оконченную свою поэму. Она будет в 3 песнях и под названием **Полтава**...» [62]

Тогда, в Малинниках, оба они были молоды, «бесили» своими выходками местных «баронов и простых дворян», вели беседы о жизни, делились планами, предпринимали забавные любовные похождения. Иной была и жизнь в небогатом, но ладном имении, в становившемся тесноватым доме, когда собиралась здесь большая и шумная семья. Пушкину отводили кабинет Алексея Николаевича, более чем скромный по размерам. Но это мало беспокоило поэта. Был удобный стол, кресло, были перо и бумага. А в свободные часы спешил он в соседний лес, любил бродить окрестностями Малинников. Говорят, что они напоминают Михайловское. Но Пушкин, вероятно, не искал сходства. Михайловское и Тригор-

ское неповторимы, как неповторимы Малинники и Берново, Павловское и Торжок. Их своеобразие, неброская красота не могли оставить поэта равнодушным. И не случайно среди написанных здесь стихотворений — несколько высоких образцов пейзажной лирики, к которым с полным основанием можно отнести слова Н. В. Гоголя: «Это собрание его мелких стихотворений — ряд самых ослепительных картин. Это тот ясный мир, который так дышит чертами, знакомыми одним древним, в котором природа выражается так живо, как в струе какой-нибудь серебряной реки».

Красота пейзажей не заслоняла от поэта истинной жизни, ибо не веселые балы с барышнями и гусарами (а они в ту пору бывали здесь часто) определяли для Пушкина русскую действительность. Он с удовольствием писал в альбомы малинниковских девиц веселые свои экспромты, но отнюдь не идеализировал и эту семью, и владельцев соседних имений; видел их отношение к крепостным, ужасался нищете деревень, невежеству «барства дикого». Он зорко следил за социальными процессами, происходящими в русском обществе, и в этом смысле Тверская губерния была для поэта не только кабинетом...

Пушкин часто навещал окрестные села, подолгу беседовал с крестьянами и дворовыми людьми, «которые считали его за человека доброго, веселого» и никогда не чуждались.

В этих разговорах узнавал он о житье-бытье простых людей, учился неповторимой красоте русского языка. «Кто из знавших коротко Пушкина,— писал С. П. Шевырев,— не слыхал, как прекрасно читал он русские песни? Кто не помнит, как любил он ловить живую речь из уст простого народа?» В. И. Даль в своих воспоминаниях приводит следующие слова Пушкина: «А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой

поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»

Поездки в старицкие края обогатили огромный словарь поэта жемчужинами народного языка. Немало пословиц, поговорок, побасенок, легенд услышал он в этих исконно русских местах.

Малинники интересны для нас не только самим фактом пребывания здесь Пушкина. Перелистайте собрание его сочинений. Среди произведений, помеченных 1828 годом, вы увидите «Анчар», «Цветок», «Поэт и толпа», «Ответ Катенину», «Ответ Готовцовой», «В прохладе сладостной фонтанов...».

Словом, первая малинниковская осень оказалась щедрой. Непонятый друзьями, в сущности одинокий (товарищи на каторге), мечущийся, живущий по трактирам и гостиницам, отвергнутый любимой женщиной, поднадзорный поэт вдруг находит покой в глухой тверской деревушке. И к нему приходит вдохновение. Завершается задуманное, зреют новые могучие замыслы. Трудный, тревожный и все-таки счастливый год заканчивается в Малинниках.

Вяземский, давно не имевший вестей от Пушкина, беспокоится — где он, что с ним, этим «увозимым человеком»? На одно из его писем отвечает Е. А. Карамзина: «...Вы просите новостей о Пушкине,— он в деревне и, как говорят, по собственной воле и желанию. ...Надо надеяться, что деревня вдохновит его еще на что-нибудь прекрасное, хотя я огорчена, что он отправился провести все это время в деревню к своей приятельнице, а не в свою собственную, где уединение оказало бы большее действие на его воображение, чем общество некой доброй провинциалки, которое могло бы доставить не больше, чем несколько сцен для «Онегина», а их и так много уже» [63].

На этот раз преданнейшая и проницательнейшая

Екатерина Андреевна ошиблась: «общество некой доброй провинциалки» как нельзя лучше пришлось Пушкину, и едва ли где-нибудь в другом месте он чувствовал себя так свободно, так легко, как в кругу простых и милых его сердцу людей. Ошиблась Карамзина и предсказывая результаты пребывания поэта в Малинниках: «Онегиным» дело не ограничилось...

В середине лета созревает в здешних местах душистая малина. И нетрудно догадаться, откуда воспетая Пушкиным деревня получила свое название. Славные варились здесь варенья! («Здесь объедаюсь я вареньем...»)

Тенистый парк на пригорке у дороги. Крепкая поросль новых посадок. Мемориальная доска под сенью вековых деревьев, пушкинский профиль на ней.

В глубине рощи белеют остатки фундамента. Здесь стоял дом Осиповой, окруженный молодыми березками. Пройдешь несколько шагов — и откроется прекрасный вид на долину Тьмы. А ниже — деревня. Вдоль улицы — большие ветвистые деревья. В низине — старая деревянная часовня. Улица поднимается в гору, и Малинники как бы лежат на дне зеленой чащи.

Редки сегодня здесь приметы былых времен. Другая жизнь и другие заботы у местных крестьян. И лишь одно осталось неизменным — их любовь к поэту, жившему некогда в этих местах. Время не пощадило усадьбу, где писал он свои стихи, но сквозь толщу лет, как через увеличительное стекло, более масштабно, более ярко видится сегодня облик поэта, воспевшего в своих произведениях русский народ, в счастливое будущее которого он свято верил и которому оставил великое духовное наследство.

«Потрудись скомпоновать мадригалец»

«Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в Онегина и стращают мною ребят как букою», — писал поэт из Малинников.

С удивительным единодушием друзья и знакомые связывали поездку Пушкина в Малинники с продолжением работы над «Евгением Онегиным». Вот и в деревне решили так же. И они — Карамзина, Дельвиг, Вульфы — угадали. Но за роман, остановившийся на VII главе, сел он не сразу. Накануне отъезда была вчерне завершена «Полтава». Пушкин еще не остыл от нее и, едва устроившись и оглядевшись на новом месте, принялся перебеливать «поэму, взятую из Истории Малороссии». И опять много правил, зачеркивал, вписывал новые строфы. Работал, как всегда, по утрам, когда обитатели дома еще спали. Писалось легко, и вскоре поэма была перебелена. Прасковья Александровна и ее дочери первыми (после А. Н. Вульфа) слушали чарующие сердце строки.

Через несколько дней, 27 октября, написал он прекрасное и загадочное «Посвящение» к «Полтаве»:

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,

Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Кого же вспомнил поэт в своем тверском уединении? Чей образ стоял перед ним, когда осенним днем 1828 года выводил он в тетради:

Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало, милые тебе...

Многие исследователи творчества Пушкина занимались расшифровкой блистательного в своем совершенстве «Посвящения», однако и до сих пор мнения относительно его адресата расходятся. Вероятнее всего, обращены эти шестнадцать строк к Марии Николаевне Волконской, урожденной Раевской. Жена декабриста Сергея Волконского, она отправилась за ним в Сибирь. Виделась с Пушкиным накануне отъезда. Может быть, эта встреча вспомнилась ему в Малинниках («Твоя печальная пустыня, последний звук твоих речей...»)? Может, именно Мария Раевская — «утаенная любовь» поэта, любовь страстная, неназванная, неразделенная? Ей, юной Марии, уже посвятил он одну поэму — «Бахчисарайский фонтан», создал для нее это романтическое повествование...

Увы, загадка, родившаяся в Малинниках сто пятьдесят лет назад, так до конца и не разгадана.

Летели дни, летели (точнее, ползли почтовыми трактами) письма из Малинников и в Малинники. Вяземский наконец отыскал исчезнувшего друга и тут же задал работу:

«Вот тебе послание от одной костромитянки, а ты знаешь пословицу про Кострому. Только здесь грешно похабничать: эта Готовцова точно милая девица телом и душою. Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись скомпоновать мадригалец в ответ, не

посрами своего сводника. Нельзя ли напечатать эти стихи в Северных Цветах: надобно побаловать женский пол...» [64]

Ту же просьбу высказывал в своем письме и Дельвиг. Делать было нечего — Пушкин сел за ответ на послание Готовцовой, присланное Петром Андреевичем. А. И. Готовцова в своих стихах упрекала Пушкина в несправедливом отношении к женщинам, имея в виду, вероятно, строфы из IV главы «Евгения Онегина» (не вошедшие в окончательный текст и напечатанные под заглавием «Женщины»).

«Мадригалец» был скомпонован незамедлительно:

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им — но и робею;
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветреный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

«Вот тебе ответ Готовцовой (черт ее побери)... Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша. Да в чем она меня и впрям упрекает — ? в неучтивостях ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или в беспорядочном поведении? Господь ее знает...» — писал он Дельвигу, посылая стихи.

Это был уже второй его «ответ из Тверской губернии». Особого значения поэт ему, как видим, не придавал и написал-то лишь по настоянию друзей. Первый

[illegible]

«ответ» был гораздо серьезнее. Пушкин работал над ним в начале ноября и десятого числа завершил «Ответ Катенину». История его появления такова. П. А. Катенин прислал Пушкину для опубликования в «Северных цветах» балладу «Старая быль» и послание поэту. В балладе рассказывалось о состязании двух певцов при дворе князя Владимира — грека и русского. Последний отказывается от состязания, прослушав песнь грека, восхваляющего милость царей. Грек получает в награду оружие, русский — кубок. В своем послании Катенин говорит о том, что кубок этот чудесным образом достался Пушкину...

Поэт справедливо усмотрел в балладе Катенина намек на свои стихотворения «Стансы» и «Друзьям». Нетрудно было догадаться и о том, кого подразумевал автор «Старой были» под льстивым греком. Ответ Пушкина — тонкий, ироничный, даже едкий — не оставляет в этом сомнений. Катенин, что называется, получил по заслугам:

Напрасно, пламенный поэт,
Сей чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой...

В середине ноября стихи были отправлены в Петербург в письме к Дельвигу: «Вот тебе в Цветы ответ Катенину, вместо ответа Готовцовой, который не готов». Этот каламбур говорит о том, что более важным для Пушкина было побыстрее ответить Катенину; вздорные упреки «одной костромитянки» его мало беспокоили, и он вернулся к ним, разделавшись с «пламенным поэтом».

Но главным ответом автору «Старой были» и всем,

кто еще не понял нового Пушкина, стал «Анчар», написанный на тех же страницах, что и стихи, адресованные Катенину.

Черновики «Анчара» поэт привез в Малинники не случайно: здесь предполагал он завершить работу над произведением, которое потом назовут «изумительным», одним из самых значительных его творений.

Рукопись «Анчара» хранит следы упорной, настойчивой работы. В ней точно обозначена дата: «9 ноября 1828 Малинники». На полях рисунки: бегущее животное, стрела. Они свидетельствуют о том, что рукопись подвигалась трудно — поэт оставлял строку и в задумчивости набрасывал какого-то неизвестного зверя. А мысль работала напряженно...

«В истории мировой литературы,— пишет А. Эфрос,— нет второго писателя, у которого работа над художественным словом была бы так неразрывно соединена с потребностью закрепить тут же, на листе, среди создаваемых стихов или прозы, проносящиеся через сознание графические облики людей, зверей, природы, вымышленных существ. У Пушкина это был двуединый процесс, ни у кого другого из его больших и малых собратьев такого соединения не было...

Рисунки Пушкина... менее всего случайны, но они совсем не профессиональны. Они возникают под пушкинским пером постоянно и щедро. Это верные спутники его труда. Когда он пишет, он рисует. Рисунки не десятками, а сотнями покрывают его рукописи...

...Он не прикидывается художником и не старается им быть. Он не подражает профессионалам. Он не притязает на постороннее внимание: его наброски вполне интимны; они — проявление внутреннего развития его писательской работы. Эти наброски были утаены от чужих глаз так же, как были утаены черновики его стихов, повестей, писем. При жизни Пушкина едва ли кто-нибудь их видел, разве что самые близкие.

...Пушкинский рисунок — дитя пауз и раздумий поэтического труда. Перо, искавшее стих, слаживавшее строфу или фразу, тут же рядом вычерчивало профиль или играло завитком. Слова переливались в зарисовки; зарисовки — в слова» [65].

Так было и на этот раз, когда перед ним лежала рукопись «Анчара». Вот как прочел и прокомментировал ее известный советский пушкинист Д. Якубович. «Автограф представляет собой перебеленную в Малинниках копию с многочисленными поправками первого из известных автографов:

Третья строфа далась Пушкину не сразу.

В стихе 1-м сначала:

Яд каплет сквозь его кору;

В стихе 2-м сначала:

Густой прозрачною смолою,

Затем:

Растопленный дыханьем? зноя

Наконец:

К полудню растопясь от зноя.

Четвертая строфа дает два отличных от окончательного текста двустишия, впоследствии забракованные за тавтологичность:

Кругом нет жизни — все молчит
Недвижно все — лишь вихорь чорной.

Вместо: «на древо смерти» сначала было: «на древо яда»; вместо «и мчится прочь» — «и вьется прочь».

Последняя строфа читалась первоначально:

А князь тем ядом напоил
Свои догадливые стрелы
И смерть пернатую пустил
К соседу, в чуждые пределы.

В первом стихе Пушкин попробовал изменить слово «напоил» на «омочил», но затем и его заменил словом «упитал». Соответственно и в рифме третьего стиха была сделана замена

И смерть пернатую послал.

Наконец в заключительном стихе вместо «к соседу» исправлено на более конкретное — «к соседям» [66].

Итак, 9 ноября 1828 года «Анчар» был наконец завершен. Но увидеть свет этому шедевру предстояло еще не скоро, и не простой оказалась его судьба...

Генезис «Анчара» сложен. Сейчас принято считать, что первым толчком, побудившим Пушкина обратиться к «древу яда», послужило сообщение врача голландской Ост-Индской компании о ядовитом дереве, растущем на острове Ява. Сообщение опубликовал один из популярных английских журналов. Затем его перевели на ряд языков, в том числе и на русский. Пушкин эту заметку прочел (Д. Д. Благой).

Работая над ответом Катенину по поводу «Старой были», поэт вспомнил экзотический анчар и решил использовать его. У Катенина символом могущества царской власти является «древо жизни», Пушкин противопоставил ему «древо смерти». Вот так и появился второй, гениальный ответ на «Старую быль», который явился своеобразным ответом друзьям (В. В. Виноградов).

Но содержание и значение «Анчара» не исчерпывается только этим; «эпические сдержанность, спокой-

ствие и простота действуют сильнее всякой декларации и негодующих восклицаний, делают стихотворение Пушкина одним из самых художественно выразительных и глубоких произведений мировой литературы, направленных против угнетения человека человеком»[67].

У произведений, написанных Пушкиным в первую малинниковскую осень, была разная судьба. «В прохладе сладостной фонтанов...» при жизни поэта не печаталось, «Ответ Катенину» и «Ответ А. И. Готовцовой» появились впервые в «Северных цветах» за 1829 год. В том же году в журнале «Галатея» увидел свет «Цветок», а в «Московском вестнике» — «Чернь». «Анчар» лежал в столе до 1831 года...

Мы уже привыкли к тому, что в большинстве случаев название этого стихотворения дается со звездочкой, обозначающей сноску. А в сноске — «Древо яда». Иногда — «Древо яда. Примечание А. С. Пушкина». Случай довольно необычный, если не уникальный, хотя поэт довольно часто давал примечания к своим произведениям. Но не к их заголовкам.

Впервые «Анчар» был опубликован в «Северных цветах» за 1832 год (книжка вышла в конце декабря 1831 года). Называлось стихотворение «Анчар, древо яда», заключительная строфа читалась так:

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы...

Вскоре Пушкину пришлось давать письменное объяснение Бенкендорфу, которого, надо полагать, рассердило не столько ослушание поэта, дерзнувшего напечатать стихи без высочайшей цензуры, сколько политическая направленность произведения. Слово «царь» разорвало тонкую оболочку аллегории...

Отвечая шефу жандармов, Пушкин писал:

«Ваше высокопревосходительство изволили требовать от меня объяснения, каким образом стихотворение мое *Древо яда* было напечатано в альманахе без предварительного рассмотрения государя императора...

Я всегда твердо был уверен, что высочайшая *милость*, коей неожиданно был я удостоен, не лишает меня *права*, данного государем всем его подданным: печататься с дозволения цензуры...»

Объяснение это едва ли удовлетворило Бенкендорфа; стихотворение, пропущенное цензурой, тем не менее могло быть отнесено в разряд «возмутительных» и вызвать новые осложнения в жизни поэта, которых в то время у него и так было предостаточно. И все же он включил «Анчар» в рукопись готовящегося для печати сборника стихов, которая в январе 1832 года легла на плаху цензора. Издание книги вел по поручению поэта П. А. Плетнев. По указанию Пушкина он внес в текст «Анчара» два существенных изменения: убрал из заголовка в сноску слова «древо яда», а слово «царь» заменил словом «князь». Эта редактура была вызвана жандармским окриком, но она спасла очень важное для Пушкина стихотворение. Следует сказать, что слово «князь» было в одном из черновиков «Анчара». В беловом варианте поэт отверг его, а потом восстановил из цензурных соображений. С тех пор строка эта не подвергалась изменениям. Сохраняется и заголовок с неизменной сноской, которая напоминает нам о нелегкой судьбе прекрасного стихотворения, написанного сто пятьдесят лет назад в старицкой деревне. Своим «Анчаром» Пушкин во весь голос сказал друзьям и врагам:

Каков я прежде был, таков и ныне я...

Строфы в «Онегине» набирались с первых дней приезда к Прасковье Александровне. Роман все время был

перед ним на столе: завершалась VII глава. Работа шла урывками — отвлекали поездки к соседям, частые гости, «Полтава». Но строфы множились — к началу ноября их набралось девятнадцать. В них, бесспорно, отразились малинниковское настроение поэта, здешние пейзажи. Так строки из письма к Дельвигу — «езжу по пороше» — перекликаются с чудесной картиной русской зимы, нарисованной в XXIX и XXX строфах:

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима.

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.

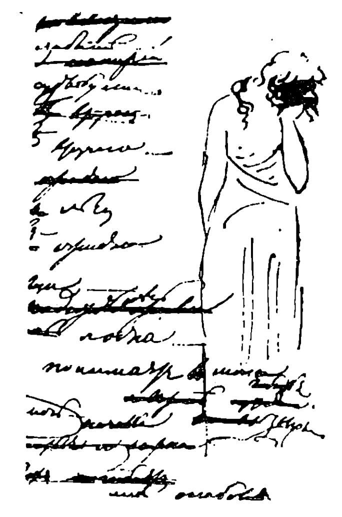
Нет сомнения, что в эту ставшую хрестоматийной картину вошли штрихи Малинников и окрестностей, прогулки по которым вдохновляли Пушкина поздней осенью 1828 года.

4 ноября в доме П. А. Осиповой отметили знаменательное и радостное для всех событие: была поставлена точка в VII главе «Евгения Онегина».

Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

Создание нескольких строф этого «вступления» связано с соседним имением — Курово-Покровским. В ту пору принадлежало оно Павлу Ивановичу Понафидину — капитан-лейтенанту флота, автору «Записок морского офицера», и его жене Анне Ивановне, урожденной Вульф. Пушкин навещал Курово, питал симпатии

к его владельцам. Со слов Анны Ивановны ее внучка А. Н. Понафидина записала воспоминания о встречах с поэтом.

«Из рассказов моей родной бабушки... очень умной, образованной и либеральной для своего времени, знаю, что Пушкин не раз бывал в нашем доме — в Курово-Покровском, и в комнате, называемой «Цветной», он записал что-то в 7 главу «Евгения Онегина»...

Все вещи, которые заведомо имели какое-нибудь отношение к Пушкину, сохранялись и береглись: ломберный стол и чайная чашка.

Старинный ломберный стол красного дерева, с зеленым сукном, на котором Пушкин любил писать и за которым играл в вист, особенно берегли и не позволяли чистить. На нем долгое время сохранялись собственноручные, мелом сделанные записи Александра Сергеевича во время его игры в вист. Более 50 лет хранился этот ценный автограф, пока сукно еще держалось.

Чайная чашка была подарена Пушкиным Марии Ивановне Осиповой (дочь П. А. Осиповой-Вульф.— **А. П.**). Та передала ее своей племяннице — Прасковье Борисовне Беклемишевой, рожденной Вревской, подарившей ее в свою очередь моей невестке Евпраксии Степановне Понафидиной, рожденной Вревской. Эта чашка бережно хранилась у нас, пока не была увезена в Тверской музей» [68].

Двухэтажный каменный особняк Понафидиных со-

хранился. До 1941 года здесь была комната, в которой жил Пушкин, навещая Курово. Затем здание перестроили, и из прежней обстановки теперь, к сожалению, ничего не осталось. Но живет память о пребывании поэта в этих местах, о строках, написанных им здесь для «Онегина»...

Завершив VII главу, Пушкин вновь принялся за стихи. «Ответ Катенину», «Анчар», «В прохладе сладостной фонтанов...» дают возможность понять, какие темы занимали его в этот период больше всего. Чувство крайнего одиночества в «холодном свете» было одной из основных причин тяжелых переживаний поэта. В связи с этим в его поэзии все настойчивее возникает и развивается наряду с темами «поэт и царь», «поэт и декабристы» тема «поэт и общество» (Д. Д. Благой).

В Малинниках Пушкин написал стихотворение «Поэт и толпа» (в первой редакции — «Чернь»), которое «является одним из самых воинствующих поэтических выступлений последекабрьского Пушкина. С этим связана и особая судьба этого стихотворения в последующие десятилетия» [69].

Как бы продолжая разговор, начатый «Ответом Катенину» и «Анчаром», поэт завершает своеобразную «малинниковскую триаду» резким и прямым объяснением с обществом, высказывает еще раз свое отношение к светской черни, к свободе творчества:

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы как гробы...

Он вновь заявил о том, что никогда не позволит власть придержащим водить своим пером, что «как ветер песнь его свободна». И песнь эта — во славу народа, родины, а не в угоду правительственной клике.

Стихотворение «Поэт и толпа» было верно понято далеко не всеми современниками Пушкина. В нем усматривали пренебрежение к народу, пытались провозгласить, ссылаясь на последние строки, манифестом «чистого искусства», тем самым грубо искажая смысл, вложенный в него автором. А между тем совершенно ясно, к кому обращено это обвинение:

Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры...

Здесь перечислены атрибуты самодержавной власти, ненавистные Пушкину, выше всего ценившему свободу и снова смело выступившему в ее защиту.

Резким контрастом написанным в Малинниках стихам 1828 года звучит «Цветок». Эта простая, казалось бы, непритязательная миниатюра трогает сердце волшебной силой лиризма, нежностью, предельной искренностью. Удивительно, что написана она почти одновременно с «Анчаром»,— как широк был диапазон чувств поэта, как мгновенны его творческие «переключения»!

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?

Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Толчком к написанию этого стихотворения мог послужить реальный факт: малинниковские романтические барышни любили книжки и, кто знает, может быть, в одной из них оставили памятную закладку, сорванную в парке, что шумел у самого дома. Случайная находка обернулась вдруг великолепным стихотворением.

«...«Цветок» начинает собой новую линию в лирике Пушкина — при предельном лиризме предельная же простота,— характерную для его последующих и совершеннейших созданий, таких, как «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Я вас любил: любовь еще, быть может...»

...Стихотворение показывает, какой бесконечно чуткой, исполненной великой нежности и совсем особой внутренней грации, изящества была душа самого Пушкина...» [70] — писал Д. Д. Благой.

Здесь, в Малинниках, продолжалась и критическая деятельность поэта. Об этом свидетельствует письмо Баратынского к Вяземскому: «Я получил письмо от Пушкина, в котором он мне говорит несколько слов о моем «Бале». *Ему*, как тебе, не нравится речь мамушки» [71].

Письмо Пушкина к Баратынскому до нас не дошло. Возможно, суждение о поэме «Бал» было высказано также в письме к Дельвигу из Малинников. Нам это, к сожале-

нию, не известно. Но известен черновик незаконченной статьи Пушкина о «Бале», написанной здесь до начала декабря. Вероятно, это была не единственная критическая работа, которыми занимался поэт в доме Осиповой.

Говоря о произведениях, написанных Пушкиным в Малинниках в 1828 году, необходимо сделать некоторые весьма существенные уточнения. Прежде всего, имеются в виду сведения, которые сообщает по этому поводу А. Гессен в своей книге «Жизнь поэта»[72]. Так, например, здесь говорится:

«В Малинниках Пушкина застала зима, и он писал:

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?»[73]

Не будем касаться приведенной выше мотивировки написания стихотворения «Зима...», хотя она более чем поверхностна и неубедительна. Главное здесь — в неверной датировке. Хорошо известно по самым авторитетным изданиям произведений Пушкина, что названное выше стихотворение было написано не в Малинниках, а в Павловском, и не в 1828, а в 1829 году, в четвертый по счету приезд поэта в Тверскую губернию.

Кроме того, над стихотворением есть дата, проставленная самим Пушкиным,— «2 ноября».

Далее в книге «Жизнь поэта» сказано:

«Соседей было много, и Пушкин пользовался их библиотеками, брал книги, журналы. У них он мог найти журналы «Музу» и «Детское чтение для сердца и разума» и прочитать в одном из них переведенную на русский язык статью из английского журнала «London magazine» о ядовитом дереве рода крапивных, анчаре, растущем в Ост-Индии и на Малайских островах...

По поводу анчара Пушкин прочитал в трагедии Кольриджа «Раскаяние» строки: «Это — ядовитое дерево. Пронзенное до сердцевины, оно плачет только ядовитыми слезами».

Поэт не мог пройти мимо столь яркого и мрачного образа... И здесь родилось стихотворение «Анчар» — одно из самых значительных произведений Пушкина...» [74]

Мы уже говорили, что вопрос о литературных источниках «Анчара» сложен и спорен. Однако не вызывает сомнения факт, свидетельствующий о более раннем знакомстве Пушкина со статьей о «древе яда», **ибо в Малинники поэт привез черновики стихотворения** и ему не было нужды рыться в журналах соседей, чтобы отыскать сведения об анчаре. Он ими уже располагал. В доме Осиповой «Анчар» был **завершен.**

Уточнения эти необходимы. Они помогают вернее оценить сделанное Пушкиным в Малинниках осенью и зимой 1828 года. А объективный анализ названных выше произведений позволяет понять, как исключительно плодотворна для поэта была эта короткая, но счастливая пора. Почти все, написанное им в Малинниках, не только интересно само по себе, но и принципиально

важно для этого сложного периода жизни и деятельности поэта. «В трагических и мужественных стихотворениях («Поэт», «Чернь») Пушкин отстаивал свою независимость, опираясь на эстетический опыт романтизма...

Факты свидетельствуют, что вторая половина 1820-х годов — это особый этап жизни Пушкина и что главная его особенность — *переходность*. Пушкин-поэт отчаянно боролся за независимость, он искал новых путей, бескомпромиссно судил и проверял все свои прежние взгляды и убеждения, накапливал новые знания и опыт» [75].

В рамках этого процесса следует рассматривать и пребывание Пушкина в Старицком уезде в 1828—1829 годах, и все сделанное им здесь. Тогда «Анчар», «Чернь», «Ответ Катенину», «В прохладе сладостной фонтанов...», «Цветок», «Зима. Что делать нам в деревне?..», «Зимнее утро», «Роман в письмах» представятся нам уже не просто отдельными значительными произведениями, написанными в старицкой глуши, а важными звеньями творческой, духовной, гражданской эволюции Пушкина, которая даст первые прекрасные плоды болдинской осенью 1830 года. Две предшествующие тверские осени — ее предтеча. Здесь, в Малинниках, Павловском, Бернове, разрабатывалась «формула самоопределения Пушкина — «поэт действительности», начиналась новая, высшая фаза реализма Пушкина, которая определялась и фундаментальным его открытием — *диалектической взаимосвязью обстоятельств и человека»* (Г. П. Макогоненко).

Таковы некоторые творческие итоги первой поездки Александра Сергеевича Пушкина в Тверскую губернию, его «осенних досугов» в Малинниках.

Начинались эти досуги, как мы помним, веселыми письмами, строки которых наполнены радостью избав-

ления — пусть хотя бы на время! — от бремени житейских забот, радостью общения с милыми его сердцу людьми, с очаровательной природой.

Казалось, что краткие дни в Малинниках станут именно досугами — отдохновением после трудов, бед и душевных испытаний, выпавших на его долю той счастливой и тревожной осенью, которая так много определила в судьбе поэта.

Впрочем, он сам дал повод думать, что дни эти проведены были в праздности и развлечениях с провинциальными барышнями, в веселых застольях у хлебосольных соседей Вульфов. И потому, вероятно, в некоторых публикациях прошлого века, посвященных пребыванию Пушкина в Тверской губернии, досуги поэта рассматриваются однозначно, поверхностно, зачастую безотносительно к его творчеству.

На самом деле, как мы в этом убедились, все было иначе. Конечно же случались и веселые вечеринки, и азартная охота порой уводила его из дома, и соседей своих он не чурался. Все это так. Но главным при этом оставалась работа: набирались строки и строфы, зрели замыслы, рождались планы, думалось о будущем. Самое убедительное подтверждение тому — созданные им здесь произведения. Многим из них суждено было явиться образцами новой русской национальной поэзии, вдохновляющим источником которой была сама жизнь.

Три портрета Катеньки Вельяшевой

В начале декабря 1828 года Пушкин, неожиданно оставив Малинники, появился в Москве, не известив заблаговременно друзей. «...Здесь Александр Пушкин,— сообщал Вяземский жене 12 декабря,— я его совсем не ожидал... Он вовсе не переменился, хотя, кажется, не так весел» [76].

Уезжая из Малинников, он обещал Прасковье Александровне непременно вернуться и вместе провести рождество. Но Москва закружила поэта, и он задержался дольше, нежели предполагал. Чем были заняты дни и вечера? Встречами с друзьями, обедами, визитами... «Мы вчера,— пишет Вяземский жене,— ужинали у Василия Львовича с Ушаковыми, пресненскими красавицами, но не думай, что это был ужин для помолвки Александра... по его словам, он опять привлюбляется» [77].

До помолвки дело не дошло, но отношение Пушкина к Екатерине Ушаковой позволяло предположить такую возможность. Они часто встречались, однако судьбу поэта решила другая встреча — с Натальей Гончаровой.

Несколько месяцев спустя он, очарованный красотой Гончаровой, принял решение, и Ф. И. Толстой отправился просить от его имени руки Натали. Ему не ответили отказом, но и не дали согласия: слава «крамольно-

го» поэта пугала Н. И. Гончарову — мать Натали. В этот же день (1 мая 1829 года) Пушкин напишет ей: «На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы я писать вам теперь, после того как граф Толстой передал мне ваш ответ: этот ответ — не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я все еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь...»

А зимой 1828/29 года было лишь первое знакомство, и он тогда не мог предположить, что чувство его скоро вспыхнет с такой силой.

5 или 7 января Пушкин пишет короткую записку Вяземскому: «Баратынский у меня — я еду часа через три. Обеда не дождусь, а будет у нас завтрак... Приезжай, мой ангел».

Это был завтрак перед отъездом в Тверскую губернию. Но не в Малинники, а в уездный городок Старицу, где П. А. Осипова со своим семейством гостила у родственников — Вельяшевых.

«...Пушкин на днях уехал...— сообщает Вяземский Вере Федоровне,— он что-то во все время был не совсем по себе. Не умею объяснить, ни угадать, что с ним было или чего не было...» [78]

Атмосферу, царившую в Старице, помогают воскресить «Дневники» А. Н. Вульфа.

«Вот уже скоро целый месяц, что я не писал; тому причиной то, что я оставил Петербург и кочую теперь в Старице и ее окрестностях. Вот с самого Рождества я живу здесь; с матерью и сестрою Анною мы приехали провести здесь святки...

Всякий день, и почти целый, мы бываем у Вельяшевых; там я занимаюсь с здешними красавицами: Катенькою, Машенькою Борисовой и Натальей Федоровной Казнаковой» [79].

Далее А. Вульф дает характеристику «здешним красавицам»: «...здесь я нашел... Катеньку Вельяшеву, мою двоюродную сестру, в один год, который я ее не видел, из 14-летнего ребенка расцветшую прекрасною девушкою, лицом хотя и не красавицею, но стройную, увлекательную в каждом движении, прелестную, как непорочность, милую и добродушную, как ее лета» [80].

А Пушкин тем временем «приближался к месту своего назначения». Последуем же и мы за легким его возком.

Вот влетел он на узкую улочку, идущую над самой Волгой по обрывистому ее берегу, пронесся мимо холма. Внимательно всматривался поэт в открывшуюся его взору панораму городка, рассыпавшего свои дома, соборы по берегам великой реки...

Время мало изменило Старицу. Она и сегодня воспринимается как яркая иллюстрация к истории Русского государства. Древний этот город сохранил многочисленные памятники, напоминающие о героических событиях в жизни и борьбе нашего народа. «По преданию, в 1110 году из далекой Киево-Печерской лавры пришли сюда, на берега Волги, два инока — Трифон и Никандр. Они плыли по реке и облюбовали на одном из ее берегов, в стороне от Волги, среди вековых деревьев, ровное возвышенное место. На этом пустынном месте они построили себе небольшую часовню. Так было положено начало будущему монастырю...» [81]

Много лет спустя на этих берегах Иван Грозный принимал посла римского папы Антония Посевина. Было это августовским днем 1581 года, в самый разгар войны молодого Русского государства с Польшей и Литвой за выход к Балтийскому морю. Царь разбил ставку в любимой своей резиденции — Старице, чтобы руководить войсками. Грозный принимал папского посланника во

дворце, сложенном из камня, добытого в местных каменоломнях. Ровесник этого здания — Успенский собор — и сейчас стоит у самой Волги.

Много исторических имен связано с маленькой Старицей. Одни из них были начертаны на надгробиях монастырского погоста, другие вписаны в летописи и в память народа. Здесь похоронен первый русский патриарх Иов — уроженец Старицы, крупный политический деятель конца XVI века. Он выступил против Лжедимитрия I, за что был отстранен от патриаршества. Переодев в одежду простого монаха, его отправили в Старицу. Здесь в одной из келий монастыря Иов скончался.

Навещал Старицу драматург Александр Николаевич Островский. Со слов местных старожилов записывал он предания об Иване Грозном.

Сохранившиеся в Старице памятники русского зодчества привлекают в этот городок многочисленных туристов...

Промчавшись по заснеженным улицам, пушкинский возок остановился у особняка исправника Вельяшева. Веселый от быстрой дороги, от милого этого городка, разрумянившийся на морозе вошел поэт в дом. Встретили его искренне и радушно. А вскоре давался здесь бал. Пушкин много танцевал, смеялся, шутил. Чаще всего взгляд его останавливался на дочери хозяина. Катенька и впрямь была хороша: голубоглазая, тоненькая, грациозная.

Но вернемся к «Дневникам» А. Н. Вульфа. «В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин... Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском. С ним заключил я оборонительный и наступательный союз против местных красавиц, отчего его прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катенька Вельяшева), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокиту Фауста, осталась холодною: все старания были напрасны. Мы имели одно только удовольствие бесить Ивана Петровича (И. П. Вульф, кузен Катеньки, влюбленный в нее.— **А. П.**); образ мыслей наших оттого он назвал американским...» [82]

Сохранились воспоминания Е. Е. Синицыной (до замужества — Смирнова), относящиеся к описываемым событиям. «На семейном бале у... Василия Ивановича Вельяшева я встретила в первый раз А. С. Пушкина... Заметила я ...что Пушкин с другим молодым человеком постоянно вертелись около Катерины Васильевны Вельяшевой. Она была очень миленькая девушка; особенно чудесными у ней были глаза...» [83]

Отшумели праздники. Затихла музыка. Пушкин с Вульфом уехали в Павловское, а оттуда в Петербург. Но встреча, случившаяся в засыпанной январским снегом Старице, не забылась. Долгой дорогой писал Пушкин стихи, посвященные юной Гретхен:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел

И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

Стихотворение, напечатанное в «Северных цветах» за 1830 год, запечатлело обаятельный образ Катеньки: «Легкий стан, движений стройность», «скромную спокойность», «хитрый смех и хитрый взор». В стихах есть обещание поэта вернуться через год в эти «мирные края». Он выполнил его, но гораздо раньше, и рассказ об этом — впереди...

Мимолетное увлечение прошло, но Катенька не забылась. В августе 1833 года, вновь оказавшись в Павловском, он напишет жене: «...Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу».

Какая же она, воспетая Пушкиным Екатерина Васильевна Вельяшева? Долгое время описание, данное в стихах, оставалось единственным известным «портретом» ее. Более близкому и обстоятельному знакомству с Катенькой мы обязаны Татьяне Григорьевне Цявловской и Юрию Леонидовичу Керцелли.

Работая над книгой «Рисунки Пушкина», Т. Г. Цявловская обратила внимание на черновик стихотворения «Подъезжая под Ижоры». На полях рукописи легким артистичным штрихом набросана головка юной девуш-

ки. Вполне естественным было предположить, что это портрет той, кому посвящены стихи.

«Чтобы подтвердить догадку, я разыскала единственный документальный портрет ее. Увы! — он оказался фотографией ее... уже в старости. Екатерина Васильевна Жандр. Но нельзя не узнать в ней те же несколько раскосые глаза, то же широкое скуластое лицо, замеченные Пушкиным» [84].

Поиски продолжались и вновь привели к успеху: Цявловская определила еще один пушкинский портрет Вельяшевой — в рукописи «Романа в письмах», над которым поэт работал в Павловском осенью 1829 года. Она делает предположение, что образ одной из героинь неоконченной повести, Машеньки, восходит к Вельяшевой.

Сходство обоих рисунков не вызывает сомнения в том, что на них пером поэта изображен один и тот же человек. А сравнение с фотографией Е. В. Жандр убеждает нас: это Катенька Вельяшева.

Затем был обнаружен еще один ее портрет. История находки связана с пушкинским музеем в Бернове. В процессе работы над экспозицией ее авторы неоднократно обращались к рукописям поэта. Тот, кому доводилось видеть черновые автографы Пушкина, знает, что многие из них представляют собой настоящую галерею графики: в рукописях поэта около двух тысяч рисунков!

Как непросто в этом калейдоскопе всевозможных набросков, пейзажей, лиц заметить, выделить одно, уже не раз виденное, но не привлекшее внимания. Правда, сейчас, когда рисунок этот определен, кажется, что его невозможно было пропустить тем, кто знал прежние портреты Вельяшевой, определенные Цявловской. Но факт остается фактом.

На листе, прямо посередине, поверх строк, набросана стройная девичья фигурка. Хрупкая, грациозная девочка с «хитрым взором». Сходство с двумя первыми ее портретами настолько явное, что не нужно особой экспертизы, чтобы сказать: это Катенька Вельяшева. Однако Юрий Леонидович Керцелли, сделавший предположение о рисунке, счел необходимым показать его «первооткрывателю Вельяшевой» — Цявловской, которая и «узаконила» этот, по ее мнению, лучший из трех портретов.

Находка Ю. Л. Керцелли интересна и ценна. Но для нас она важна еще и тем, что дает новые подробности пребывания Пушкина в Старицком уезде.

Рисунок сделан на черновике незаконченного письма Бенкендорфу. Дата его известна — вторая половина августа 1828 года. В это время, как мы помним, поэт работал над «Полтавой», а два месяца спустя уехал в Малинники.

Каким же образом портрет Катеньки оказался на черновике письма шефу жандармов? Когда создан? Ответить на эти вопросы взялась заведующая экспозиционным отделом Государственного музея А. С. Пушкина Светлана Тихоновна Овчинникова — автор первой публикации о рисунке [85].

Итак, Пушкин уехал в Малинники, захватив тетрадь

с черновиками «Полтавы». В этой тетради вскоре появились стихи, уже называвшиеся выше: «Анчар», «Поэт и толпа» и др. Не расставался он с тетрадью и в свой второй приезд — в Старицу. Но здесь поэт, как известно, не работал: стихи о Вельяшевой написаны по дороге в Петербург. Из этого следует, что и рисунок, скорее всего, сделан не в Старице, а, по мнению С. Т. Овчинниковой, в Малинниках осенью 1828 года и по времени создания является не третьим, а первым среди известных нам. И встреча Пушкина с Вельяшевой на балу не была их знакомством, как считалось прежде.

«Где Пушкин увидел ее в первый раз, сказать трудно,— пишет Овчинникова.— Может быть, он с молодым Вульфом ездил в Старицу, и первая встреча с Катенькой состоялась там. Может быть, семья Вельяшевых приезжала в гости к своим родственникам — Вульфам — в Малинники. Или Павловское, Берново — соседние вульфовские поместья, куда нередко наезжал и Пушкин».

Нам кажется, сейчас есть основания **точно** назвать место и время их первой встречи и, таким образом, датировать первый пушкинский портрет Вельяшевой.

Многие годы посвятил поискам и изучению материалов, связанных с пребыванием Пушкина в Верхневолжье, старицкий краевед Д. А. Цветков. Работая директором местного музея, он познакомился с дневником Варвары Васильевны Черкашенниновой, которая жила в Старицком уезде и несколько раз встречалась с Пушкиным в Малинниках, Павловском, Старице и в своей усадьбе в селе Сверчкове. Дневник погиб, как и многие экспонаты музея, во время фашистской оккупации, но у Цветкова сохранились выписки из него. Одна запись проливает, на наш взгляд, свет на обстоятельства знакомства Пушкина и Вельяшевой.

Черкашеннинова записала в своем дневнике: «Ноября 23 дня 1828 года. День назад я с Катей была в Малинниках... Собралось много барышень из соседних имений. Тут были сестры Ермолаевы, Катя Казнакова, **Катя Вельяшева** (выделено нами.— **А. П.**), Маша Борисова, Аня Вульф, Сушкова и другие. В центре этого общества находился Александр Сергеевич. Я не сводила с него глаз, пока сестра Катя не толкнула меня локтем: «Ты что глаза пялишь на него, или влюбилась безумно?» А ведь и верно: я полюбила своего поэтического кумира. Катя Казнакова спела два романса, все ей аплодировали, а Пушкин, хлопая в ладоши, восклицал: «Замечательно! Превосходно!» Меня обуяла ревность: «Противная выскочка, подумаешь, диво какое, пропищала пару романсов и стала чуть ли не героем дня! Мы тоже не лыком шиты!» И я решительно вышла на середину комнаты.

Когда я кончила петь, мне тоже громко аплодировали, мой же кумир, кончив хлопать, подошел ко мне и восторженно, смотря мне прямо в глаза, сказал: «Чудесно и бесподобно!» Зардевшись, я ответила: «Я не певица, но Ваша похвала для меня весьма приятна».

Сейчас двенадцатый час ночи, гости уехали. Продолжаю свою запись. После меня барышни начали просить Александра Сергеевича прочитать какое-нибудь свое новое стихотворение. Он, улыбаясь, отшучивался и говорил, что нового он ничего не написал. Тогда Аня Вульф (мне кажется, что она влюблена в него) попросила прочитать, хотя бы экспромт.

— Экспромт, но о чем же? — спросил Пушкин.

— Ну хотя бы выразите свое заветное желание.

Пушкин немного задумался, потом, тряхнув вьющимися кудрями, громко продекламировал:

Теперь одно мое желанье,
Одна мечта владеет мной:
У ног любимого созданья
Найти и счастье и покой.

Мы в восхищении восторженно разом воскликнули: «Браво! Браво!» Этот экспромт перепишу крупными буквами и помещу в рамку. Счастливый, радостный день».

Интересные сами по себе и очень важные для нашей темы воспоминания. Правда, настораживает их живописность. Но во-первых, запись в дневнике сделана на следующий день после описываемых событий и ни одна деталь этого вечера в доме Прасковьи Александровны Осиповой еще не забылась Варей. Во-вторых, восторженность провинциальной барышни от встречи со своим «поэтическим кумиром» понятна. Возможно, некоторые моменты этой встречи владелица дневника окрасила чрезмерно яркими красками, но тогда это прежде всего касается ее и никак не ставит под сомнение встречу в Малинниках 23 ноября 1828 года. Ибо то, что пишет Черкашеннинова, совпадает с уже известным нам ранее по источникам, не вызывающим сомнения. Примерно в это же время (расхождение, может быть, в нескольких днях) Пушкин в письме Дельвигу обмолвился: «Здесь очень много хорошеньких девчонок... Я с ними вожусь платонически...» Вспомнит он об этом и в 1833 году: «Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями...»

Некоторых из них он называет: «Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне...»

В «Дневниках» Алексея Вульфа читаем о ней: «Машенька Борисова... не будучи красавицею... имела хорошенькие глазки и для меня весьма приятно картавила. Пушкин, бывший здесь осенью, очень ввел ее в славу» [86].

Среди «старицких барышень» Вульф вспоминает Казнакову. Обе эти девушки упомянуты и в дневнике Черкашенниновой. Соответствует уже известным описаниям и атмосфера вечера в Малинниках, и поведение Пушкина, отказавшегося читать стихи («нового ничего не написал»).

Читателям может показаться, что мы уделяем излишне много внимания выяснению обстоятельств, при которых Пушкин впервые встретился с Катенькой Вельяшевой. На самом деле это не так. Три портрета, упоминание в письмах, вдохновенные строки... Случайность? Эпизод? Может быть. Но случайность — счастливая, эпизод — значительный, оставивший зримый след и в душе, и в творчестве поэта. И это не догадка, не домысел. Это подтверждено самим Пушкиным.

Подробности их знакомства, обстоятельства их первой встречи важны для нас не только сами по себе, хотя не может быть незначительным новый штрих биографии великого поэта, сколько прежде всего тем, что помогают уточнить историю создания одного из блистательных пушкинских стихотворений, вероятно, самого «тверского» среди всего, созданного им в Верхневолжье.

А потому обретает особую значимость каждая деталь, каждое неизвестное прежде свидетельство, особенно если принадлежит оно современникам поэта, людям, знавшим его. Среди последних и В. В. Черкашенинова. Вот почему так интересны приведенные нами записи участницы встречи в Малинниках, странички дневника юной женщины, романтически влюбленной в Пушкина и потому так взволнованно и ярко, с такой непосредственностью описавшей и «своего поэтического кумира», и этот «счастливый радостный день», одним из эпизодов которого явилась встреча Пушкина с Е. В. Вельяшевой.

Все это дает возможность ссылаться на дневник Варвары Васильевны Черкашенниновой как на источник, заслуживающий доверия.

Ну, а Катенька Вельяшева? Она загадочно улыбается нам с портретов. Теперь уже с трех. И кажется, мы слышим ее «хитрый смех», долетевший к нам через полтора столетия таким же звонким, каким он был тогда — на балу в Старице.

Имя этой милой девушки спасла от забвения мимолетная встреча с Пушкиным. Жизнь дочери старицкого исправника на одно мгновение счастливо пересеклась с жизнью великого поэта. Мгновение это отразилось в стихах, которым суждено жить вечно.

Любопытные подробности о стихах, посвященных Катеньке, приведены в воспоминаниях А. О. Смирновой-Россет.

«Однажды говорю я Пушкину: «Мне очень нравятся ваши стихи «Подъезжая под Ижоры».

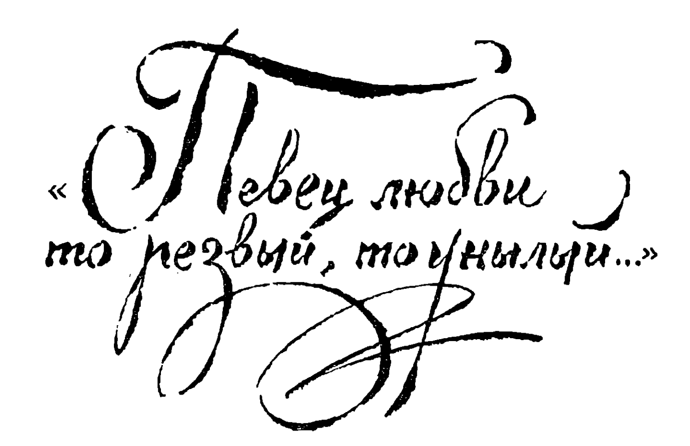
— Отчего они вам нравятся?

— Да так,— они как будто подбоченились, будто плясать хотят.

Пушкин очень смеялся.

— Ведь вот, подите, отчего бы это не сказать в книге печатно — «подбоченились»,— а вот как это верно. Говорите же после этого, что книги лучше разговора» [87].

Они и сегодня чаруют нас — легкие, грациозные, «подбоченившиеся» стихи.

«Певец любви
то резвый, то унылый...»

В один из дней Пушкин ненадолго оставил Старицу и выехал на дорогу, ведущую в Тверь. Вскоре своротил влево, к Волге. Вот и живописная усадьба — цель его короткого (всего несколько верст) путешествия...

Поездка Пушкина в соседнее со Старицей Чукавино зимой 1829 года — всего лишь наше предположение. Однако не так уж оно невероятно. Здесь и поныне стоит просторный усадебный дом, владельцем которого в те времена был хороший знакомый Пушкина. И вероятно, стоит помянуть среди тверских приятелей поэта **Ивана Ермолаевича Великопольского** (1797—1868), ибо у всех, кто путешествует маршрутами «Пушкинского кольца», есть основательный повод свернуть с асфальта, ведущего из Старицы в Калинин, и заглянуть в Чукавино.

Пушкин... Каким он был? Этот вопрос может показаться странным, если вспомнить огромную, труднообозримую изобразительную Пушкиниану. И все же черты поэта посчастливилось запечатлеть при его жизни немногим. А потому не стоит удивляться, что чукавинская находка — портрет Пушкина-ребенка — стала радостным событием.

Кто же такой И. Е. Великопольский и каким образом пушкинский портрет оказался в его имении?

Воспитанник Казанского университета, подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка, дослужившийся до майора, человек, не чуждый сочинительства, он познакомился с Пушкиным в Петербурге по окончании поэтом Лицея. Они встречались на собраниях Общества любителей словесности, наук и художеств. Встречи возобновились в Пскове, продолжались в Москве. Иногда — за зеленым сукном игорного стола.

Ничто не омрачало их отношений. При случае получал Великопольский от Пушкина письма, подобные тому, что было отправлено в декабре 1826 года из Пскова: «Милый Иван Ермолаевич — если Вы меня позабыли, то напоминаю Вам о своем существовании. Во Пскове думал я Вас застать, поспорить с Вами и срезать штос — но судьба определила иное. Еду в Москву, коль скоро будут деньги и снег. Снег-то уж падает, да деньги-то с неба не валятся...»

Всего известно три письма Пушкина к Великопольскому. В одном из них послал поэт шутливые стихи:

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвый, то унылый;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою.
Сейчас, мой друг, узнаешь почему.

В 1826 году они обменялись стихотворными посланиями. Затем последовала резкая эпиграмма Великопольского. В 1828 году Иван Ермолаевич пишет новое послание Пушкину и почти одновременно публикует стихотворение «К Эрасту. Сатира на игроков», в котором изображен Арист, ставший жертвой пагубной страсти к картам. Пушкин откликнулся ироническим посланием

к Великопольскому, опубликованным без подписи, где высмеял «добродетельного» стихотворца:

. . . .
Мне жалок очень твой Арист:
С каким усердьем он молился
И как несчастливо играл!
Вот молодежь: погорячился,
Продулся весь и так пропал!

Великопольский, сочтя себя обиженным, не замедлил с «Ответом знакомому сочинителю послания ко мне». Он знал, конечно, что в этой «дуэли» ему не быть победителем, и потому, вероятно, допустил «запрещенный прием»: позволил оскорбительный для Пушкина и несправедливый выпад.

Стихи не были напечатаны. Пушкин, которого далекий от благородства поступок знакомца огорчил, тем не менее попытался уладить недоразумение, бросившее тень на их отношения. В марте 1828 года он писал:

«Любезный Иван Ермолаевич.

Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не могу согласиться.

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе,

и ваше примечание,— конечно, личность и неприличность. И вся станса

недостойна вашего пера... Я не проигрывал 2-й главы, а ее экземплярами заплатил свой долг, так точно, как вы заплатили мне свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедии. Что, если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества...»

Надежда эта впоследствии оправдалась. Но вначале автор «Сатиры на игроков», как говорится, закусил удила. Пушкин счел, что он вправе высказаться по этому поводу более определенно, о чем свидетельствует эпиграмма на Великопольского:

Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучки ассигнаций,
И серебро, наследие отцов,
И лошадей, и даже кучеров —
И с радостью на карту б, на злодейку,
Поставил бы тетрадь своих стихов,
Когда б твой стих ходил хотя в копейку.

Эпиграмма при жизни Пушкина не печаталась, но адресату была известна. «Дружество» на некоторое время расстроилось.

Однако уже в 1828 году они встречались, и не исключено, что впервые после инцидента — именно в Чукавине, куда Пушкин, гостивший в Старице, мог заехать, чтобы поддержать «дружество». Встречались они и позднее, но нечасто, хотя размолвка, вероятно, забылась.

На склоне лет Великопольский разорился, поселился в своем имении в Старицком уезде. Здесь, в Чукавине, занялся он новыми способами обработки льна и даже пропагандировал их в печати. Но как в поэзии, так и в агротехнике этот увлекающийся человек заметного следа не оставил. И только дружба с великим поэтом сохранила его имя от забвения, а находка портрета нанесла этот заповедный уголок на карту пушкинских мест Верхневолжья.

Миниатюрный портрет работы неизвестного художника, запечатлевшего Пушкина в возрасте двух-трех лет, оказался в Чукавине не случайно. Вот его история.

В 1950 году Московский театр имени Ермоловой гастролировал в Ленинграде. После спектакля, в котором Всеволод Семенович Якут с блеском исполнял роль Пушкина, артисту передали от одной из зрительниц портрет и пространную записку, озаглавленную: «Биография семьи, в которой хранилась миниатюра А. С. Пушкина».

Приведем несколько выдержек из нее.

«В начале прошлого столетия на Пресненских прудах в г. Москве в собственном доме проживал профессор Мудров Матвей Яковлевич с женой и дочерью Софьей Матвеевной. 15 лет Софья Матвеевна (моя бабка) вышла замуж за Великопольского Ивана Ермолаевича, современника и близкого знакомого А. С. Пушкина...

Как Великопольский, так и Мудровы были близки семье Пушкиных... Выдающийся по образованию М. Я. Мудров бывал на литературных вечерах, устраиваемых С. Л. Пушкиным, отцом поэта, и, кроме того, как отличный врач, пользовал семью Пушкиных. К этому именно периоду и относится миниатюра А. С. Пушкина (1803—1804 гг.). Исполнена она была крепостным художником и подарена бабке моей Софье Матвеевне Мудровой матерью поэта Надеждой Осиповной как дочери их врача и друга.

Выйдя замуж за Ивана Ермолаевича Великопольского, С. М. Мудрова получила от своего отца в приданое поместье в Тверской губернии Старицкого уезда — село Чукавино, где Великопольские и проживали до своей смерти, передав его потом по наследству единственной дочери, а моей матери Надежде Ивановне Чаплиной, где она и скончалась в 1906 году.

Есть предание, что поэт, проезжая с семьей Вульф

в поместье Малинники... заезжал к Великопольским и провел у них ночь. В семье хранился диван карельской березы, на котором нам, детям, запрещалось прыгать, так как на нем спал Александр Сергеевич... Миниатюра А. С. Пушкина висела всегда на стене в комнате бабушки С. М., и нам, детям, не позволяли до нее касаться... Известный историк и пушкинист Модзалевский, неоднократно бывавший в Чукавине у моей матери, очень просил мою мать продать ему эту миниатюру, а также письма поэта к Великопольскому. Но моя мать не согласилась. После ее смерти миниатюра досталась мне, а переписка поэта погибла в имении во время революции...»

Под запиской стояла подпись: «Ек. Гамалея (рожд. Чаплина)».

Казалось бы, все ясно и можно смело приобщать миниатюру к галерее пушкинских портретов как произведение уникальное и потому поистине бесценное: ведь до того времени не было известно ни одного портрета поэта в детском возрасте. Но прежде чем находка заняла подобающее место, была проделана огромная работа, большую часть которой выполнила заместитель директора Государственного музея А. С. Пушкина — Н. Баранская[88].

Чтобы уточнить семейное предание о портрете (а оно в этом, как мы увидим, нуждалось), необходимо было разыскать автора записки и дарительницу миниатюры. Это оказалось делом непростым: первой уже не

было в живых, а фамилию второй В. С. Якут не запомнил.

И все-таки Н. Баранская разыскала ее: дарительницей оказалась Елена Александровна Чижова — дочь Екатерины Николаевны Гамалея и, стало быть, правнучка той самой Мудровой-Великопольской, которой и был подарен портрет матерью поэта. Это важный факт для подтверждения достоверности портрета. Однако требовались и другие доказательства. Дело в том, что в 1949 году Е. А. Чижова передала портрет в Пушкинский дом в Ленинграде, но он был возвращен, ибо там не сумели установить его подлинность. Н. Баранская оказалась исследователем упорным, и именно ей мы во многом обязаны тем, что на этот раз «иконографическая достоверность» миниатюры была подтверждена.

Миниатюра длительное время находилась в Чукавине, затем в Ленинграде (во время блокады пострадала рамка портрета: в комнате, где он висел, разорвался фашистский снаряд) и, наконец, была подарена артисту.

В процессе исследования внесли коррективы и в семейное предание, изложенное в записке Е. Н. Гамалея. Чукавино не свадебный подарок Мудрова, а родовое имение Великопольских.

Что касается приезда Пушкина в имение Великопольского по дороге в Малинники, то пока это лишь предположение. Однако исключать такую возможность едва ли правомерно, тем более что основные сведения в записке Е. Н. Гамалея оказались достоверными, как и рассказ Е. А. Чижовой, благородный поступок которой заслуживает глубокого уважения.

И вполне вероятно, что январским днем 1829 года в чукавинскую усадьбу въехали легкие санки: Пушкин решил навестить незадачливого «Ариста», тем более что представился такой удобный случай — имение Великопольского было рядом.

Находка в селе Мологине

Желание «покинуть докучный шум столицы и двора» часто владело Пушкиным. С горечью признавался он: «Столичный шум меня тревожит, всегда в нем грустно я живу...» И когда представлялась к тому возможность, оставлял Петербург, чтобы уединиться в «неведомой глуши».

Эти «побеги» его известны. Однако далеко не все. Находка в селе Мологине поведала о неизвестном ранее приезде поэта в Тверскую губернию и позволила нанести на карту пушкинских странствий еще один интересный и во многом загадочный маршрут. Но не будем забегать вперед, вернемся к зиме 1829 года...

Уезжая из Старицы, Пушкин обещал Катеньке Вельяшевой: «...по прежню следу в ваши мирные края через год опять заеду...» Обещание это он исполнил, но гораздо раньше, чем предполагал. И к «прежню следу» добавился новый, который ведет на берега речки Жаленки, в село Грузины, где было в прошлом веке имение Полторацких — одно из самых богатых поместий в Тверской губернии. «Усадьба поражала своей громадностью. Дом... по масштабам и отделке мог бы называться дворцом. Кроме огромной с хорами залы и знаменитой внизу галереи, в его трех этажах и двух смежных флигелях было до 120 комнат. Все хозяйственные постройки

соответствовали главному дому. Конный двор вмещал до 250 лошадей. Скотный двор из жженого кирпича, как и конный, с черепичной крышей, отличной старинной выделки, вмещал в себе до 600 штук рогатого скота, крупного, независимо от отдельных помещений для мелкого. В таких же размерах обширные риги, оранжереи, теплицы, грунты, мастерские и проч. Церковь во имя Грузинской божьей матери напоминала скорее собор (предполагают, что отсюда пошло название села.— **А. П.**); крестьянские даже избы и те построены вдоль большой Старицкой дороги из жженого кирпича с черепичными крышами. Кроме того, там находился еще каменный старинный винокуренный завод... Наконец, в довершение полноты усадьбы, перед господским домом сад с роскошными цветниками, а за ним парк на 25 десятинах земли с рекой, прудами, островами, мостиками, беседками, статуями и бесчисленными затеями»[89].

Дополняют панораму Грузин воспоминания Анны Петровны Керн, которая еще ребенком впервые приехала в это имение своей бабушки и затем часто бывала здесь.

«Она (Агафоклея Александровна Полторацкая. — **А. П.**) была красавица, и хотя не умела ни читать, ни писать, но была так умна и распорядительна, что, владея 4000 душ, многими заводами, фабриками и откупами, вела все хозяйственные дела сама без управляющего через старост. Этих старост она назначала из одной деревни в другую, отдаленную, где не было у них родни. Она была очень строга и часто даже жестока. Жила она в Тверской губернии, в селе Грузинах, в великолепном замке, построенном Растрелли. Он стоял на возвышении. Перед ним лужайка, речка, на ней островки. За ними печальные, выстроившиеся в одну линию каменные избы крестьян»[90].

Дважды сворачивали в Грузины царские поезда:

Елизавета Петровна и Екатерина II почли своим долгом навестить имение директора Придворной певческой капеллы, основателя рода Марка Федоровича Полторацкого. Того самого спесивого и заносчивого человека, о котором Пушкин записал такой анекдот: однажды Потемкин высмеял чванливого вельможу, сказав генерал-капельмейстеру: «Какой ты генерал? Ты генерал-бас».

В 20-е годы XIX века хозяином Грузин был Константин Маркович Полторацкий (1782—1858). Боевой генерал, он участвовал в войне 1812 года, был другом Ермолова, однажды беседовал с Наполеоном.

Этот, по отзывам близко знавших его, «идеально добродушный человек... без умолку рассказывал... эпизоды из войны в начале столетия, а особенно подробно об Аустерлице, за который в петлице его красовался Георгиевский крест».

Мы не стали бы так подробно описывать Грузины и владельцев усадьбы, если бы не была она связана с именем великого поэта.

«Пушкин — самый известный и поэтому самый таинственный русский поэт (согласно древней притче: чем шире круг знаний, тем больше его соприкосновение с пространством вне круга — незнанием),— пишет Н. Я. Эйдельман. — По подсчетам К. П. Богаевской, М. А. и Т. Г. Цявловских, после смерти поэта было сделано 1900 открытий, исправлений, уточнений пушкинского текста. Тем не менее многое к нам не дошло...

Несколько лет назад в Калининской области отыскалась книжка с интереснейшими заметками и рисунками Пушкина» [91].

Расскажем же историю этой находки.

В первых числах марта 1829 года в Грузинах встречали желанного гостя. Он спешил в Москву, но в Торжке решил «своротить направо». Вскоре тяжелая петербургская коляска остановилась у ворот роскошной

усадьбы. В подорожной, выданной Пушкину, Грузины не значились. Что же заставило поэта изменить маршрут? Вероятнее всего, желание встретиться с кем-то из Полторацких. Но с кем? Он хорошо знал многих представителей этого большого и интересного семейства, знакомство с которым началось в петербургском доме Алексея Николаевича Оленина. Жена его — Елизавета Марковна — была дочерью Марка Федоровича Полторацкого. Эта консервативная, религиозно настроенная женщина не питала симпатий к поэту и отрицательно относилась к возможному браку Пушкина с ее дочерью Анной. Но именно она была той первой ниточкой, которая связала поэта с Полторацкими. В период южной ссылки он часто встречался с офицерами Алексеем и Михаилом Полторацкими (братьями Анны Олениной), посвятил им стихотворение «Друзьям»:

Вчера был день разлуки шумной,
Вчера был Вакха буйный пир,
При кликах юности безумной,
При громе чаш, при звуке лир.

Так, музы вас благословили,
Венками свыше осеня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Стихи эти написаны в феврале 1822 года. В рукописи заглавие было иным: «Кеку, Полторацким и Горчакову». В. Т. Кек — виновник «буйного пира», отъезд этого офицера из Кишинева и праздновали друзья. В последующие годы Пушкин редко встречался с ними, отношения их стали более прохладными, и, конечно, Алексей и Михаил не могли быть причиной приезда поэта в Грузины.

В петербургском доме Олениных познакомился Пушкин и с отцом Анны Керн — Петром Марковичем Полторацким. Затем знакомство продолжилось в Ма-

линниках и Бернове осенью 1828 года. Это был добрый, общительный и неглупый человек. «Отец мой,— вспоминала А. П. Керн,— угощал обедами все сословия и внушал всем людям любовь, уважение и вместе с тем боязнь попасть ему на зубок. Он был очень остер и шутки его были очень метки...» [92]

Более тесные узы связывали поэта с Сергеем Дмитриевичем Полторацким — литератором, журналистом, библиографом. Вероятно, знакомство их произошло в период первой ссылки Пушкина. Именно тогда проявился интерес С. Д. Полторацкого к творчеству поэта: он опубликовал статью о Пушкине в одном из французских журналов. Заметка Сергея Дмитриевича об оде «Вольность» и стихотворении «Деревня» послужила причиной гонения на него: Полторацкий был уволен со службы и выслан в деревню под надзор полиции.

В 1827—1829 годах между ними установились тесные дружеские отношения. Пушкин подарил Полторацкому экземпляры «Цыган» и «Полтавы» с авторскими надписями, высоко ценил его глубокие, смелые статьи о русской литературе, отдавал должное образованности и эрудиции приятеля.

Вероятнее всего, желание повидаться с Сергеем Дмитриевичем и привело поэта весной 1829 года в Новоторжский уезд. Поездка в Грузины, как мы увидим несколько позже, была запланирована Пушкиным еще в Петербурге, и, стало быть, повод для этого имелся достаточно серьезный. К сожалению, свидетельства их встречи (если она состоялась) не сохранились. Третий по счету приезд Пушкина в Тверскую губернию стал известен благодаря встрече поэта с другим человеком, не имеющим прямого отношения к семье Полторацких, но связанным кровными узами с Верхневолжьем, с русской культурой и просвещением. Имя этого человека — Алексей Алексеевич Раменский.

Кто же такие Раменские? Что сделали они и чем заслужили нашу благодарность и уважение? Корень этого рода уходит во времена Ивана III. Именно тогда появился на Руси приглашенный царем просвещенный болгарин Андриан Раменски. Потом, в XVII веке, родовым гнездом Раменских стало тверское село Мологино. Один из потомков Алексея Алексеевича Раменского — Антонин Аркадьевич Раменский, живущий ныне в Москве, записал со слов своего деда Николая Пахомовича страницы истории династии русских учителей Раменских в Тверском крае.

«Село Мологино — древнее, торговое, идут через него дороги на Новгород, Ржев, Торжок, Москву. Раменские здесь живут без малого лет двести. По преданиям и книгам старинным, первым учителем был Алексий. Как говорят, из болгар... Первоначально фамилия Раменских была Раменски... Учился Алексий в Москве вместе с Радищевым. В семье Раменских хранилась реликвия — табель-календарь на 1762 г. с пометками Радищева. В 1763 г. А. Раменский выехал из Москвы с одним тверским помещиком в домашние учителя, да Тверь в тот год выгорела, и уехал Алексий под Старицу в Мологино, где школу открыл... Народ ее содержал, мужики торговые. Лет пятьдесят учил Алексий грамоте, народ очень его уважал, и подарили ему пустошь — она и сейчас называется Раменки...

После смерти Алексия стал работать его сын, Алек-

сей Алексеевич, который до Мологина работал под Торжком, в Бернове и других местах. Человек он был грамотный, начитанный, собрал библиотеку и был знаком со многими писателями того времени. Знаком он был и был в особенно хороших отношениях с Карамзиным, который в то время писал русскую историю. Ал. Ал. был у него корреспондентом. Он собирал для Карамзина материалы по Тверской губернии. Он объехал все монастыри Ржева, Старицы, Зубцова, Торжка, где хранились старинные книги и рукописи, изучал их и готовил материал для Карамзина, с которым был в переписке. В благодарность за это Карамзин подарил в 1821 г. Ал. Ал. первое собрание своих сочинений...

Через Карамзина Ал. Ал. познакомился с другими писателями — Пушкиным, Лажечниковым и др.» [93].

В то время, когда Пушкин навещал Старицкий и Торжокский уезды, А. А. Раменский был учителем в селе Мологине. В Грузинах встретились они, видимо, случайно, но встреча эта была радостна для обоих. Отправляясь на Кавказ, поэт взял в дорогу несколько книг из своей библиотеки. Одну из них — «Айвенго» (в прежнем переводе «Ивангое») он подарил Алексею Алексеевичу.

Удивительно, как иногда судьбы книг связаны с судьбами людей! Кто мог подумать, что скромным томикам «Айвенго» предстоит в будущем стать драгоценной реликвией, обернуться счастливой находкой, важнейшим свидетельством! Разве можно было предположить тогда, что подарок поэта через многие десятилетия, словно солнечный луч, высветит еще одну неизвестную страницу его жизни и творчества?! Но судьбе было угодно именно так распорядиться томами романа знаменитого английского писателя...

Книга, однажды исчезнувшая на несколько лет, отыскалась 133 года спустя после того, как была подарена в Грузинах Алексею Алексеевичу Раменскому. «Моло-

гинская находка» вызвала сенсацию среди пушкинистов. Однако прежде, чем рассказывать, как нашелся «Айвенго», расскажем, как он потерялся.

Раменский бережно хранил подарок среди наиболее ценных сокровищ своей обширной библиотеки, которая передавалась по наследству из поколения в поколение. Последним ее владельцем был учитель Мологинской школы Николай Пахомович Раменский. В 1933 году он передал все собрание книг и рукописей своему внуку — студенту Московского университета Антонину Аркадьевичу Раменскому. Собрание было обширно и уникально. Достаточно сказать, что в нем хранились рукописи Радищева, Пушкина, Карамзина, редкие манускрипты. Оказались здесь также работы В. И. Ленина, комплекты «Искры», экземпляры Программы и Устава большевистской партии: в 1905 году Раменские создали в Мологине подпольную типографию, печатали нелегальную литературу, партийные документы. В 1938 году часть собрания Антонин Аркадьевич решил передать государству. Близкий друг семьи Раменских ржевский краевед Н. М. Вишняков писал в своих воспоминаниях:

«...Антонин Аркадьевич Раменский передал безвозмездно в дар Ржевскому музею... большую часть архива и библиотеки, в том числе: более пяти тысяч книг 16, 17, 18, 19 веков, комплекты журналов 18 и 19 веков, коллекцию нелегальной литературы и в том числе комплекты «Колокола», «Искры», «Полярной звезды», первые издания нашей партии, а также сотни документов, хроник, воспоминаний... Были получены из Мологина также хранившиеся там материалы Ржевского и Тверского комитетов РСДРП. И как жаль, что все эти исторические ценности погибли в огне войны. Все экспонаты Ржевского музея были уничтожены немецко-фашистскими захватчиками, погибли и в селе Мологине все оставшиеся материалы вместе с домом Раменских.

Особенно хочется отметить выдающуюся роль представителя семьи Раменских — коммуниста Антонина Аркадьевича Раменского, который принес в дар городу Ржеву в 1938 году громадную библиотеку драгоценных книг в количестве более 5000 экземпляров, тысячи исторических документов. Являясь достойным продолжателем и наследником семьи Раменских, которая впервые в России собрала памятные вещи и рукописи А. С. Пушкина для создания народного музея Пушкина, Антонин Аркадьевич, рискуя жизнью, под огнем неприятеля в октябре 1941 года спас и вывез из Мологина эти национальные реликвии» [94].

Среди книг, переданных в Ржевский краеведческий музей, пушкинского подарка не было: как семейная реликвия он остался в Мологине среди других предметов коллекции.

Враг уже шел по земле Верхневолжья, захватил Ржев, приближался к Мологину. А. А. Раменский, работавший на строительстве оборонительных сооружений под Москвой, сумел буквально на несколько часов заглянуть в родное село. Спасти многотысячное собрание книг и рукописей он не мог — для этого понадобились бы машины и люди. А над Мологином уже летели фашистские самолеты, на улицах рвались бомбы и орудийные снаряды. Он сумел взять только самое ценное: вещи и предметы, некогда принадлежавшие великому поэту. Собирался взять и «Айвенго», но в спешке забыл книгу. Вернулся сюда через три года. Древнее село лежало в руинах...

Я сижу в небольшой, заполненной книгами комнате уютной квартиры в Грохольском переулке. Слышно, как мчатся машины по проспекту Мира, как шумит вечерняя Москва. Но это не мешает «путешествию» в минувшие века. На крепком дубовом столе (он, согласно семейному преданию, сделан руками Петра I и подарен им

одному из Раменских) старинные хроники в истертых кожаных переплетах, деревянная шкатулка работы Петра, выкованный им корабельный гвоздь... На стенах — портреты Алексия и Алексея Алексеевича Раменских, Радищева, Пушкина... Стараясь не пропустить ни слова, слушаю рассказ удивительного этого человека. Антонин Аркадьевич, поудобнее устроившись среди подушек (недуг приковал его к постели), рассказывает:

— Так вот, вернулся я в Мологино только в 1944 году. От села почти ничего не осталось — руины, пепелища. Присел покурить на берегу Итомли и глаз не могу оторвать от страшной картины. Подходит ко мне старик. Пастухом оказался. Спрашивает: «Откуда, сынок?» Отвечаю: «Здешний я, Раменский». Удивился старик: «А ведь я у твоего деда в школе учился!» Достает кисет, бумагу. Смотрю — страница из журнала «Отечественные записки». Спрашиваю у пастуха, откуда у него эта бумага. «А тут, когда бомбили фашисты, из одного дома целую кучу бумаг и книг разных выбросило. Почитай, всю войну эти бумаги и курим. Там вон, возле церкви, и сейчас, должно быть, есть тетрадочки эти».

Сердце у меня зашлось,— продолжает Антонин Аркадьевич,— когда услышал я эти слова: значит, погибла библиотека. И все же решил поискать после войны. Расспросил отца, набросал план дома, церкви...

Почти два года занимался Раменский «раскопками». Пришлось разбирать руины, оставшиеся от дома, под которыми, как он думал, могли оказаться остатки библиотеки. Увы, отыскать удалось очень мало. Среди найденного в подвале церковной сторожки была книга, измазанная мазутом, разорванная, со склеенными страницами. Раменский привез ее в Москву и отложил, не осмотрев находку основательно.

Пролежав еще несколько лет, томик Вальтера Скотта наконец раскрыл свою полуторавековую тайну. При

тщательном осмотре Антонин Аркадьевич установил, что это тот самый «Айвенго», который был подарен Пушкиным. (Отдельные тома романа были переплетены в одну книгу.)

Но не сразу и не просто удалось прочесть автографы поэта: листы пострадали от воды и грязи, некоторые надписи казались утраченными навсегда. Любовь к Пушкину, вдохновенный труд специалистов сделали то, что представлялось невероятным. Сотрудники лаборатории и фотолаборатории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС произвели фотографирование листов с автографами в ультрафиолетовых лучах, расчистили, восстановили страницы, хранящие след пушкинского пера. На них оказались дарственная надпись, строки из раннего варианта «Русалки», дата «1829», написанные рукой поэта и потом им же зачеркнутые строки, рисунок казненных декабристов, схема дороги из Петербурга в Москву.

Коллекцией ранее неизвестных автографов занялись пушкинисты. Первой изучила и описала ее Татьяна Григорьевна Цявловская[95]. Однако ей не удалось прочесть зачеркнутые строки. Сделал это С. М. Бонди — один из крупнейших специалистов по рукописям Пушкина. Когда труднейшая работа была завершена, перед ученым оказался фрагмент строфы X, впоследствии уничтоженной самим автором, главы романа «Евгений Онегин»:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Строки эти, в отличие от дарственной надписи и четверостишия из «Русалки», набросаны Пушкиным нас-

пех, скорописью. Т. Г. Цявловская предполагает, что написаны они поэтом в дороге, на одной из почтовых станций между Москвой и Петербургом, в промежутке между 5 и 8 марта 1829 года. Тогда же сделан и рисунок с виселицей, сопутствующий тексту.

Сравнение обнаруженного отрывка с сохранившимся черновым вариантом XV строфы, куда он входит, выявляет некоторые разночтения. Это означает, что Пушкин во время поездки к Полторацким продолжал

работать над романом. Даже в дороге, как это у него бывало часто. Пришли новые мысли, но записать их было не на чем: под рукой не оказалось бумаги. Тогда он взял одну из книг, благо поля в старых изданиях были широки! Поэт не предполагал, конечно, что вскоре подарит том, а с ним — и онегинские строки. Он использовал «Айвенго» как путевой блокнот. Отдавая книгу Раменскому, вероятно, забыл об этом наброске и не переписал его, хотя в Грузинах имел такую возможность.

Эта запись интересна не только сама по себе, но и как одна из деталей творческой истории «Евгения Онегина», которая оказалась связанной еще с одним уголком Тверской губернии — селом Грузины.

Загадка онегинских строк на странице «Айвенго» разгадана. А что означает четверостишие из «Русалки»? Почему именно оно написано на книге? Может быть, первое, что вспомнилось Пушкину тогда, он написал Раменскому, передавая ему томики «Айвенго»? Чтобы ответить на эти вопросы, вернемся к уже приводившимся воспоминаниям Н. П. Раменского. Поэту понравились легенды, услышанные им в Верхневолжье. Больше других, вероятно, запомнился рассказ Алексея Алексеевича о дочери мельника, обманутой тверским князем и ставшей русалкой. «Пушкин просил показать то место, где это произошло. И вот Ал. Ал. повел Пушкина в дикий лес, где... была старинная деревянная мельница, уже гнилая и поросшая мхом. Там никто не жил, и омут, а кругом ни души, темный лес только... Пушкину очень понравилось это место и легенда о русалке. И он стал работать над драмой «Русалка» [96].

Когда это могло быть? В воспоминаниях Н. П. Раменского нет даты. Установить ее помогла бы «Хроника» семьи Раменских — с 1775 по 1941 год в Мологине в специальные книги регулярно заносились все события, слу-

чившиеся в доме, в селе, в Тверской губернии, в России и во всем мире. Этот бесценный документ, к великому сожалению, погиб в огне войны, как и большая часть семейного архива Раменских. Однако Антонин Аркадьевич, видевший и читавший «Хронику», вспоминает, что там было три записи о приездах Пушкина в Мологино. Первую, относящуюся, вероятно, к 1818—1820 годам, он воспроизвел по памяти. Выглядела она приблизительно так: «Был проездом Н. М. Карамзин с молодым Александром Пушкиным». Документальных подтверждений исчезнувшей записи отыскать пока не удалось. Но давайте посмотрим, мог ли Пушкин быть в Мологине со знаменитым русским писателем и историком именно в эти годы? Поэт познакомился с Карамзиным, еще будучи лицеистом. 25 марта 1816 года Николай Михайлович посетил занятия в Лицее. «...Карамзин,— как вспоминал впоследствии И. В. Малиновский,— вызвав Пушкина, сказал: «Пари, как орел, но не останавливайся в полете». И с раздутыми ноздрями — выражение его лица при сильном волнении — сел на место при общем приличном приветствовании товарищей». Вскоре поэт сблизился с семьей Карамзиных. Вот свидетельство Льва Сергеевича Пушкина: «В свободное время он любил навещать Н. М. Карамзина, проводившего ежегодно летнее время в Царском Селе. Карамзин читал ему рукописный труд свой». Тогда же Н. М. Карамзин писал П. А. Вяземскому: «...нас посещают питомцы Лицея: поэт Пушкин, Ломоносов, и смешат нас добрым простосердечием. Пушкин остроумен».

А. А. Раменский в это время также жил в Петербурге: посещал лекции в Педагогическом институте. В доме Карамзиных, с которыми он был в родстве, и могло состояться знакомство тверского учителя с Пушкиным. Вполне возможно, что однажды, отправляясь к своему мологинскому корреспонденту и добровольному помощ-

нику по пути в тверское имение родственников, Карамзин пригласил с собой и Пушкина. В этот приезд поэт мог впервые услышать от Раменского легенду о русалке, побывать в местах, связанных с древним преданием, сделать первые наброски будущей драмы. О том, что такие наброски были, вспоминает Антонин Аркадьевич. Он видел у своего деда тетрадь, где подробно описывались встречи Алексея Алексеевича с Пушкиным. Одна из записей говорила о том, что после поездки к Берновскому омуту поэт здесь же, в Мологине, набросал несколько сцен будущей «Русалки» и передал их Раменскому, попросив его посмотреть, все ли ладно с точки зрения истории в этих набросках. Дальнейшая судьба рукописи необычайно интересна, и мы еще расскажем о ней.

Теперь нам понятно, почему Пушкин написал строки именно из «Русалки» на томе «Айвенго», когда дарил его Раменскому в Грузинах: они соответствовали его душевному состоянию и как бы документально подтверждали причастность мологинского учителя к созданию одного из произведений Пушкина:

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора,
Уйти опять в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод.

Это пусть косвенное, но достаточно убедительное, на наш взгляд, подтверждение того, что история создания «Русалки» связана с Тверской губернией, с печальной легендой, которую поведал поэту Раменский. Главные аргументы — впереди.

На странице 182-й «Айвенго», в конце первой части, оказался еще один интересный рисунок, точнее говоря, схема поездки из Петербурга в Москву. Кто нарисовал ее — пока не установлено. Но человек этот знал и намерение поэта заехать в Грузины, и Тверскую губернию.

На плане помечены Петербург, Новгород, Торжок, Тверь, Москва. Чуть выше Торжка — стрелка, острие которой указывает на Грузины, и церковь, обозначенная под названием села. Перед стрелкой написано: «К Полторацкому». Возможно, все-таки план сделан самим Пушкиным. По крайней мере, набросок этот не является чем-то необычным для поэта. В его черновиках подобные планы встречаются. Так, работая над «Историей Пугачева», он зарисовал Уфимско-Чесноковский фронт 1774 года. Есть подобная схема и в материалах к «Истории Петра I». Сравнение трех этих планов, их графики указывает на сходные приемы.

«Мологинская находка»... Для нашего рассказа она важна не только тем, что пополнила коллекцию автографов поэта, но и дала возможность открыть неизвестный ранее приезд Пушкина в Верхневолжье, пролила свет на его взаимоотношения с представителями замечательной династии тверских учителей, вот уже несколько веков верно служащих русскому народу.

Тогда, в марте 1829 года, поэт провел у Полторацких несколько дней. Чем были заполнены они? Покидал ли он Грузины? Можно предположить, что Пушкин предпринял несколько поездок в находящиеся неподалеку имения своих старицких друзей Вульфов. Предположения такие высказывались (Т. Г. Цявловская). Но где именно побывал он той далекой теперь уже весной?

В «Хронике» Раменских была запись о приезде Пушкина в Мологино в марте 1829 года. Этот визит поэта к Алексею Алексеевичу упоминается также в одном из писем М. П. Полторацкого. Цель поездки? Поближе познакомиться с уникальным архивом, в котором хранились материалы, связанные с Емельяном Пугачевым (в частности, его «Манифест»), знаменитый «Карамзинский сундук» с тверскими хрониками, летописями и их списками, сделанными А. А. Раменским для историка.

Пушкин знал об этих документах. Кроме того, ему было известно, что мологинский дом Раменских навещал сподвижник Пугачева, уже упоминавшийся нами ржевский купец Долгополов (Мологино в то время входило в состав Ржевского уезда). Поэт не мог упустить такой возможности — узнать побольше о событиях и людях, в ту пору его интересовавших. Если согласиться с нашим предположением о том, что Пушкин начал работать над «Историей Пугачева» раньше, нежели принято считать, то один уже Долгополов мог «заставить» его съездить в Мологино.

Как свидетельствуют материалы архива Раменских, младший брат Алексея Алексеевича — Александр Алексеевич, работавший учителем в Бернове, также был знаком с Пушкиным. Они встречались у Вульфов, вместе путешествовали по Старицкому, Новоторжскому, Ржевскому уездам. Александр Алексеевич оставил свои воспоминания, многие страницы которых были посвящены его встречам с великим поэтом. Записи эти не сохранились, но по словам Антонина Аркадьевича можно восстановить некоторые их страницы. Одна из них рассказывала о поездке Пушкина и Александра Алексеевича в имение Варвары Васильевны Черкашенниновой — село Сверчково Старицкого уезда — в марте 1829 года. Других свидетельств этой поездки нами не обнаружено, но мы можем довериться воспоминаниям А. А. Раменского. Впрочем, одно свидетельство все-таки есть. Правда, оно столь необычно, что ссылаться на него едва ли возможно. И все же привести его стоит.

В пушкинском разделе архива А. А. Раменского хранится страница из книги. Из какой именно — установить не удалось, хотя занимались этим опытные специалисты. Прислан листок одним из корреспондентов Антонина Аркадьевича в ответ на его просьбу, высказанную в печати, поделиться материалами, связанными с пре-

быванием Пушкина в Тверской губернии. Тот, кто прислал эту пожелтевшую страничку, сам не знал, откуда она взята. Теперь давайте прочтем ее.

«Известный писатель Николай Васильевич Гоголь нередко навещал в селе Сверчкове девицу потомственную дворянку Екатерину Васильевну Черкашеннинову, которая была родственницей известному о. Матвею Константиновскому, протоиерею собора города Ржева. В этом именно доме и произошло известное влияние отца Матвея на Н. Гоголя, вследствие которого (влияния) и было сожжение 2 части «Мертвых душ». В этом имении бывал и А. С. Пушкин вместе с Н. В. Гоголем и вели беседы, причем А. С. Пушкин читал повесть «Дубровский» Гоголю».

Орфография, шрифт, которым напечатана эта страница, свидетельствуют о том, что книга, из которой она вырвана, была издана до революции или в первые годы после революции. Мы привыкли доверять печатному слову. Но в данном случае следует усомниться в достоверности сведений, сообщаемых неведомым автором. Гоголь действительно был знаком со священником Константиновским. Мог, конечно, бывать он и у Варвары Черкашенниновой (она ошибочно названа Екатериной). А вот относительно совместной поездки Гоголя и Пушкина в Сверчково никаких фактических данных нам отыскать не удалось. В те годы, когда поэт особенно часто навещал Тверскую губернию (1828—1830), он не был еще знаком с Гоголем. Их встреча состоялась в Петербурге 20 мая 1831 года. Следовательно, совместная поездка в Сверчково в указанное время **полностью исключается.** Далее: роман «Дубровский» завершен в феврале 1833 года. Пушкин мог читать его Гоголю, ибо в это время они находились в близких отношениях, даже собирались вместе с В. Ф. Одоевским издавать альманах «Тройчатка». Скорее всего, поэт читал «Дубровского»

(если читал вообще) Гоголю сразу по завершении работы, в Петербурге. А может, все-таки в Сверчкове? Ведь в 1833 году Пушкин навещал Верхневолжье, побывал в Павловском — всего в нескольких километрах от имения Черкашенниновой. Но обстоятельства этого приезда поэта мы уже достаточно знаем. Они сообщены им самим в приводившихся выше письмах к Наталье Николаевне из Павловского и Москвы. Пушкин приезжал сюда и на этот раз один и в Сверчкове не был. После 1833 года в старицкие края он уже не возвращался, о чем говорят переписка, свидетельства современников, не вызывающие сомнений.

Итак, страничка из неизвестной книги пока остается загадкой. Возможно, в будущем удастся найти подтверждение фактам, ею сообщаемым. Ведь в свое время одна находка — роман «Айвенго» — поведала нам так много нового о связях поэта с Тверской губернией, что было бы опрометчиво зачеркивать сведения, которые сегодня кажутся нам явно недостоверными. Поэтому не станем отбрасывать пожелтевший листок бумаги, на котором рядом стоят два великих имени. Будем искать.

А теперь вновь возвратимся на берега Жаленки. Пушкин прогостил здесь, у Полторацких, в марте 1829 года несколько дней, побывал в Мологине, Бернове, Сверчкове (но без Гоголя) и отправился в Москву: путешествие в Арзрум продолжалось.

В Мологине он вновь оказался лишь через четыре года, направляясь в Ярополец. Эта его поездка хорошо известна. Но до недавнего времени считали, что поэт, проезжая через Тверскую губернию, сделал только две остановки: в Павловском и Микулином-Городище. Новая находка поведала о третьей, и в этой поездке, пожалуй, самой для нас интересной, остановке. И опять помогла книга. И опять причастными к открытию оказались Раменские.

В библиотеке Антонина Аркадьевича хранятся привезенные из Мологина 12 томов «Истории государства Российского». Среди них и тот, что был подарен его прадеду Карамзиными и доставлен Пушкиным. Впрочем, событием оказалась не сама книга, а надпись, сделанная на ней. Нет, не рукой Пушкина, а рукой одного из Раменских: «Сия История Государства Российского сочинения Ник. Мих. Карамзина, драгоценный дар вдовы его Екатерины Андреевны с письмом ее учителю Алексею Алексеевичу Раменскому. Первые томы были любезно доставлены в Мологино великим пиитом Российским Александром Сергеевичем Пушкиным проездом из Санкт-Петербурга августа 22 дня 1833 года, и был сей день праздником семьи нашей. Остальные томы высылал издатель оных Смирдин.

Учитель Берновской экономии Александр Раменский июня 9 дня 1837 года с. Мологино».

Надпись эта прежде была известна только владельцам книги и нигде не публиковалась. Сделана она, как мы видим, несколько лет спустя после приезда Пушкина в Мологино, что объясняется, на наш взгляд, следующими обстоятельствами. Посещение Пушкиным Мологина записали в «Хронику» и, вероятно, теми же словами, что потом были **перенесены** на одну из страниц книги. Сделал это Александр Алексеевич, так как его старший брат умер в 1834 году. Время перенесения записи в книгу определила трагическая гибель Пушкина. Раменские, искренне любившие и почитавшие поэта, решили увековечить память о нем, еще раз письменно удостоверив и сам приезд Пушкина в Мологино, и то, что книги Карамзина привез сюда именно он.

О своем намерении приехать в Мологино Пушкин известил Раменского письмом, назвал предполагаемое время приезда. Жена хозяина дома решила подготовить подарок дорогому гостю — вышить для него салфетку.

К сожалению, поэт на этот раз не мог пробыть здесь больше одного дня, но он успел снова порыться в «сундуке Карамзина», погулять по древнему селу, побывал у церкви, опустил в кружку для пожертвований, на которой было написано «Партизанам войны 1812 года», серебряную полтину. Алексей Алексеевич полтину тут же вынул, заменил ее другой, а пушкинскую оставил как реликвию в своей коллекции. Собрание это, приумноженное потомками А. А. Раменского, с годами стало таким значительным, что они решили создать в Мологине первый в России народный музей А. С. Пушкина. Среди его экспонатов хранилось и письмо сына поэта — Александра Александровича Пушкина. Мы впервые полностью публикуем его.

«Милостивый Государь Пахом Федорович!

Ваше любезное письмо ко мне было получено моей семьей в то время, когда я участвовал в Балканской кампании и был далеко от России. И только недавно, прибыв на Родину и заехав в Лопасню, имел удовольствие прочесть Ваше душевное письмо и ответить Вам на него. Должен Вам сказать, глубокоуважаемый Пахом Федорович, что письмо Ваше растрогало меня до слез, да и всю семью нашу.

Этот патриотический шаг Вашей многочисленной семьи, поставившей перед собой цель собрать памятные вещи и реликвии, связанные с именем моего отца, в Старицком уезде Тверской губернии и тем самым положить начало созданию народного музея Пушкина, вызывает в нашей семье чувство глубочайшей благодарности и признательности.

Наша семья не только приветствует это патриотическое начинание, идущее от сердца простых русских людей, пожелавших увековечить память своего поэта, но и всячески будет содействовать исполнению этого святого дела.

Меня особенно радует то, что это проявление внимания к памяти моего отца исходит из Вашей семьи, о которой я много наслышан. Искреннюю радость доставило нашей семье Ваше сообщение о приобретении Вами драгоценных реликвий моего отца — его первой детской сорочки, сшитой его няней Ульяной Яковлевой, и чашечки французского фарфора, некогда до революции украшавшей Лувр, а затем приобретенной Василием Львовичем у известного антиквара в Париже и подаренной своему племяннику Саше Пушкину. Ваше хождение пешком в Святые Горы, к могиле моего отца, чтобы поклониться праху его, не может не вызвать чувства сыновней благодарности к Вам,— примите от нас низкий земной поклон.

Отвечая на Вашу просьбу и желая содействовать Вашим делам в создании народного музея, наша семья передает Вам в дар памятную перочистку отца. Это одна из любимых вещей его, ею он пользовался дома и брал с собою в дорогу.

Эта перочистка художественной работы XVIII века подарена моему отцу в 1829—30 годах его московским другом Павлом Воиновичем Нащокиным, моим крестным отцом. Видимо, эта перочистка осталась в Старицком уезде в одну из поездок туда отца. Так что перочистка имеет особую историю. Приобретена она была П. В. Нащокиным у некой Алябьевой, доводившейся двоюродной сестрой Николаю Ивановичу Новикову, и ранее принадлежала самому Н. И. Новикову. Этим самым я хочу подчеркнуть ту историческую преемственность этого скромного внешне предмета, имеющего большой исторический смысл.

Перочистка будет Вам доставлена одним моим другом, который едет в Тверские края. Когда Вы будете осматривать эту перочистку, обратите, пожалуйста, внимание на обилие застывших в ней чернил. Это слились

воедино чернила, которыми писал великий Новиков, с чернилами моего отца — в едином порыве просветительской и поэтической деятельности на благо нашего Отечества. И это чрезвычайно символично.

Я непременно напишу о Вашем начинании брату Григорию Александровичу в Михайловское и уверен, что он примет горячее участие в Вашем деле.

Глубокоуважаемый Пахом Федорович!

Пользуясь этим письмом, я с большим прискорбием должен сообщить Вам краткие подробности о гибели Вашего двоюродного брата Александра Раменского, участвовавшего в Балканской кампании. Я имел честь командовать 13 Нарвским гусарским полком, которому были приданы болгарские дружины и русские волонтеры, в числе которых был и Ваш брат. Я пишу об этом потому, что вряд ли Вы успели узнать об этом трагическом событии, тем более, что мы понесли большие потери.

Ваш брат погиб как герой и был высочайше награжден. Смерть его настигла в бою под Арметли, где он похоронен в отдельной могиле 27 декабря 1877 года.

На его могилу приезжала его старый друг и Ваша землячка Юлия Вревская, возложившая венок из белых роз на могилу Александра.

Я знал Вревскую по Петербургу, а здесь, на Балканах, эта героическая женщина руководила санитарной службой в болгарской армии и героически погибла в январе 1878 года.

Примите от меня и нашей семьи наши искренние соболезнования.

Желаю Вам успехов в Вашем благородном начинании.

С глубоким уважением

Ваш Александр Пушкин».

Подлинник этого письма находился в Мологине и пропал в годы войны. Сохранилось несколько копий, одна из которых принадлежит А. А. Раменскому. Она и была любезно предоставлена нам для опубликования.

А какова судьба коллекции Раменских? Она хранилась в Мологине и в дни войны была вывезена оттуда в Москву Антонином Аркадьевичем. Несколько лет назад эти реликвии пополнили экспозицию московского Государственного музея А. С. Пушкина. О щедром даре и благородном патриотическом поступке продолжателя славной династии рассказывает вот это письмо:

«В связи с предстоящим празднованием 175-летия со дня рождения великого русского поэта и патриота Александра Сергеевича Пушкина и в ознаменование многовековой педагогической деятельности нашей семьи, которая находилась в дружеских отношениях с великим поэтом и его потомками, собирала и хранила пушкинские реликвии, и выполняя завещание своих предков о передаче этих реликвий народу, я, Раменский Антонин Аркадьевич, передаю в дар государству — Музею А. С. Пушкина в Москве — следующие пушкинские реликвии:

1. **Детская распашонка А. С. Пушкина и фарфоровая чашечка.** Эти вещи находились у друга поэта — Осиповой, а затем у Беклешовой, у которой и приобретены.

2. **Гусиное перо А. С. Пушкина.** Хранилось у А. П. Керн, подарено в день ее смерти дочерью ее Екатериной Шокальской.

3. **Полотенце А. С. Пушкина работы его няни Арины Родионовны.** Подарок сына поэта Григория Александровича Пушкина.

4. **Дорожный подсвечник А. С. Пушкина.** Приобретен у наследников Соболевского.

5. **Игральные индийские кости.** Привезены поэтом из Арзрума, приобретены у Великопольских.

6. **Перочистка.** Передана нашей семье сыном поэта Александром Александровичем Пушкиным.

7. **Бумага с золотым обрезом, на которой поэт писал эпиграммы.** Приобретена у Понафидиных.

8. **Книга «Постоялый двор», том II.** Одна из четырех книг, подаренных Пушкиным декабристу Муравьеву. Находилась в Сибири. Подарена нашей семье М. И. Муравьевым-Апостолом в 1863 г.

9. **Китайский рисунок.** Был приобретен Пушкиным в Одессе и подарен В. Ф. Вяземской. Приобретен у Валуевых в г. Зубцове.

10. **Бумажник А. С. Пушкина для подорожных.** Приобретен у Соллогуба.

11. **Акварельная картина И. И. Левитана, на которой запечатлены окрестности Бернова.**

12. **Медная гривна.** Подарена настоятелем Святогорского монастыря.

13. **Обложка старинной книги.** На ней Александром Раменским записан один из вариантов «Послания в Сибирь», за что посажен он был в Старицкий острог.

14. **Амулет Будды из черного дерева.** Привезен А. С. Пушкиным из Одессы и подарен Вревским. Получен от семьи Вревских в Старице в 1863 г.

15. **Серебряная чайная ложечка А. С. Пушкина.** Подарена нашей семье Вульфами.

К сожалению, в этом собрании не оказалось многих ценнейших экспонатов — рукописей поэта, его писем, автографов Радищева, Карамзина: они, как уже говорилось, или погибли, или затерялись в годы войны. Некоторые из них, возможно, со временем отыщутся: ведь в Мологине, под развалинами церкви, осталась значительная часть библиотеки и архива Раменских. Может быть, что-либо удастся отыскать...

«Пишу к тебе из Павловска...»

Быстро пролетели январские беззаботные дни в Старице. Отшумели балы. Гости стали разъезжаться. Собрался в дорогу и Пушкин. Но прежде чем возвратиться в Петербург, решил он навестить милое его сердцу Павловское.

Веселой была эта недолгая поездка. «...Я с Пушкиным, взяв по бутылке шампанского, которое морозили, держа на коленях, поехали к Павлу Ивановичу... Мы танцевали и дурачились много. В охоте и поездках в Берново... или Павловское, где вчера мы играли в вист,— провел я еще с неделю до отъезда с Пушкиным в Петербург» [97].

Эту дневниковую запись Алексея Вульфа дополняют и продолжают воспоминания Е. Е. Смирновой (уже упоминавшаяся нами «поповна»).

«Приехали сюда (в Павловское. — **А. П.**) к обеду; следом за нами к вечеру приехали и Александр Сергеевич с Алексеем Николаевичем Вульф...

На другой день сели за обед. Подали картофельный клюквенный кисель. Я и вскрикнула на весь стол:

— Ах! Боже мой! Клюквенный кисель!

— Павел Иванович! Позвольте мне ее поцеловать! — проговорил Пушкин, вскочив со стула.

— Ну, брат, это уж ее дело,— проговорил тот.

— Позвольте поцеловать вас,— обратился он ко мне.

— Я не намерена целовать вас,— отвечала я, как вполне воспитанная барышня.

— Ну позвольте хоть в голову,— и, взяв голову руками, пригнул и поцеловал».

...Павловский дом в эти дни звенел молодыми голосами. Здесь «танцевали и дурачились много», разыгрывали друг друга, флиртовали, совершали «набеги» на окрестные деревни, иногда отправлялись с ружьями в соседние поля, но скорее для развлечения, нежели для охоты.

Пушкин любил Павла Ивановича больше остальных старицких Вульфов. Это был славный человек — добрый, умный, радушный, но до крайности флегматичный. Пушкин шутил: «На Павла Ивановича упади стена, он не подвинется, право не подвинется». Александр Сергеевич научил его шахматам и часто сиживал с ним за клетчатой доской, не в шутку сердился, когда проигрывал, ибо считал себя, и не без основания, изрядным шахматистом.

П. И. Вульф в составе тверского ополчения участвовал в Отечественной войне. Вышел в отставку подпоручиком лейб-гвардии Семеновского полка, поселился в сельце Павловском. Имение здесь образовалось на пустом месте, как ответвление от берновской вотчины Вульфов. Было оно скромным, в усадьбе — деревян-

ные постройки. Но именно сюда чаще всего наведывался Пушкин из Малинников, а не в хоромы И. И. Вульфа.

П. И. Вульф хорошо знал современную литературу, сам «стихотворствовал» и даже, как мы увидим, однажды с успехом отредактировал пушкинские стихи.

Жена Павла Ивановича — Фридерика Ивановна (немка, привезенная им из заграничного похода) славилась как умелая и гостеприимная хозяйка. Добродушием она была под стать своему супругу и никогда не обижалась на шутки, связанные с ее «русско-немецким» языком, который порой приводил к веселым курьезам. Однако была ревностной католичкой и в отношении религии шуток не позволяла, о чем свидетельствует эпизод, позабавивший Пушкина. Однажды собралась в доме молодежь. Разговор зашел о религии. Желая подразнить Фриценьку, как часто звали ее близкие, кто-то стал осуждать папу римского. Взволнованная и рассерженная Фридерика Ивановна вскочила со стула и закричала: «Оставь мою папу, я ведь твою Дмитрию Политу (т. е. митрополита) не трогаю!» Не желая обидеть добрую хозяйку, этой темы больше не касались, а Фриценька конечно же простила обидчика, так как вообще не могла долго на кого-нибудь сердиться...

Серебрится на перекате Тьма, шумит под ветром старый парк. За околицей — изумрудные поля. Стена леса за ними в голубоватом мареве... Что-то знакомое в этой картине.

Синея блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

Строки из «Евгения Онегина» здесь, в Павловском, вспоминаются не случайно. Много лет назад неброские эти пейзажи отразились в стихах, которые каждый из нас бережно хранит в сердце.

Тогда, впервые приехав в Берново, решили мы побывать и в Павловском. За рекой, у развилки дорог, догнал нас велосипедист. Остановился, поздоровался, спросил:

— Пушкинские места хотите посмотреть? Раньше-то здесь не бывали?

Получив утвердительный ответ, продолжал:

— Сами вы тут немного увидите: лет-то сколько с тех пор прошло. Ничего почти и не сохранилось в Павловском. Однако сходить туда стоит...

Был он уже не молод. Сухощавый, подтянутый. Седина тронула волосы, лицо доброе, улыбчивое. Мы были рады этой встрече, ибо не представляли, как доберемся до Павловского. А тут — оказия...

— Не спешите? — полюбопытствовал он. — Тогда давайте присядем... Сам-то я здешний. Тут родился, тут вырос, отсюда и на фронт ушел. А вернулся с войны — выбрали меня председателем колхоза. На первом собрании, помню, решали, как артель назовем. Все тогда единодушно предложили: пусть хозяйство наше носит имя Александра Сергеевича Пушкина. С тем и отправился я на другой же день в район. Привез оттуда печать, на которой значилось: «Колхоз имени Пушкина Старицкого района».

Он помолчал и, словно припоминая, продолжал:

— Время трудное было. В деревнях — одни бабы да ребятишки. Голодновато. Техники почти никакой. Казалось, не до поэзии людям. А вот ведь вспомнили про Пушкина, хотя, конечно, и по тем временам не было уже давно никого в здешних краях, кто его живым видел. Правда, оставались еще старики, которые от своих от-

цов об Александре Сергеевиче слыхали. И по рассказам выходило, что любили его здесь, хотя, конечно, мало кто из берновских или там павловских знал его стихи. Темная была жизнь у крестьянина. Это сейчас каждый мальчишка Пушкина наизусть шпарит.

Он посмотрел на часы:

— Заговорил я вас, извините. Если не возражаете, составлю компанию, только вот дело свое управлю. Да это скоро. А вы этой дорогой идите. Места тут красивые. Встретимся в Павловском. Помните, Пушкин сообщал жене: «Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска...»

Он уехал, а мы стояли и думали об этом человеке. В прошлом солдат, потом председатель колхоза, он знает о Пушкине, пожалуй, больше, чем иной студент филологического факультета. Помнит здесь каждую тропинку, связанную с именем поэта, цитирует наизусть его письма. Должно быть, с особым чувством ставил он в свое время на казенных бумагах ту самую колхозную печать, которая символически удостоверяла огромную любовь народа к Пушкину. Любовь, прошедшую сквозь десятилетия чистой, незамутненной, как воды Тьмы, на берегах которой слагал он волшебные свои строки.

...Дорога в Павловское идет берегом реки, пересекает поля, ныряет в нарядные рощицы. Перед самым селом круто падает она к небольшому заросшему пруду. Поднимаемся глинистым косогором, и перед нами открывается Павловское. Название это может вызвать в вашем представлении нечто похожее на ленинградские пригороды. Но затерянное в глубине России село оказалось, строго говоря, и не селом даже, а хуторком с полдюжиной дворов. Тихое, зеленое, с единственной улицей.

У околицы встретил нас прежний провожатый.

Велосипед он, должно быть, уже успел отвести домой. Судя по улыбке, наша встреча и весь этот солнечный весенний день были ему в радость.

— Видите, красота какая! — повел он рукой в сторону Тьмы. — Не зря Пушкин любил эти места. Жаль, не сохранился дом, в котором он жил. Сейчас покажу вам, где была барская усадьба.

Мы идем сельской улицей (собственно, это продолжение проселка), и редкие прохожие приветливо здороваются с нами.

Дом, в котором жил Пушкин, приезжая в Павловское, не сохранился, остался лишь фундамент. Буйные заросли скрывают его. Мы раздвигаем кусты, смотрим на древние камни и стараемся представить, каким он был, этот дом. И встают в воображении уютные «гнезда», о которых рассказывал некогда журнал «Столица и усадьба» — «журнал красивой жизни». Должно быть, и здесь жизнь была красива. По крайней мере, для обитателей усадьбы. А рядом была другая жизнь — трудная жизнь задавленного нуждой крестьянина...

Шумит под легким ветерком старинный парк. Кажется, что шум этот рождает вдохновенные строки. Все вокруг проникнуто поэзией — ясной и высокой, как небо над Павловским.

В первый раз Пушкин приехал к Павлу Ивановичу из Малинников осенью 1828 года. Павловское приглянулось и запомнилось: блестящая подо льдом речка, зеленеющие сквозь иней красавицы ели, вознесшиеся над крутым берегом.

Поля, сверкающие под холодным солнцем, завораживали взгляд. Какой простор! Как легко дышится в этом раздолье!

Ощущение счастья нахлынуло на него. Хорошо бы

вернуться сюда! И не на день-другой, а так, чтобы не спеша побродить по заметенному снегом парку, по сказочному лесу...

Через месяц быстрые санки опять примчали его на берега Тьмы, на сей раз из Старицы с веселой компанией.

Павловское вновь очаровало поэта. И он еще более утвердился в желании как-нибудь при случае погостить здесь подольше и одному. Павел Иванович и Прасковья Александровна уговаривали остаться. Да он и сам рад был бы вновь запереться на месяц-другой в обжитом уже старицком «кабинете», но дела торопили, звали в столицу: предстояли хлопоты по изданию недавно законченной «Полтавы».

Пушкин обещал непременно вернуться еще в нынешнем году. 16 января попрощался он с Павловским и вместе с Алексеем Вульфом через Берново, Высокое, Торжок отправился в Петербург.

За две недели в Старице и Павловском не написал он, вероятно, ни одной строки: праздники, многочисленное общество не располагали к работе. Но сейчас, в дороге, «рифма, звучная подруга вдохновенного досуга», настигла его: «Подъезжая под Ижоры, я взглянул на небеса...»

И эта поездка в Тверскую губернию оказалась не такой уж праздной...

Не был утомитель-

ным и обратный путь: ехали вдвоем, сочиняли стихи, вспоминали недавние проказы. Позднее А. Н. Вульф записал в своем дневнике:

«Путешествие мое в Петербург с Пушкиным было довольно скоро и благополучно, исключая некоторых прижимок от ямщиков... На станциях, во время перепряжения лошадей, играли мы в шахматы, а дорогою говорили про современные отечественные события, про литературу... Пушкин говорит очень хорошо; пылкий, проницательный ум обнимает быстро предметы... Нравы людей, с которыми встречается, узнает он чрезвычайно быстро...

...Попользовавшись всем достопримечательным по дороге от Торжка до Петербурга, т. е. купив в Валдае баранков (крендели небольшие), у дешевых красавиц, торгующих ими, в Вышнем Волочке завтракали мы свежими сельдями...» [98]

Сопоставим эту запись с фрагментом из черновой рукописи «Путешествия Онегина»:

Мелькают мельком будто тени
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок...

Приведенные строки не являются, конечно, впечатлениями одной поездки. Но они связаны с поездками в Тверскую губернию или через Тверскую губернию. В этом убеждает и сопоставление «Подорожной» из письма к Соболевскому с приведенным выше отрывком из «Путешествия»:

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

Как видим, два последних стиха почти дословно совпадают. Совпадение это не случайное: Пушкин описы-

вает хорошо знакомую ему дорогу и все наиболее характерные ее достопримечательности в назидание Соболевскому. Осенью, в Павловском, работая над «Путешествием Онегина», он вспомнит недавнюю поездку с Вульфом, и часть своей «Подорожной», несколько перефразировав, отдаст герою романа. Так еще раз откликнулся в его творчестве, пусть всего несколькими строками, «старицкий вояж»...

18 января 1829 года Пушкин возвратился в Петербург. Праздники кончились. Начались будни, полные забот, надежд и разочарований. Вскоре после приезда он пишет Вяземскому: «Я в Петербурге с неделю, не больше. Нашел здесь все общество в волнении удивительном. Веселятся до упаду и в стойку, т. е. на раутах, которые входят здесь в большую моду. Давно бы нам догадаться: мы сотворены для раутов, ибо в них не нужно ни ума, ни веселости, ни общего разговора, ни политики, ни литературы. Ходишь по ногам как по ковру, извиняешься — вот уже и замена разговору». Рефреном этого настроения звучат строки из письма к С. Д. Киселеву: «На днях я приехал в Петербург... В Петербурге тоска, тоска...»

30 января в Тегеране трагически погиб Грибоедов. Смерть эта болью отозвалась в сердце Пушкина. Потом в «Путешествии в Арзрум» он напишет:

«Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

Столица тяготит, раздражает его. Дни, проведенные

в Старице и Павловском, кажутся теперь прекрасным сном. И тогда решается он на поступок, который мог повлечь за собой весьма неприятные последствия: в самом начале марта покидает Петербург, решив предпринять путешествие на Кавказ, в действующую русскую армию. Пушкин не испросил разрешения на эту поездку у Бенкендорфа, ибо знал, что получит отказ. Взял и уехал. Вослед за ним полетела секретная депеша военному губернатору Грузии генерал-адъютанту Стрелкову:

«Известный стихотворец, отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин отправился в марте месяце из С.-Петербурга в Тифлис, а как по высочайшему его имп. величества повелению состоит под секретным надзором, то по приказанию его сиятельства (графа И. Ф. Паскевича.— **А. П.**), имея честь донести о том вашему превосходительству, покорнейше прошу не оставить распоряжением вашим о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию».

Что толкнуло Пушкина на эту поездку? Только ли желание уехать из Петербурга? Возможность свободно, без фельдъегеря проехать по России, снова увидеть Кавказ, побывать за границей, куда путь ему был заказан? А может быть, он искушал судьбу, отправляясь на поле боя, и мысли о прекрасной смерти Грибоедова пришли ему еще задолго до того, как сел писать он свое «Путешествие в Арзрум», и относились они не только и не столько к собрату «по музам, по судьбам»?

Друзья не одобрили этой «выходки» поэта. С. Н. Карамзина писала вскоре после его отъезда из Петербурга Вяземским:

«...Вы, вероятно, знаете, что Пушкин в настоящую минуту карабкается по Кавказу: это новое безумство, которое взбрело ему в голову; что касается нас, то мы мало сожалеем о его отъезде, потому что он стал неприятно угрюмым в обществе, проводя дни и ночи за

игрой, с мрачной яростью, как говорят... Каждое новое известие о нем доказывает, что он никогда не вернется на хорошую дорогу, и вызывает огорчение» [99].

Не поняла Софья Николаевна человека, к которому испытывала дружеские чувства, не разглядела причин, которые сделали поэта «неприятно угрюмым в обществе». Да вероятно, и не одна она: «мы мало сожалеем о его отъезде». А ведь поездка эта была опасна не только своей недозволенностью, но и тем, что Пушкин ехал под турецкие пули.

К счастью, мрачные прогнозы тех, кто ненавидел поэта (С. Н. Карамзина не в их числе), не оправдались: он возвратился с ворохом впечатлений. Погостив в Москве, отправился снова в Тверскую губернию — в уже знакомые ему и полюбившиеся старицкие края. В середине октября приехал в Малинники. Вскоре, навестив соседние имения, послал Алексею Вульфу в Петербург «отчет» — веселое, остроумное, изобилующее меткими, а порой и едкими характеристиками письмо. Достается в нем «баронам и простым дворянам», но об истинных друзьях пишет он с теплотой и юмором:

«Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд для сбора некоторых недоимок. Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! то-то побесили б мы

баронов и простых дворян! по крайней мере, честь имею представить Вам подробный отчет о делах наших и чужих.

I) *В Малинниках* застал я одну Анну Николаевну с флюсом и Муром. Она приняла меня с обыкновенной своей любезностию, и объявила следующее:

a) Евпраксия Николаевна и Александра Ивановна отправились в Старицу смотреть новых уланов.

в) Александра Ивановна заняла свое воображение отчасти талией и задней частью Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавым выговором Юргенева.

c) Гретхен хорошеет и *час от часу делается невиннее.* (Сейчас Анна Николаевна объявила, что она этого не находит.)

II) *В Павловском* Фридерика Ивановна страждет флюсом; Павел Иванович стихотворствует с отличным успехом. На днях исправил он наши общие стихи следующим образом:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Не правда ли, что это очень мило.

III) *В Бернове я* не застал уже... Минерву. Она со своим ревнивцем отправилась в Саратов. За то *Netty,* нежная, томная, истерическая, *потолстевшая Netty* — здесь. Вы знаете, что Миллер из отчаяния кинулся к ее ногам; но она сим не тронулась. Вот уж третий день как я в нее влюблен.

IV) *Разные известия.* Поповна (ваша Кларисса) в Твери. Писарева кто-то прибил и ему велено подать в отставку. Князь Миксютов влюблен более чем когда-нибудь. *Иван Иванович* на строгом диэте... Недавно узнали мы, что *Netty,* отходя ко сну, имеет привычку крестить все предметы, окружающие ее постелю. По-

стараюсь достать (как памятник непорочной моей любви) сосуд, ею освященный... Сим позвольте заключить поучительное мое послание.

16 окт.».

В письме к А. Н. Вульфу Пушкин говорит, что «прибыл в Старицкий уезд для сбора некоторых недоимок». Эта фраза дает повод считать поездку поэта в Малинники и Павловское развлекательной прогулкой в места, наполненные «уланами и барышнями», после опасного путешествия на Кавказ. А если вспомнить его же «Хоть вампиром именован я в губернии Тверской», то расшифровать смысл слова «недоимки» несложно. Так и определяли цель приездов поэта в Верхневолжье авторы некоторых работ, посвященных пребыванию Пушкина в Старицком уезде: развлечения, романы, любовные похождения «Тверского Ловеласа» с «Санкт-Петербургским Вальмоном». Пушкин как будто специально давал повод для таких выводов своими письмами из Малинников и Павловского.

Однако мы уже видели несоответствие между «эпистолярными декларациями» поэта и истинным содержанием его «осенних досугов» 1828 года. Он не любил афишировать свои творческие планы, считал неудобным говорить о замыслах до тех пор, пока они не осуществились. Так, никто не сомневался, что в Малинники он уехал «набирать строфы в Онегина», а сам поэт с улыбкой (лукавой!) отрицал это и уверял, что занят главным образом охотой, вистом, «девчонками» и влюбляется чуть ли не каждый день. Мистификация? Явная!

Что же касается его писем из Старицкого уезда к А. Н. Вульфу, то многое в них определялось прежде всего отношениями, которые между ними сложились. Нам думается, что это была некая словесная игра двух

близких людей. Пушкин старался придерживаться правил игры, отсюда и «недоимки», и «Ловелас», и «Вальмон», что на самом деле не больше чем веселая, остроумная бравада.

То же самое и в «подробном отчете о делах наших и чужих» из Малинников. Истинных своих планов, связанных с приездом в старицкие края, Пушкин Вульфу не раскрыл. Возможно, в это время он еще не знал наверняка, долго ли прогостит здесь и чем займется. Но скорее всего, просто не считал необходимым знакомить с этими планами приятеля, которому они были бы мало интересны. Пушкин упомянул только об уже известном Вульфу «общем» стихотворении «Подъезжая под Ижоры», тем и ограничившись. Однако планы, намеченные им на эту поездку, были обширными и серьезными. Мы не знаем, сумел ли поэт осуществить их полностью, или обстоятельства помешали сделать все задуманное, и ограничилась ли «внеплановая» продукция известными нам стихами. Но сделанное им буквально в несколько недель — велико по числу и очень значимо для всего творчества Пушкина. «Путешествие Онегина», «Роман в письмах», «Зима. Что делать нам в деревне?..», «Зимнее утро», «Тазит», наброски к «Повестям Белкина» — вот известные нам плоды павловской осени 1829 года, самого, пожалуй, насыщенного из всех его «тверских досугов».

Поэт покинул деревню через месяц и возвратился сюда снова лишь пять лет спустя. Это был последний его приезд в старицкие края. Он навестил их по дороге в Ярополец. Здесь написал Пушкин письмо, проникнутое любовью к Наталье Николаевне и щемящей грустью словно предчувствуемого расставания с милыми сердцу местами.

«Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о кото-

рых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Ярропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш живет управитель Прасковьи Александровны, Рейхман, который попотчевал меня шнапсом... Письмо это застанет тебя после твоих именин. Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, мой ангел, целую тебя крепко».

Какой контраст с его прежними письмами отсюда! Жизнь прибавила забот. Юность ушла безвозвратно. Но все равно Павловское, Малинники, Берново остались для Пушкина такими же милыми и желанными, как в прежние годы. И для нас Павловское никогда не утратит своего очарования, как никогда не потускнеют эти строки:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Это написано в Павловском.

«Иные нужны мне картины...»

И все-таки «недоимки» в Старицком уезде Пушкин собрал, но совсем не те, о которых писал Алексею Вульфу.

Именно этот приезд поэта в Тверскую губернию определил счастливую судьбу скромной деревеньки Павловское, где Пушкин провел около месяца осенью 1829 года.

На дворе стоял октябрь — любимая пора поэта. Тихо было в опустевшем парке. Клены роняли огненные листья в прозрачную воду Тьмы... Он брал в руки перо не только для того, чтобы написать друзьям «о делах наших и чужих». Настало время работы: перед ним лежала рукопись начатого еще в Михайловском «Путешествия Онегина», которое по первоначальному замыслу должно было войти в VII главу романа. Эти строфы (описание Одессы) Пушкин напечатал в 1827 году как отрывок из VII главы, но, работая над ней в Малинниках, решил не включать туда уже готовый фрагмент: что-то изменилось в его планах. Позднее, печатая «Путешествие», он объяснит, что именно. В новом плане поездку Онегина по России предполагалось дать самостоятельной, VIII главой.

Что же побудило поэта продолжить «Путешествие»? Прежде всего, конечно, незавершенность романа, растянувшегося на несколько лет. Вместе с тем, вероятно, важную роль здесь сыграло недавнее путешествие самого

Пушкина в Арзрум. Эта поездка дала ему огромный фактический материал, обогатила новыми мыслями и впечатлениями. Он увидел возможность быстро завершить «строптивую» главу, запершись в уединенном «тверском кабинете».

Пушкин выбрал Павловское, и выбор этот оказался удачным.

Павловские черновики «Путешествия» свидетельствуют о том, что работа продвигалась медленно. Это объясняется сложностью задачи, стоявшей перед поэтом: ему предстояло дать панораму современной России. И не столько пейзажную, географическую, сколько политическую, социальную, увиденную глазами художника-реалиста, критически настроенного по отношению к самодержавию. Конечно же Пушкин понимал, что написанная с таких позиций (а он уже прочно встал на эти позиции) глава едва ли увидит свет. Тем не менее он продолжал упорно работать. И его Онегин, гонимый тоской (это слово лейтмотивом звучит в отрывках из «Путешествия»), мечется по огромной стране.

Хорошо знакомый поэту петербургский тракт уводит его героя в так и незакончившееся путешествие.

Тоска, тоска! спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком будто тени
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок,
Здесь покупает туфли, там
По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки,
Мелькают версты, ямщики
Поют, и свищут, и бранятся...

Москва, Нижний Новгород, Астрахань, Кавказ, Таврида... Все это увидено взглядом пронзительным и критическим.

В палате Английского клоба
(Народных заседаний проба)
Безмолвно в думу погружен
О кашах пренья слышит он.

Это о Москве — суматошной и «спесивой», которая именует Онегина шпионом (в одной из черновых рукописей — масоном и повесой) «и производит в женихи».

Столь же саркастичны и горьки многие строфы «Путешествия», черновики которого хранят следы упорнейшей работы автора. В десятках вариантов искал он нужные слова, точные характеристики. Нетрудно заметить, что здесь иная стилистика, нежели в предшествующих главах романа: это своеобразный путевой **репортаж** с лирическими отступлениями. Он изобилует прозаизмами, отличается «низким слогом», избранным Пушкиным для своего повествования. Такой новый подход к роману автор объяснил в одном из лирических отступлений «Путешествия». Строфы эти по праву считают эстетическим манифестом поэта, определившим все последующее его творчество.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груды ваших гор,
Долин, деревьев, сёл узор
Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

*

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились...

Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

*

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желания — покой,
Да щей горшок, да сам большой.

*

Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...
Тьфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!
Таков ли был я, расцветая?
Скажи, фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я воображал
Средь пышных, опустелых зал...

Это четкое, ясное, программное заявление первого поэта России было сформулировано им в Павловском в октябре 1829 года и имело огромное значение для дальнейшего развития нашей литературы.

«В годы ссылки, проведенной в Михайловском, Пушкин не только преодолел романтизм, его философские и эстетические идеалы, но и, перейдя на позиции реализма, выработал основы нового мировоззрения — историзм и народность. Они и служили прочным фундаментом и для художественного исследования действительности нового времени, и для начатого в другую эпоху произведения (романа «Евгений Онегин».— **А. П.**)...

Литература держала своеобразный экзамен на зрелость, на свое право быть эхом русского народа, быть ему нужной, способной выражать и формировать национальное самосознание и в решающую минуту «воспламенять бойца для битвы»...

Художественное исследование общественной и социальной жизни России на всех ее уровнях могло быть осуществлено только с позиций реализма или, выражаясь исторически, в терминах эпохи, с позиций «поэта жизни действительной».

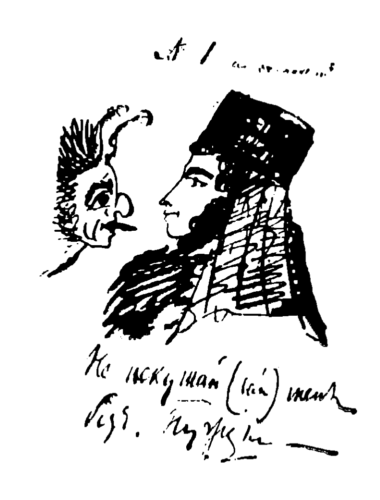
Так определилось намерение Пушкина сформулировать свою эстетическую позицию, решительно вторгнуться в литературный процесс и, ссылаясь на свой прошлый романтический опыт, объяснить, почему он преодолел романтизм, как обогащает и по-новому вооружает литературу обнаружение поэзии в самой действительности...

Лирические строфы, входившие в главу «Путешествие Онегина»... были программными для Пушкина: они ориентировали развитие литературы по пути демократизации и потому оказались мостом в новый период — тридцатые годы» [100].

Год спустя в Болдине, создав ряд произведений, утверждающих «поэзию действительности», открывающих новые пути русской литературе, Пушкин доказал, что его декларация реализма была не пустым звуком.

Говоря об «иных картинах», интересующих теперь

художника, Пушкин точными мазками набрасывает выразительный пейзаж. Велико искушение соотнести его с реалиями Павловского: ведь совпадение почти полное. Здесь до сих пор есть «пруд под сенью ив густых», и утки в нем резвятся, и песчаный косогор у околицы. А прежде были в усадьбе скотные дворы, гумно, алели перед избушками рябины. Павловское встречало путника бедными крестьянскими дворами с покосившимися заборами... Словом, совпадений в реальном и пушкинском пейзажах достаточно, чтобы сказать, что последний писан с натуры.

Однако все здесь сложнее, чем кажется на первый взгляд. Окрестные пейзажи действительно нашли отражение в произведениях, созданных Пушкиным в Павловском, и мы еще убедимся в этом с достаточной очевидностью. Но в знаменитых строфах «Путешествия» поэт не ставил перед собой задачи написать **конкретную картину.** Он привел характерные реалистические компоненты **типичного** русского сельского пейзажа. В них сплавились, перекипев в волшебном тигле поэтического воображения, ландшафты Захарова и Михайловского, Тригорского, Павловского и Малинников. Ибо в какой же русской деревне той поры нельзя было увидеть печальную, вросшую в землю избушку с деревьями перед слепыми оконцами, скрипучую калитку на лыковых петлях, покосившуюся ограду, позеленевший пруд, гумно... Все это было и в Павловском, обычном

сельце срединной России, убогом и живописном одновременно. И оно, много раз виденное поэтом, отразилось в «иных картинах», послужило отправной точкой для первого наброска.

Черновые рукописи «Путешествия» позволяют проследить ход поисков Пушкиным необходимых ему деталей пейзажа, символизирующего крестьянскую Россию, нищую, печальную, но бесконечно им любимую: неброскую природу, которая вытеснила из его сердца «пустыни, волн края жемчужны, и моря шум, и груды скал».

Вначале картина, вернее, ее эскиз, существенно отличалась от завершенного белового варианта:

Мне милы скромные картины
Люблю песчаный косогор
Перед избушкой две рябины
Избушку, сломанный забор —
Да через светлую полянку
Вдали бегущую крестьянку —

За нивой дымные овины
Да стройных прачек у плотины.

Этот набросок еще не обработан, в нем — случайные штрихи и уже знакомые определения («овины дымные и мельницы крылаты» — это из «Деревни»). Потом появляется строка: «На небе серенькие тучки». Она останется в беловой рукописи, но без уменьшительного суффикса в слове «тучки». К ней будет пробоваться «Детей кучки». Затем Пушкин отвергнет эту недописанную строчку, уберет и те, где присутствуют люди,— «вдали бегущую крестьянку» и «стройных прачек у плотины», и оставит чистый пейзаж, в котором человек присутствует незримо. Появится в рукописи «ручей среди долины», «обрушенный забор», «колодец», «долина». Несколько раз переделывалась строка «За нивой дымные овины»: «Солому дымную в овине», «Солому свежую в

Онегинъ

Часть первая. Предисловіе

I песнь. Хандра. Кишиневъ, Одесса

II — Поэтъ. Одесса 1824

III — Барышня. Одесса, Мих. 1824

Часть вторая

IV песнь. Деревня. Михайлов. 1825

V — Имянины. Мих. 1825, 1826

VI — Поединокъ. Мих. 1826

Часть третья

VII песнь. Москва. Мих. П.Б. Малинн. 1827, 8

VIII — Странствіе. Моск. Павл. Болд.

IX — Большой свѣтъ. Болд.

Примечаніе [illegible]

1823 год. 9 мая. Кишиневъ — 1830 25 сент. Болдино

[illegible] 26 сент. [illegible]

А.П. Р.В.

[illegible] 4 мес. 17 д.

7 л. 4 мес. 17 дней.

овине». В итоге все варианты были отвергнуты. Постепенно под пером поэта, словно на переводной картинке, возникал необходимый ему пейзаж — одновременно и символический, и конкретно, осязаемо достоверный. С такой же тщательностью отделывались и остальные фрагменты этих строф.

Отрывок из «Путешествия Онегина» — четыре строфы — был опубликован 1 января 1830 года в первом номере «Литературной газеты». Вся глава завершена автором в Болдине и напечатана со следующим предисловием:

«Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем весьма справедливым и остроумным). Автор чистосердечно признается, что выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России. От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цыфром; но во избежание соблазна решился он лучше выставить, вместо девятого нумера, осьмой над последней главою Евгения Онегина, и пожертвовать одною из окончательных строф:

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал —
Хвала вам, девяти каменам, и проч.

П. А. Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение, может быть, и выгодное для читателей, вредит однако ж плану целого сочинения; ибо через то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъяснимым.— Замечание, обличающее опытного художника. Автор сам чувствовал справедливость оного, но решился выпустить эту главу по причинам, важ-

ным для него, а не для публики. Некоторые отрывки были напечатаны; мы здесь их помещаем, присовокупив к ним еще несколько строф».

Каковы же причины, побудившие Пушкина убрать из главного своего создания целую главу? Их раскрыл Катенин в письме к Анненкову: «Об осьмой главе «Онегина» слышал я от покойного в 1832 году, что сверх Нижегородской ярманки и Одесской пристани Евгений видел *военные поселения*, заложенные гр. Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению, и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую и как бы оскудевшую».

Как видим, причины были действительно важные для автора, и он, вероятно, уничтожил «крамольные» строфы и лишь некоторые фрагменты перенес в VII главу романа.

В 1830 году, завершив в Болдине «Евгения Онегина» Пушкин набросал план и хронологию его издания, где помечено, что две главы писались в Тверской губернии — в Малинниках и Павловском.

Онегин

Часть первая. Предисловие
I песнь Хандра *Кишинев,* Одесса
II *Поэт* Одесса 1824
III *Барышня* Одесса. Мих. 1824

Часть вторая
IV песнь *Деревня* Михайлов. 1825
V *Имянины* Мих. 1825. 1826
VI *Поединок.* Мих. 1826

Часть третья
VII песнь *Москва* Мих. П. Б. Малинн. 1827.8

VIII *Странствие* Моск. Павл. 1829.
Болд.

IX *Большой свет* Болд.

Примечания

1823 год 9 мая *Кишенев* — 1830 25 сент. Болдино — 26 сент. А. П.

И жить торопится и чувствовать спешит

К. В.

7 лет 4 месяца 17 дней.

Так завершился огромный труд, в историю создания которого рукой самого Пушкина вписаны две старицкие деревни — Малинники и Павловское. С полным основанием мы могли бы добавить к ним Берново и Курово-Покровское.

Творческие итоги «павловской осени» не ограничиваются «Путешествием Онегина». Параллельно с ним писалось стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне?..», завершенное 2 ноября. По стилистике оно тесно примыкает к «Путешествию». Нам же произведение это, значительное само по себе, интересно еще и тем, что является как бы поэтической стенограммой пребывания Пушкина в Павловском. Он фиксирует настроение, которое владело им в те дни:

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами,
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;

Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идут в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),—
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

Пушкин достоверно описал атмосферу вульфовского дома, привычную провинциальную скуку, круг интересов и проблем, занимающих хозяев. Любопытно сопоставить эти строки с дневниковой записью А. Н. Вульфа о своих старицких родственниках и знакомых.

«Все они съезжались раза два в неделю проводить время или в рассказах о своем хозяйстве, которым ни один порядочно не занимался, или в неразорительной

игре в вист (помните, в письме Пушкина к Дельвигу: «...играю в вист по 8 гривн роберт...» — **А. П.**). Мало занимаясь тем, что делается за границею их имений, проводят они дни в спокойной бездеятельности».

И еще одно важное для нас свидетельство. Екатерина Евграфовна Смирнова, жившая в доме Павла Ивановича, вспоминала: «Вставал он (Пушкин.— **А. П.**) по утрам часов в девять-десять и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы...

Павел Иванович был... много старше его, но отношения их были добродушные и искренние.

...Павел Иванович, действительно, был очень добрый, но флегматичный человек, и Александр Сергеевич обыкновенно старался расшевелить его и бывал в большом восторге, когда это ему удавалось».

Сопоставление этих записей со стихотворением убеждает, что в «Зиме...» многое действительно написано с натуры и в том же самом ключе, что и центральные строфы «Путешествия Онегина».

«Усталый, с лирою я прекращаю спор». Бывало и так, но не часто: в Павловском поэт работает почти без перерыва. И уже через день после того, как было закончено стихотворение «Зима...», пишет свое волшебное «Зимнее утро». Он побеждает в споре с лирой, и она вновь начинает звучать волнующе, вдохновенно:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Этот блистательный шедевр пушкинской лирики несет в себе некоторые вполне реальные приметы Павловского. «Печальное селенье» в «глухой стороне» вдруг озарилось ярким светом гения, и отблески волшебного пламени не померкли до сих пор. С восторгом, может быть несколько наивным, но трогательным в своей искренности, мы и сегодня, оказавшись в Павловском зимой, «узнаем» зеленеющую сквозь иней ель, блестящую подо льдом речку. Эту связь «копии и оригинала», как бы условна она ни была, теперь уже никто не властен расторгнуть, ибо свидетельство поэтическое — самое достоверное из всех возможных.

Два «зимних» стихотворения, написанные в Павлов-

ском, находятся в сложном внутреннем единстве. Второе как бы продолжает первое, подхватив его концовку: «Как дева русская свежа в пыли снегов!» Кажется, что это к ней, белокурой красавице, озарившей своей улыбкой приют поэта, обращены такие прозрачные, звенящие чистым серебряным колокольцем строфы «Зимнего утра».

К названным стихотворениям можно отнести и написанный здесь же годом раньше и оставшийся незавершенным отрывок «Как быстро в поле, вкруг открытом...». Вместе они составляют поэтическую триаду о старицкой зиме. Интересно, что в отрывке 1828 года есть строки, перекликающиеся с финалом стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?..»:

Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

Сравним эту строфу с заключительными стихами «Зимы...» — «Но бури севера не вредны русской розе. Как жарко поцелуй пылает на морозе!» Та же мысль выражена почти теми же словами, сохранена и рифмовка. Вероятно, здесь не простое совпадение, а сознательное использование поэтом понравившегося ему образа в наброске, который он по неизвестным нам причинам не стал обрабатывать, но, вернувшись к нему через год, частично использовал в одном из лучших своих стихотворений.

Месяц в Павловском — это не только «Путешествие Онегина» и великолепная лирика. Здесь Пушкин начал работать над поэмой «Тазит», задуманной вскоре после окончания «Полтавы». Планы, набросанные осенью 1829 года, свидетельствуют о том, что «Тазит» мыслился как широкое полотно.

I

Обряд похорон
Узден и меньший сын
I день — лань — почта, грузинский купец
II — орел, казак
III — отец его гонит
Юноша и *монах*
Любовь, отвергнутый
Битва — *монах*

II

1 Похороны
2 Тризна. Черкес христианин
3 Купец
4 Раб
5 Убийца
6 Изгнание
7 Любовь
8 Сватовство
9 Отказ
10 Миссионер
11 Война
12 Сраженье
13 Смерть
14 Эпилог

Вскоре после того как был составлен этот план, появились и первые строки «Тазита»:

Не для тайного совета,
Не для битвы до рассвета,
Не для встречи кунака,
Не для свадебной потехи
Ночью съехались адехи
К сакле... старика.

В дальнейшем Пушкин отказался от этого размера и переписал начальные сцены, сохранившиеся в черновиках. Он выбрал более емкую стопу:

Не для бесед и ликований,
Не для кровавых совещаний,
Не для расспросов кунака,
Не для разбойничьей потехи
Так рано съехались адехи
На двор Гасуба старика.

В Павловском «Тазит» не был завершен. Пушкин успел написать лишь несколько сцен. В 1830 году он вернулся к поэме, но до конца не довел. И нам остается

только пожалеть, что интересный замысел не нашел окончательного воплощения. Однако и то, что было сделано, представляет большой интерес. Исследователи творчества поэта сходятся на том, что «Тазит» знаменует принципиально важный этап в поисках Пушкиным новых средств выразительности в полностью освоенном им и любимом жанре поэмы. «...В развитии пушкинской народности «Тазит»,— пишет Д. Благой,— представляет собой дальнейший, я бы даже сказал, качественно новый для жанра поэмы этап по сравнению с «Полтавой»... от «Тазита» прямой путь к поэме-драме «Русалка», к пушкинским сказкам 30-х годов, к «Песни о Георгии Черном» [101].

Соглашаясь со справедливостью вывода, сделанного авторитетным пушкинистом, следует добавить, что этот путь ведет и к драматическим произведениям, созданным год спустя в Болдине. И в этом — один из важнейших творческих итогов павловской осени, когда Пушкин, почти через пять лет после написания «Бориса Годунова», вновь обратился к драматургии, но уже на ином, качественно новом материале, когда перед ним стояли другие, более сложные творческие задачи. В их решении значительную роль сыграла «Русалка», создание которой, как мы увидим, тесно связано с Тверской губернией. Значительная часть драмы была написана в Павловском, в тех местах, где родилась легенда, подсказавшая Пушкину сюжет этого произведения.

«Берновская трагедия»

«Русалка» осталась незавершенной. В последний раз Пушкин обратился к давнему своему замыслу весной 1832 года. Но что-то помешало ему довести работу до конца. Больше к этой драме он не возвращался по причинам, нам неизвестным. Как неизвестны и многие обстоятельства, связанные с работой над «Русалкой», на что справедливо сетуют исследователи. Так, Б. П. Городецкий в книге «Драматургия Пушкина» пишет:

«Незначительное количество дошедших до нас черновиков «Русалки» (у Пушкина рукопись названия не имела, оно дано издателями.— **А. П.**) и отсутствие в них достаточных данных для суждений о характере и особенностях творческого процесса, а также полное отсутствие упоминаний о «Русалке» в переписке Пушкина крайне затрудняют изучение творческой истории драмы» [102].

По Городецкому, ключ к генезису «Русалки» — ее народная основа, мир фольклорных образов, который окружал поэта в Михайловском. Драма должна быть поставлена в один ряд с такими произведениями, как «Жених», «Песни о Стеньке Разине», «Всем красны боярские конюшни...», «Утопленник»... Вероятно, это справедливо: в Михайловском Пушкин увлеченно изучал любимое им народное творчество, записал несколько десятков ус-

лышанных здесь песен. Одна из них впрямую использована в «Русалке» («Бестолковый сватушко!»). Но местный фольклор не единственный источник драмы. В некоторых работах указывается на близость первоначального замысла «Русалки» к сюжету фантастической оперы Николая Краснопольского «Днепровская русалка». Но и это, на наш взгляд, не было определяющим.

Предположение о том, что замысел «Русалки» возник у поэта еще в Михайловском, подтверждается, в частности, записью в дневнике Франтишека Малевского. Человек этот был близким другом Адама Мицкевича. В 1823 году их вместе выслали из Польши в Петербург. Юрист по образованию, сын ректора Виленского университета, Малевский в 1827—1829 годах жил в Москве, был знаком с Пушкиным, Вяземским, Полевым, вел дневник, в который заносил беседы с литераторами. 19 февраля 1827 года он присутствовал на вечере у Полевого, где был и Пушкин, после чего записал в дневнике среди прочего: «Трагедия Павла. Мельник».

«Эти три слова говорят о задуманных Пушкиным драмах «Павел I» и «Русалка». Мы узнаем, что драма «Павел I» (заглавие которой было известно по записи самого Пушкина в перечне задуманных им драм) не только смутно рисовалась великому поэту, но как-то уже воплощалась в его сознании; иначе едва ли бы стал он говорить о своем замысле в широком писательском кругу...

То же самое относится и к «Русалке», замысел которой, оказывается, много опередил ее написание» [103],— считает Т. Г. Цявловская, тщательно анализировавшая дневник Малевского.

Итак, драма задумана в 1826 году. Возможно, тогда же были сделаны первые ее наброски, разработан или хотя бы намечен план, осуществление которого отодвинулось на несколько лет. Причин могло быть мно-

жество. Не будем искать их и строить бесплодные догадки. Попробуем понять, почему Пушкин вернулся к этому замыслу **именно в Павловском осенью 1829 года.**

Датировка драмы убедительно разработана С. М. Бонди. Мы знаем, что «Русалка» писалась в начале ноября 1829 года, осенью 1830 года и в апреле 1832 года, когда и была перебелена. Для нас в данном случае особенно важна дата — осень 1829 года. Пушкин, возвращаясь с Кавказа, «своротил» к Павлу Ивановичу Вульфу, где вскоре продолжил работу над «Путешествием Онегина», а затем вдруг обратился к «Русалке», написал сцены «Светлица» и начало сцены «Днепр. Ночь» (первый монолог князя и песня русалок). Подчеркнем, что именно здесь, в Павловском, появились строки:

Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы —
Вот мельница! Она уж развалилась;
Веселый шум колес ее умолкнул;
Стал жернов — видно, умер и старик.
Дочь бедную оплакал он недолго.
Тропинка тут вилась — она заглохла,
Давно-давно сюда никто не ходит...

(Выделено мною.— **А. П.**)

Запомним этот фрагмент и вернемся на несколько месяцев назад, к весне 1829 года, когда, как мы знаем, Пушкин, направляясь в Арзрум, побывал в Грузинах, встретился там с А. А. Раменским, подарил ему книгу, на которой **написал для него** четверостишие из раннего варианта «Русалки».

До сих пор не было известно, где, кроме Грузин, побывал поэт в этот свой приезд в Тверскую губернию. Теперь есть возможность назвать его маршрут. Поможет нам в этом письмо Константина Марковича Полторацкого к своему родственнику Павлу Николаевичу Безобразову, отправленное из Грузин во Владимир 10 мая 1829 года. Мы приводим фрагмент письма, кото-

рое передано нам А. А. Раменским (копия сделана в 1938 году с оригинала, хранившегося в Мологине и, вероятно, погибшего или затерявшегося в годы Великой Отечественной войны):

«Порадовал нас приезд в наши края дорогого друга нашего Александра Сергеевича Пушкина, пробыл [он] в наших краях порядочно... Какой это, друг мой, человек, скажу я тебе, в наших Грузинах он всех очаровал. Вместе с ним был учитель Алексей Алексеевич Раменский, с которым я тебя знакомил у себя, тоже чудесный человек, его везде принимают в наших семьях как друга Пушкина и родственника Карамзина.

Сейчас Александр Сергеевич и учитель Раменский объехали вместе почитай всю округу, все их интересует, прелюбопытные они люди, побывали они в Бернове, Мологине, Старице, Коноплине. Говорят, Александр Сергеевич подарил Раменскому какую-то английскую книгу со своим автографом».

Свидетельство К. М. Полторацкого является чрезвычайно важным. Благодаря ему мы узнаем, что Пушкин весной 1829 года снова побывал в Бернове. Что привело его туда? Вероятно, отнюдь не желание увидеться с хозяином имения И. И. Вульфом, отношения с которым у поэта были прохладные. Скорее всего, он хотел вновь навестить места, о которых ему рассказывал Алексей Алексеевич,— места, связанные с легендой о берновской русалке. Предположение тем более основательно, если учесть, что путешествовал Пушкин по округе с человеком, который прекрасно знал местные легенды и были. Только что, в Грузинах, поэт подарил учителю томик «Айвенго» со стихами из «Русалки», и вполне естественным было желание Пушкина вновь услышать древнее предание, увидеть развалившуюся мельницу, замшелую избушку на берегу Тьмы. Инициатором поездки мог быть, конечно, и сам Раменский,

предложивший навестить Берново, где к тому же учительствовал его младший брат Александр, с которым Пушкин был знаком по поездке 1828 года.

Наши предположения относительно Бернова и «Русалки» подтверждаются еще одним важнейшим источником — ранее неизвестными письмами Сергея Дмитриевича Полторацкого к Александру Алексеевичу Раменскому. Копии этих писем хранятся у Антонина Аркадьевича Раменского, оригиналы, вероятно, погибли в Мологине.

С. Д. Полторацкий, много сделавший для изучения и пропаганды творчества горячо любимого им Пушкина, собирал материалы биографии поэта. 10 июня 1845 года он писал в связи с этим в Мологино из Москвы:

«Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Я пишу Вам, как видите, вскоре после последней встречи в Грузинах. Я много думал над одним эпизодом из тех разговоров, которые велись в Бернове вокруг творчества Александра Сергеевича, связанного с его пребыванием в Старицком уезде. Речь шла о создании «Русалки», которая хотя и опубликована, но вызывает до сих пор споры в литературных кругах...

Любезный Александр Алексеевич, беспокою я Вас, батенька, вот по какому вопросу: когда мы были у Чаадаева и разговорились, вспоминая нашего незабвенного Александра Сергеевича, то вспомнили о том, как на вечеру у Алексея Николаевича Вульфа, в Бернове, говорили о том, как Александр Сергеевич передал Вашему покойному братцу Алексею Алексеевичу одну рукопись. Я как-то при встрече спросил тогда у него, что это была за рукопись?

Алексей Алексеевич мне тогда сказал, что однажды, во время своих прогулок с Пушкиным вокруг Бернова, он ему рассказал трагическую историю о гибели одной девушки, обманутой одним из дедов Вульфов, которая

утопилась в омуте на реке Тьме. Они ходили с Пушкиным на этот омут, и тогда Пушкин сказал, что обязательно напишет об этой девушке. Через некоторое время Пушкин, снова побывав в Бернове, вернулся к этой теме, сделав набросок трагедии, очень краткий, и пересказав коротко рассказанную мною историю о ее гибели. Он не раз ходил к этому омуту, сделал на полях много зарисовок старой мельницы, мельника, реки, старинных дубов, что были в Бернове, а когда уезжал в Петербург, Пушкин передал мне эту небольшую тетрадь и просил меня прочитать и сделать свои замечания. Это, наверное, был первый набросок его, потому что он потом у меня рукопись не спрашивал, хотя я слыхал, что он продолжает писать на эту тему.

Вот весь рассказ Алексея Алексеевича. Об этом я рассказал на вечере у Чаадаева, и все литераторы заинтересовались этим делом и очень просили меня узнать у Вас, сохранилась ли в Вашем доме эта рукопись. Все считают, что это была первая рукопись знаменитой «Русалки», которая была издана уже после смерти поэта. Литераторы очень хотели сравнить рукопись с напечатанной книгой, и они просили меня навести у Вас справку. Скоро буду в Грузинах и тогда поговорим...

Уваж. Вас С. Д. Полторацкий».

Раменский выполнил просьбу: снял копию с «Берновской трагедии» и отослал в Москву. О том, что это было именно так, свидетельствует второе письмо С. Д. Полторацкого в Мологино, написанное в декабре 1845 года:

«Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Вы даже не можете себе представить, дорогой Александр Алексеевич, какую истинную радость Вы доставили нам, московским почитателям таланта покойного А. С. Пушкина, прислав великолепную копию первого

пушкинского варианта «Русалки» (Берновской трагедии). Вся наша дружная компания литераторов во главе с Петром Яковлевичем (Чаадаевым.— **А. П.**) с благоговением сличает строки бессмертного творения Пушкина, написанного в порыве творческого вдохновения, с уже опубликованным изданием оной.

Сейчас уже почти никто у нас не сомневается, что «Русалка» является классической народной драмой, отразившей быт, дух, нравы средней полосы России, а точнее, тех мест, где творил Александр Сергеевич (Тверской край), и что в основе опубликованной «Русалки» лежит его первый набросок, сделанный в Мологине. Историческая правдивость, народность легенды, рассказанной Вашим братом, вдохновила великого поэта на создание истинно народной драмы...»

Приведенные нами письма С. Д. Полторацкого проливают свет на одно из значительнейших произведений Пушкина, существенно дополняют историю создания «Русалки», подтверждают тверскую основу драмы...

А теперь о судьбе пушкинской рукописи. Она бережно хранилась в мологинском доме Раменских вместе с остальными реликвиями. В 1899 году отмечалось столетие со дня рождения поэта. В связи с этим в Петербурге была организована юбилейная выставка. Раменские послали туда коллекцию собранных ими пушкинских вещей, рукописей, писем, в том числе и «небольшого формата тетрадь с набросками и рисунками, под названием «Берновская трагедия» (А. П. Раменский). В 1918 году тетрадь была передана ее владельцами в Народный Комиссариат просвещения и в Мологино уже не возвращалась. Попытки А. А. Раменского отыскать следы рукописи пока успехом не увенчались.

Что же все-таки было в «тетрадке, насчитывающей около 30 страниц»? Возможно, несколько черновых сцен «Русалки», которые в основной текст полностью не вош-

Адел

Ек

Дамы,

Живо

Ниц
+
Н.

ли. Не исключено, что это был черновик, первый набросок сцены, получившей название «Днепр. Ночь», ибо именно она ближе всего к легенде, услышанной Пушкиным от А. А. Раменского, и к описаниям омута и мельницы в воспоминаниях Н. П. Раменского. Здесь возможны лишь догадки, по крайней мере, до тех пор, пока не будет найдена (если вообще будет найдена) загадочная тетрадь или копия, сделанная Раменским для С. Д. Полторацкого. Но сейчас, в свете публикуемых нами новых материалов, можно с большой степенью вероятности предположить, что одной из причин, побудивших Пушкина осенью 1829 года вновь обратиться к задуманной им драме, явилось само пребывание поэта в Павловском, в тех местах, где неоднократно слышал он легенду о русалке. Прогулки по «знакомым печальным местам», старая мельница, омут на Тьме вернули его к тем дням, когда впервые бродил он здесь с сельским учителем, внимая его рассказам.

Теперь, вслед за С. Д. Полторацким, можно утверждать, что в творческой истории «Русалки» важную роль сыграл тверской фольклор. И сама легенда, и места, в которых она родилась, нашли отражение в драме — в ее сюжете и, вероятно, в общем замысле.

В Бернове и окрестностях бытовало много легенд, сходных с той, которая полюбилась поэту. «Что сюжет драмы Пушкина «Русалка»,— пишет Т. Г. Цявловская,— восходит к происшествию, случившемуся будто бы в Бернове, постоянно рассказывали местные люди. Сообщал об этом в восьмидесятых годах берновский помещик Н. И. Вульф, который мальчиком двенадцати лет знал Пушкина, когда поэт приезжал к ним в дом в Берново. «...Сюжет «Русалки»,— пишет с его слов тверской краевед,— Пушкину подала судьба дочери одного мельника их имения. По этому преданию, дочь этого мельника была влюблена в одного барского камердинера;

этого камердинера за какую-то вину барин отдал в солдаты, и она с отчаяния утопилась в мельничной плотине» [104].

Легенду эту, пересказанную почти теми же словами, доводилось слышать и нам более чем через сто лет после того, как она была записана здесь, в Бернове, краеведом И. А. Ивановым. В ней было одно разночтение: дочь мельника утопилась после того, как была обманута **соседним помещиком.** Есть и другой вариант предания, записанный А. Н. Понафидиной: «От моей бабушки тетушка (П. О. Лизунова.— **А. П.**) слышала, что в основу своей драмы «Русалка» Пушкин положил происшествие, о котором узнал он в бытность свою в Бернове, но от кого и как — не знаю.

В конце XVIII столетия или начале XIX приехал погостить в Берново к моему прадеду Ивану Петровичу Вульфу его знакомый, большой сановник, московский главнокомандующий Тутолмин. Привез он с собой своего лакея, столичного красивого франта. У местного мельника была красавица дочь, известная своей красотой по всей волости. С этим лакеем у нее завязался роман. Он ухаживал за ней, соблазнил ее и уехал, оставив беременной. Девушка не вынесла этого позора, горя от стыда, и утопилась в берновском омуте» [105].

Нам известно еще несколько вариантов предания. Не станем их приводить, заметим только, что расхождения в них касаются главным образом деталей этой истории, но место действия — Берново — остается всегда неизменным. Пушкин, вероятно, знал и другие «редакции» «Берновской трагедии», но, судя по тексту «Русалки» и приводившимся выше свидетельствам, отдал предпочтение услышанной им из уст Раменского. В ней была сохранена поэтичность фольклорного творения в сочетании с достоверностью повествования, что особенно ценил поэт в народном творчестве.

1829 год был решающим в судьбе «Русалки»: в Павловском драма стала обретать те достоинства, которые впоследствии сделали ее, даже неоконченную, одним из значительнейших произведений Пушкина. Она явилась важным связующим звеном предшествующей и последующей его драматургии, мостиком между «Борисом Годуновым» и «маленькими трагедиями». Созданная на основе фольклора и реальной народной жизни, «Русалка» —высокий образец реалистической драмы, социально направленной, глубокой по содержанию, блистательной по форме. Ее реализм — новая ступень в творческой эволюции поэта. Это произведение в значительной мере определило дальнейший путь развития данного жанра в русской литературе, решив многие принципиальные проблемы, связанные с созданием русской народной драмы. Н. Г. Чернышевский ценил «Русалку» как одно «из превосходнейших произведений Пушкина, которое едва ли не должно в художественном отношении (не по содержанию, не по мысли, а по эстетическим достоинствам исполнения) поставить наравне с «Медным всадником» и «Каменным гостем», выше и «Цыган», и «Братьев-разбойников», и «Полтавы» [106].

Не станем больше ссылаться на авторитетные источники, подтверждающие связь «Русалки» с тверским краем. В памяти народной она всегда будет связана с берновским омутом, от которого и сегодня веет поэзией и тайной. Стоя у спокойной воды, сразу вспоминаешь пушкинские строки, сказанные им будто о себе самом:

Невольно к этим грустным берегам
Меня влечет неведомая сила.
Все здесь напоминает мне былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повесть.
Здесь некогда любовь меня встречала,
Свободная, кипящая любовь;
Я счастлив был...

Сила стихов так велика, что воображение «восстанавливает» истлевшую плотину, а роща, шумящая на берегу, кажется тем самым разросшимся садиком, который поразил князя. И мы узнаем «окрестные предметы». Только вот тропинка, что «тут вилась», не заглохла: сотни людей идут по ней к берегу, воспетому поэтом.

Негромко шумит под крутым каменистым берегом Тьма, и ее прозрачная вода вдруг уходит в темно-зеленую глубину. Над рекой поднимаются вековые деревья. Правый берег — мрачный, таинственный, левый — низкий, веселый, солнечный.

В 1891 году приехал в эти края по совету приятельницы семьи Чеховых Лидии Стахиевны Мизиновой знаменитый художник Исаак Левитан. Поселился в деревне Затишье Старицкого уезда. Природа очаровала его. Вскоре сообщал он А. П. Чехову: «Пишу тебе из этого очаровательного уголка земли, где все, начиная с воздуха и кончая, господи прости, последней что ни на есть букашкой на земле, проникнуто ею,— божественной Ликой. Поселились мы в Тверской губернии, близ усадьбы Понафидина, дяди Лики».

Очарование, наполнявшее душу живописца, излилось в прекрасном холсте «У омута», который позднее был приобретен П. М. Третьяковым.

Любопытные детали приводит в своих воспоминаниях С. П. Кувшинникова: «Этюд для этой картины Левитан сделал в Бернове, в имении баронессы Вульф, на мельнице, куда мы ездили на пикник. Увидев Левитана за работой, баронесса подошла к нему и спросила:

— А знаете, какое интересное пишете вы место? Это оно вдохновило Пушкина к его «Русалке».

А затем она рассказала трагедию, связанную с этим омутом...

С моим отъездом в Москву Понафидины предложи-

ли Левитану перебраться к ним, в Покровское, и тут в отведенном ему под мастерскую большом зале он и написал свою картину...»

Кувшинникова вспоминает, что Левитан написал у омута этюд для картины. Много лет спустя выяснилось, что художник сделал несколько набросков. Один из них нам довелось увидеть 6 июня 1973 года, в день рождения поэта, в московском Государственном музее А. С. Пушкина. Но не в экспозиции, а в качестве только что полученного музеем дара. На этюде запечатлен знакомый омут. Две надписи определяют автора и место создания наброска: «Левитан», «Берново». Работа эта хранилась в семье берновских Вульфов, затем была подарена ими Раменским, Антонин Аркадьевич передал этюд «дому поэта» на Кропоткинской.

Так неожиданно берновская легенда откликнулась еще раз, соединив имена двух художников.

«...Деревня же наш кабинет»

«Вот уж две недели как я живу в деревне и не вижу как время летит. Отдыхаю от Петербургской жизни, которая мне ужасно надоела. Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камерюнкеру. Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете».

Строки эти можно принять за фрагмент одного из писем Пушкина, отправленных им из Тверской губернии. Собственно, это и есть письмо. И написано оно Пушкиным именно в тех местах, которые так часто навещал он в 1828—1829 годах. Только авторство на этот раз передано Владимиру ** — из «Романа в письмах». Однако нетрудно заметить, что материал и там и здесь весьма сходный. И это не простое совпадение образов, мыслей, пейзажей, а намеренное использование поэтом старицких впечатлений и наблюдений в произведении, над которым он работал в Павловском осенью 1829 года. «Роман в письмах» (в рукописи названия не имел и был озаглавлен издателями), оставшийся незаконченным, явился важной вехой на пути поэта к реалистической повествовательной прозе.

За два года до этого в Михайловском Пушкин начал писать свой первый **роман в прозе** — «Арап Петра Великого». И это не было случайностью.

«Как вся поэтическая работа Пушкина,— пишет С. Бочаров,— его эволюция к прозе сопровождалась ясным самосознанием. Движению к прозе сопутствовала своеобразная «теория прозы», рассеянная не только в статьях и заметках (а также в письмах), но и в самих стихах. «Унижусь до смиренной прозы», «Лета к суровой прозе клонят»... [107]

Многочисленные упоминания «прозы» в стихах, письмах Пушкина в предшествующие годы не случайны. Они свидетельствуют о том, что поэт серьезно думал об этом роде литературы, критически оценивал достижения предшественников. По сути дела, до Пушкина реалистической русской прозы не существовало, и именно ему принадлежит честь создания первых образцов таковой. Движение литературы, внутренняя эволюция самого поэта, потребность говорить с народом на более понятном и доступном ему языке (в сравнении со стихотворным) и определили прозаические опыты Пушкина.

«Арап Петра Великого» — роман исторический, что опять-таки не случайно: историзм — одна из основ творческого метода Пушкина. Минуло несколько лет, прежде чем поэт вновь обратился к прозе. И произошло это в Павловском, где он писал свое второе крупное прозаическое произведение — «Роман в письмах», который явился решающим этапом в подготовке к созданию «Повестей Белкина». Взаимосвязь этих произведений несомненна. Более того, она очевидна. Мы даже склонны рассматривать этот роман как своеобразную заготовку к «Повестям...», их эскизы. К такому выводу приводит анализ текста «Романа...», прямое перенесение из него в «Повести...» отдельных отрывков, характери-

стик героев. Характерно и то, что Пушкин, написав значительный по объему фрагмент, не стал публиковать его: задача, которую ставил он себе в Павловском, была выполнена им год спустя в Болдине, и печатать «Роман в письмах» уже не имело смысла. Тема была исчерпана творениями «покойного Ивана Петровича Белкина». Замысел их, как мы знаем, обрел конкретные очертания тогда же, в Павловском. Тем более интересно и важно вновь обратиться к «Роману...», который по времени создания был последним этапом на пути Пушкина к первому завершенному прозаическому произведению.

Мы уже отмечали, что реальные приметы тверского края, наблюдения поэта над жизнью и бытом провинциального старицкого, торжокского, ржевского дворянства отразились в его произведениях. Люди, с которыми он встречался, стали прототипами многих художественных образов, события, участником или свидетелем которых он был, подсказали сюжеты, дали повод к раздумьям о судьбах России, ее прошлом и будущем.

С наибольшей полнотой тверской материал воплотился в «Романе в письмах». Он писался в октябре — ноябре 1829 года параллельно с «Путешествием Онегина», «Русалкой», лирическими стихами. Автор точно обозначил начало работы: в черновиках перед первой главой (письмо «Лиза — Саше») проставлена дата — «21 октября». Под текстом письма помечено — «Село Павловское». Пометка сохранена автором и в беловой редакции. Это значит, что Пушкин хотел конкретизировать место действия, назвать точные «координаты» тех мест, в которых происходят описываемые им события. Но и не будь этой важной для нас приметы, нетрудно было бы отыскать здесь реалии Павловского и окрестных имений. Отметим лишь некоторые из них.

«Вот уже две недели как я живу в деревне и не вижу как время летит». Названный срок соответствует времени пребывания поэта в Павловском, а описание деревни и отношение к деревенской жизни героя «Романа...» дано почти теми же словами, что и в письмах самого Пушкина из этих мест: «Здесь мне очень весело, ибо деревенскую жизнь я очень люблю» (письмо к Дельвигу из Малинников осенью 1828 года).

«...В наши времена уехать за 500 верст от Петербурга, для того чтоб увидеться со владычицею своего сердца — право многое стоит». Названная поэтом цифра соответствует расстоянию от Петербурга до Павловского.

«...Я приехала к обеду, вхожу в гостиную, нахожу толпу гостей, уланские мундиры, дамы меня окружают...» — сообщает Лиза Саше. А вот что писал в это же время Пушкин А. Н. Вульфу: «Евпраксия Николаевна и Александра Ивановна отправились в Старицу осмотреть новых уланов». В 1833 году, вспоминая свои приезды в старицкие края, поэт писал жене из Павловского: «Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями...»

В героях произведения угадываются здешние друзья и знакомые поэта — Вульфы, Вельяшевы, Полторацкие, Понафидины. Вот характерный пример:

«Третьего дня был бал у К**. Народу было пропасть. Танцовали до пяти часов.— К. В. была одета очень просто; белое крепповое платьице, даже без гирлянды, а на голове и шее на полмиллиона бриллиантов: только!»

Здесь, в сцене петербургского бала,— вероятный отзвук того январского бала в Старице, который памятен нам стихами «Подъезжая под Ижоры...», а К. В.— Катенька Вельяшева, очаровавшая поэта. Но конечно же провинциальная барышня была тогда без бриллиантов, их надел на свою героиню Пушкин.

Л. Ф. Керцелли, глубоко и всесторонне исследовавшая связи Пушкина с Павловским и его обитателями, отмечает:

«Характерны и многие имена «Романа в письмах»: Сашенька (так звалась в семье Осиповых-Вульф Александра Ивановна Осипова — Алина, Лиза (Елизавета Петровна Полторацкая, младшая сестра А. П. Керн, подолгу гостившая у своих родственников в Старицком уезде), Алексей (Алексеем звали приятеля Пушкина Вульфа)...» [108]

Сопоставления порой просто поразительны по своему результату. Так, в письме десятом Владимир сообщает другу: «Что касается до меня, я совершенно предался патриаршей жизни: ложусь спать в 10 часов вечера, езжу на порошу с здешними помещиками, играю со старухами в бостон по копейке...» А вот как изображает свою жизнь в Малинниках Пушкин в письме к Дельвигу: «...езжу по пороше, играю в вист по 8 гривн роберт — и таким образом прелепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока...»

Небезынтересно и сравнение «Романа в письмах» со стихами, написанными этой же осенью в Павловском. В пятом письме Лиза говорит Саше: «Если когда-нибудь я выйду замуж, то выберу здесь какого-нибудь сорокалетнего помещика. Он станет заниматься **своим сахарным заводом** (подчеркнуто нами.— **А. П.**), я хозяйством...» Теперь возьмем стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне?..» и найдем соответствующие строки:

Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе...

С «зимними» стихами, написанными в Павловском, перекликаются строки романа: «У нас зима... Это вовсе переменяет образ жизни. Уединенные гуляния прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выезжают

с собаками,— все делается светлее, веселее от первого снега». Словно с натуры написан и дом Павла Ивановича Вульфа: «Деревня наша очень мила. Старинный дом на горе, сад, озеро, кругом сосновые леса, все это зимой и осенью немного печально, но зато весной и летом должно казаться земным раем». Последняя оговорка характерна: Пушкин бывал в Павловском и его окрестностях **только осенью и зимой.** И потому пора эта, особенно любимая им, так ярко описана во многих произведениях, созданных здесь. «Земного рая» в Павловском он не видел и сказал о нем предположительно: «должно казаться». А вот осеннюю печаль отметил не однажды и не только в данном произведении.

Приводя эти сравнения, мы не ставим своей единственной целью доказать местную основу «Романа в письмах». Произведение это — не очерк, не дневник, и потому важны в нем не столько реальные детали вульфовского поместья, сколько то содержание, которое вложил в повествование автор. А содержание «Романа...» отнюдь не исчерпывается описанием деревенской жизни. Сельской идиллии сентиментальных героинь противопоставлена современная Пушкину крепостная деревня. Писатель поставил своей целью нарисовать типичную картину провинциальной России. Избранная для этого форма (роман в письмах) не позволила в полной мере реализовать задачу. И все-таки роман — значительное произведение. Наряду с другими, созданными в это время, он определяет важный период творческой биографии Пушкина.

Тесное общение с народом, наблюдения над бытом провинциальных помещиков помогли Пушкину поднять большие, актуальные вопросы о судьбах дворянства, о крепостном праве.

«Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними

прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы оставляем их на произвол плута приказчика, который их притесняет и обкрадывает...

Все это надумал я, живучи в чужой деревне, глядя на управление мелкопоместных дворян. Эти господа не служат и сами занимаются управлением своих деревушек, но признаюсь, дай бог им промотаться как нашему брату. Какая дикость! для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ними процветают еще Простаковы и Скотинины!»

Эту оценку следует, конечно, отнести не только к старицким знакомцам Пушкина, но и ко всему классу, столь гневно им обличаемому. Подчеркнем, что фактический материал о жизни и быте мелкопоместных дворян давали Пушкину в названный период главным образом поездки в Тверскую губернию.

Теперь посмотрим на «Роман в письмах» с другой стороны — как на эскиз «Повестей Белкина». В письме пятом есть интереснейшие в этом отношении строки, которые можно считать программными. Приведем их. «Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 году роман, написанный в 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим около себя старинные платья, однако ж знакомые лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими. Большею частию эти романы не имеют другого достоинства. Происшествие занимательно, положение хорошо запутано,— но Белькур говорит косо, но Шарлотта отвечает криво. **Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный, оригинальный роман. Скажи это от меня моему неблагодарному Р*... Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой**

[illegible]

[illegible]

[illegible]

и [illegible] [illegible]

Вот [illegible]

[illegible]

Когда [illegible]

[illegible] — [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

и [illegible]

И в [illegible] — [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

и [illegible]

Свобод[illegible] [illegible]

Кто из [illegible]

[illegible]

Мое [illegible] — и [illegible]

и [illegible]

[illegible]

и [illegible]

раме картину света и людей, которых он так хорошо знает» (выделено нами.— **А. П.**).

Итак, перед нами — пушкинская программа создания **новой** прозы, «оригинального романа». Если учесть, что именно в это время он разрабатывал в Павловском план «Повестей Белкина», писал предисловие к ним («От издателя»), то становится ясно, что в приведенном отрывке Пушкин имеет в виду именно эти повести, говорит о своем намерении вскоре создать их и методе своей работы. Но прежде он называет причины, по которым берется за «оригинальный роман»: анализируемая проза вполне справедливо представляется ему старинной залой, сквозь стены и штофные обои которой не проникает реальная жизнь. Атласные пуховые кресла, старинные платья — суть литературные произведения, которые не могут уже удовлетворить даже провинциальных барышень. Точным и острым, словно скальпель, словом поэт вскрыл сущность современной ему беллетристики, не имеющей других достоинств, кроме ловкого сюжета и занимательности «приятного чтения».

Каковы же в связи с этим намерения самого Пушкина? Он говорит о них вполне откровенно: «по старой канве вышить новые узоры», «взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки». «Повести Белкина» и явились этими «узорами, вышитыми по старой канве»: поэт использовал известные сюжеты, вложив в них новое содержание, создав реалистические произведения, отражающие действительную жизнь. «Маленькая рамка» оказалась тесна, но «картина света и людей», которых он так хорошо знает, получилась впечатляющей, стала праобразом будущей русской прозы.

Связь «Романа в письмах» и «Повестей Белкина» несомненна и органична. Она проявилась не только в декларации новой прозы. Работая в Болдине над «По-

вестями...», Пушкин, вероятно, обращался к незавершенному «Роману...». Чтобы убедиться в этом, возьмем повесть «Барышня-крестьянка». Вот что сказано в ней об уездных барышнях: «Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпывают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам». Теперь раскроем «Роман в письмах» и прочтем последнюю его страницу. «Кроме Лизы есть у меня для развлечения Машенька ***. Она мила. Эти девушки, выросшие под яблонями и между скирдами, воспитанные нянюшками и природою, гораздо милее наших однообразных красавиц...» В третьем письме (Лиза к Саше) провинциальной барышне дана подобная же характеристика: «...стройная меланхолическая девушка... воспитанная на романах и на чистом воздухе».

Приведенные совпадения свидетельствуют о том, что, работая над «Романом в письмах», Пушкин нашел точное определение данного типа людей и затем использовал его в новом произведении. Повторы не смущали автора, так как он, видимо, не собирался завершать и публиковать «Роман...».

В связи с этим представляется возможным сделать одно предположение, имеющее отношение к «Роману в письмах». В своей интереснейшей книге «Черновики Пушкина» С. М. Бонди говорит о том, какую трудность для исследователя представляет чтение незавершенных набросков, принадлежащих перу Пушкина, замечая, что «основная задача и главная забота — найти тот текст, то произведение, куда он (набросок.— **А. П.**) относится. Такой набросок в изолированном виде — бессмыслица, а в составе той вещи (или того замысла), куда он относится, он и сам приобретает свой смысл, а иной раз освещает по-новому или дополняет данный

смысл»[109]. Далее приводятся примеры неточного, ошибочного определения отрывков. Один из них — «В начале 1812 года...» — Бонди первоначально отнес к самостоятельным замыслам «небольшой повести вроде «Повестей Белкина»...[110] В результате дальнейших исследований и сравнительного анализа незавершенных фрагментов с законченными прозаическими произведениями Бонди пришел к выводу, что отрывок представляет собой первоначальный вариант «Метели».

Нам кажется, что принадлежность отрывка определена и на этот раз неточно. В Полном собрании сочинений Пушкина (АН СССР, 1950) в комментарии сказано, что отрывок датируется 1829 годом. Впервые опубликован в Полном собрании сочинений Пушкина, приложение к журналу «Красная нива» (1930, кн. IX). Комментаторы предполагают, что в наброске могла заключаться завязка, родственная гоголевскому «Ревизору» («Ревизора» Гоголю подсказал, как известно, Пушкин). В слегка измененном виде описание семьи городничего перенесено Пушкиным в «Метель».

Так ли это? К замыслу, аналогичному «Ревизору», отрывок привязывают всего два слова — «городничий» и «взяточник», что, на наш взгляд, не дает достаточных оснований сделать предположение, высказанное в комментарии. Чтобы убедиться в этом, сравним отрывок со следующим местом из «Романа в письмах» (письмо Лизы к Саше). «Я познакомилась с семейством ***. **Отец балагур и хлебосол; мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста; дочка стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе»** (выделено нами.— **А. П.**).

Теперь приведем отрывок «В начале 1812 года...»:

«В начале 1812 года полк наш стоял в небольшом уездном городе, где мы проводили время очень весело. Помещики окрестных деревень обыкновенно приезжа-

ли туда на зиму, каждый день мы бывали вместе, по воскресеньям танцовали у предводителя. Все мы, т. е. двадцатилетние обер-офицеры были влюблены, многие из моих товарищей нашли себе подругу на этих вечеринках, итак, неудивительно, что каждая безделица, относящаяся к тому времени, для меня памятна и любопытна.

Всего чаще посещали мы дом городничего. Он был **взяточник, балагур и хлебосол, жена его — свежая веселая баба, большая охотница до виста, а дочь стройная меланхолическая девушка лет 17-ти, воспитанная на романах и на бланманже...»** (выделено нами.— **А. П.**).

Совпадение этого отрывка с фрагментом письма из «Романа...» (за исключением начальных строк) почти полное, что позволяет отнести его не к первоначальному варианту «Метели», а, скорее, к «Роману в письмах». Есть, на наш взгляд, и другие основания для такой «переадресовки» отрывка. Он написан в 1829 году, как и «Роман...». В наброске, видимо, отражены старицкие впечатления Пушкина — совсем недавние и потому яркие, характерные. Небольшой уездный городок вполне может быть Старицей, где в 1829 году квартировал уланский полк. «Осмотреть новых уланов», как мы помним, ездили малинниковские барышни (письмо Пушкина к А. Н. Вульфу). Зима в Старице проходила весело — с празднествами и балами. Пушкин был не только свидетелем, но и участником такого бала у Вельяшевых в январе 1829 года.

В «Дневниках» А. Н. Вульфа есть запись о том, что помещики окрестных имений съезжались на зиму в Старицу, где и проводили время между балами и вистом.

Словом, отрывок «В начале 1812 года...», по всей вероятности, представляет собой вариант главы «Ро-

мана в письмах». Работая над «Повестями Белкина», Пушкин использовал этот фрагмент в «Метели» и «Барышне-крестьянке».

Один из авторитетных исследователей творчества поэта — Н. А. Степанов писал: «Пушкинской прозе свойственна строгая фактичность, образы его героев чаще всего восходят к реальным прототипам... В своих произведениях Пушкин документален, фактически точен...» [111] Определение это можно и должно отнести и к спорному отрывку, написанному в старицкой деревне, где провел поэт осень 1829 года.

...Так завершились «досуги» Пушкина в Павловском. Больше ему не суждено было поработать в этом своем деревенском «кабинете». Но память о нем поэт сохранил навсегда. Не забудем и мы скромную деревеньку, чье имя увековечено пушкинским пером.

Тайна старого
парка

В большой зале тускло горела свеча, сквозь незадернутое окно мерцали далекие холодные звезды. Когда смолкали разговоры, слышалось, как шумят деревья в молодом парке. Девочка, сидевшая с книгой в глубоком кресле, поднимала голову, прислушивалась, вскакивала, бежала к окошку и смотрела в прошитую звездами темноту осеннего вечера.

В соседней комнате вдруг раздались громкие голоса. Отворилась дверь. Заметалось пламя свечи, заплясали на стенах причудливые тени. Девочка испуганно оглянулась. Она не знала людей, которые вошли в залу, и рассматривала гостей во все глаза...

Более полувека спустя старая женщина, одинокая, всеми забытая, сядет однажды за стол, возьмет в руки перо, раскроет тетрадь и вспомнит тот вечер в берновском доме. И долго не сможет написать ни строчки — ей будут мешать слезы. Дрожащей, неверной уже рукой выведет она слова, которые снова вернут ее в счастливое детство, в ту самую залу, где внезапные гости помешали ей смотреть на далекие звезды.

«...Они сели на стулья у огромной клетки с канарейками, подозвали к себе меня и маленькую свою дочь с ридикюлем и представили нас друг другу, говоря, что мы должны любить

одна другую, как родные сестры, что мы и исполняли всю свою жизнь» [112].

Две Ани быстро стали подружками, хотя совсем не походили друг на друга: одна — смешливая, резвая, выдумщица, другая — не по возрасту рассудительная, серьезная. Вместе сидели за книжками, исследовали огромный дедушкин особняк, бегали тропинками парка, уходили на берег реки, хотя это было строжайше запрещено взрослыми. И кто мог знать тогда, что семнадцать лет спустя Пушкин подарит одной из них строки «чудного мгновенья», обессмертившие ее имя?! Это будет потом, в Михайловском,— и сумасшедшие письма к Анне Керн, и гениальные стихи. Будет и большая, мучительная в своей неразделенности любовь к нему второй берновской девочки, и тоже Ани — Анны Вульф.

Людям не дано прозреть свое будущее, предугадать радости и печали, предотвратить разлуки. И потому они так счастливы и беззаботны — две девочки в большом берновском доме. Им все здесь нравилось, все врезалось в память...

«Господский дом в Бернове стоял на горе задом к саду, впереди его большой двор, окруженный каменною оградою. Далее площадь, охваченная с обеих сторон крестьянскими избами, и в середине ее против дома каменная церковь» [113].

Эта картина словно написана с сегодняшнего Бернова. Только дом давно уже не господский, и каменная ограда не сохранилась. А гости приходят теперь сюда несравненно чаще, чем в те времена, которые описывает Анна Керн. Смотрят они на прекрасный особняк, ходят тропинками разросшегося парка, поднимаются на горку Парнас и, притихшие, стоят у могучей сосны, ощущая незримое присутствие великой тени...

Мы уже говорили о том, что у Бернова интересная история. Первые упоминания о нем относятся к XV—

XVI векам, когда село было собственностью боярской семьи Берновых. В начале XVI века оно перешло к новым владельцам. В этот период вотчина раздробилась на несколько поместий. Самое крупное из них досталось стольнику Калитину. При императрице Елизавете добился этот предприимчивый человек удивительного подряда у государства: обязался обсадить липами всю дорогу от Петербурга до Москвы. Подряд оказался поистине липовым и, конечно, не был выполнен, за что по высочайшему повелению Берново у Калитина отобрали и передали его свояку — бригадиру Петру Гавриловичу Вульфу. Этот последний заплатил в казну за 24 тысячи десятин земли с живущими на ней крестьянами всего 500 рублей. Остальные начеты на незадачливого подрядчика были прощены царицей.

Устройством поместья всерьез занялся сын П. Г. Вульфа — Иван, бывший орловским губернатором. Он велел построить в стороне от села обширный каменный дом, разбить парк. В конце XVII века вотчина вновь была поделена между многочисленными Вульфами. Село Берново — богатейшее из всех владений семьи — перешло к И. И. Вульфу вместе с 579 «душами крепостных обоего пола».

Пушкин был знаком с Иваном Ивановичем Вульфом, но, как мы знаем, симпатий к нему не испытывал. И. И. Вульф служил в лейб-гвардии Семеновском полку, жил в Петербурге, поручиком вышел в отставку и перебрался в Берново. Человек заносчивый, спесивый, ограниченный, он был одним из тех мелкопоместных помещиков, которых Пушкин называл Скотиниными и Простаковыми. А вот как охарактеризовал своего дядю А. Н. Вульф: «Иван же Иванович совершенно другого (в сравнении с П. И. Вульфом.— **А. П.**) рода человек: женившись очень рано на богатой и хорошенькой девушке, несколколетней жизнью в Петербурге расстро-

ил свое имение. Поселившись в деревне, оставил жену и завел из крепостных девок гарем, в котором и прижил с дюжину детей, оставив попечение о законных своей жене. Такая жизнь сделала его совершенно чувственным и ни к чему другому не способным»[114].

Эта авторитетная характеристика не исчерпывает, однако, образ владельца Бернова. И. И. Вульф был убежденным крепостником — жестоким, беспощадным эксплуататором, что с особой силой проявилось, когда в его владениях начались волнения крестьян.

«В 1827 году весною берновские крестьяне не явились для вывозки леса к сплаву по реке Тьме, сделав «между собой распоряжение, чтоб никакой господской работы не производить». Официальный источник передает поведение крестьян в таких выражениях: «Собравшись скопищем, пришли без всякого разрешения к дому помещика, где лично от господской работы отклонялись, делали грубости, не слушая приказаний». Уездная администрация в лице исправника Вельяшева, зятя И. И. Вульфа и местного помещика поспешила принять решительные меры: были вызваны 18 солдат, при двух офицерах, из уездной старицкой команды и два взвода квартировавшего в уезде уланского Оренбургского полка.

Итогом разбора дела о неповиновении крестьян в селе Бернове был суровый приговор. Зачинщики получили по тысяче ударов шпицрутенами, трое крестьян за упорство на суде — по 500 шпицрутенов, а два вожака борьбы крепостных с помещиками после тысячи ударов шпицрутенами были сосланы в Сибирь на поселение»[115].

События эти, и до сих пор не забытые берновцами (нам доводилось слышать в здешних местах рассказы о «бунте»), произошли всего за полтора года до приезда

Пушкина в соседнее с Берновом имение Малинники. Он, конечно, знал о бунте и расправе и потому, вероятно, предпочитал жить в тесноватом доме Осиповой, а не в роскошном особняке И. И. Вульфа. Однако Берново поэт навещал довольно часто по причинам, о которых мы уже говорили.

Он приехал сюда почти через двадцать лет после того, как гостила здесь Аня Полторацкая, ставшая к тому времени Анной Керн. Выросли берновские девочки и мальчики, умер прежний хозяин поместья. Но здесь, как и раньше, было шумно, многолюдно, собирались «барышни и уланы». По вечерам не удавалось поработать — гости сидели за полночь. А потом Пушкин шел в свою комнату, окна которой выходили в парк, и, прежде чем погасить оплывшую свечу, подолгу стоял у раскрытых створок, слушая, как шумят деревья...

Сын хозяина имения — Н. И. Вульф вспоминал об этих днях:

«А. С. Пушкин писал свои стихотворения обыкновенно утром, лежа в постели, положив бумагу на подогнутые колени. В постели же пил и кофе. Не один раз писал так Александр Сергеевич тут свои произведения, но никогда не любил читать вслух, для других... Иногда Пушкин большими шагами ходил по гостиной, обыкновенно вполголоса разговаривая со своим собеседником...» [116]

Берново и его обитателей вспоминал поэт в письмах, чаще других — Анну Ивановну Вульф (Netty). Ей он посвятил шутливое четверостишие:

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве —
И R и O позабываю
Для N и W.

Однако чувства, которые Пушкин испытывал к дочери И. И. Вульфа, были не более чем дружбой, проявлением симпатии, а стихотворение — всего лишь шутка, экспромт, предназначенный для альбома. Мы привели его, чтобы показать, что и в берновском доме у поэта были искренние друзья, которых он рад был навестить...

Несколько лет назад, когда началась реставрация вульфовского дома, в подвале строители нашли несколько предметов столового серебра. На одной из чайных ложек — пушкинские инициалы и дата, совпадающая со временем пребывания здесь поэта. Находка напомнила о временах, в которые составилась слава берновского дома, связанная с именем Пушкина. В Бернове и сегодня многое напоминает о тех временах: великолепный музей, созданный по проекту ныне покойного Юрия Леонидовича Керцелли, сосна на Парнасе, липовая аллея...

«Когда ходишь теперь по запустелому парку, с такой страшной интенсивностью думаешь о нем, что, кажется, нисколько не удивился бы, если бы вдруг из купы деревьев или из-за угла здания появилась бы его задумчивая фигура. Позднее, когда я уехал, мне живо представлялось, что я действительно видел его там...»

Эти слова А. В. Луначарский написал, посетив Михайловское. Их можно повторить, побывав в Бернове: здесь так же остро ощущается незримое присутствие поэта.

Берновский парк своеобразен и живописен. Об одной из его тайн рассказал краевед Д. А. Цветков. «...Парк заложен, очевидно, в начале XIX века, когда был построен барский каменный дом... Во время пребывания Пушкина... молодой парк представлял собою уже привлекательное зрелище, был живописным угол-

ком... и являлся местом прогулок помещичьей молодежи и уланских офицеров, которые часто навещали берновскую усадьбу...

В 1887 году тверской краевед Владимир Колосов, будучи в Бернове, увидел на старой липе в парке вырезанную надпись, которая гласила: «Прости! Как страшно это слово!» В библиотеке же старицкого музея находилась книга «Стихотворения Жуковского», на обратной стороне переплета которой были карандашом написаны вышеприведенные слова и четверостишие:

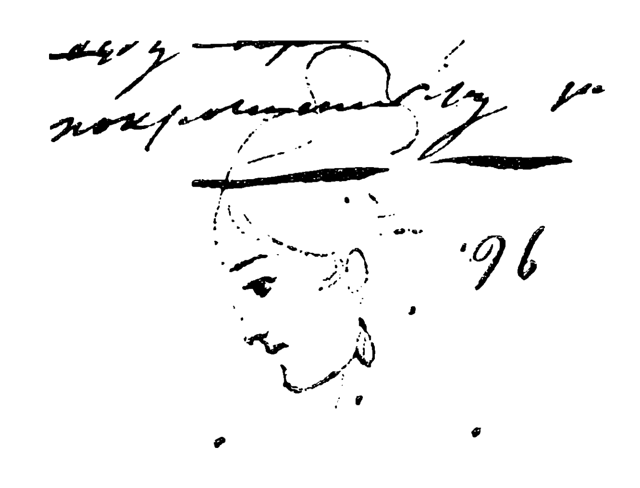
Твой нежный взор ласкал меня,
Снимая с сердца бремя муки.
И забывал на время я
Часы мучительной разлуки.

После последней строки был проставлен год: 1833. Еще ниже значилось: Берновский парк. Кому принадлежала эта книга и кто написал это четверостишие — до сих пор остается таинственной загадкой. Владимир Колосов пытался что-либо узнать у хозяина берновской усадьбы по поводу вырезанных на дереве слов, но тот ничего определенного сказать не мог. Будучи заведующим старицким музеем, я в лупу рассматривал каждую букву в четверостишии, о котором идет речь, и моя мысль невольно тянулась к Пушкину: ведь в 1833 году великий поэт последний раз побывал в нашем крае.

Но стихи, написанные карандашом, очевидно, в парке, кто-то для сохранности аккуратно обвел чернилами, и первоначальный почерк узнать было трудно.

Так и хранит Берновский парк... эту таинственную загадку»[117].

...Тропинка ведет к холму в дальнем конце парка. Горка эта с давних пор зовется Парнасом. Трудно сказать, когда, кто и по какому случаю дал ей такое громкое имя. Но в нем совсем не ощущаешь иронии.

По преданию, на Парнасе любил отдыхать Пушкин. С вершины холма сквозь густые заросли видны долина Тьмы, высокий берег, поросший молодым лесом.

Память о Пушкине сохранилась в сердцах берновцев. От старожилов мы слышали много рассказов о нем, в которых реальные факты соседствуют с легендами — трогательными и прекрасными. Сохранилось в этих легендах и имя Анны Керн. Не станем касаться преданий. Обратимся к достоверным сведениям, связанным с Берновом.

Пушкин и Керн... Эти имена всегда будут стоять рядом, соединенные «чудным мгновеньем». Но далеко не все знают, что детство Анны прошло здесь, в Тверской губернии, в Бернове, Грузинах...

Дом, составляющий центральную часть усадьбы, принадлежал деду А. П. Керн — И. П. Вульфу. Трех-

летнюю Аню привезли из Орла в дедовское имение. «Наше милое Берново» — называет она эти места в своих воспоминаниях. «Мне было привольно в Бернове, особенно в отсутствие батюшки. Все были внимательны и нежны ко мне». Ласковая няня Пелагея Васильевна, гувернантка из Лондона, учитель — студент Московского университета составляли домашний мир девочки. Но она знала и другой мир: святочные крестьянские игры, свадьбы дворовых людей, жизнь соседнего цыганского табора.

В Бернове Анна рано пристрастилась к чтению и не расставалась с книгами всю жизнь. Прекрасно знала произведения европейских и русских писателей, особенно любила Крылова и Фонвизина. Вряд ли любовь к ним была случайной: в молодости Керн насмотрелась на быт тверских Скотининых и Простаковых.

Юная Анна часто гостила в Тверской губернии. Берновский владелец и старый вельможа И. П. Вульф любил возить ее с собой. Анна знала художника Кипренского, написавшего в Твери портрет И. П. Вульфа. «Этот портрет рисовался в Твери, и я стояла, облокотясь о стол, за которым сидел дедушка и смотрел на меня с любовью».

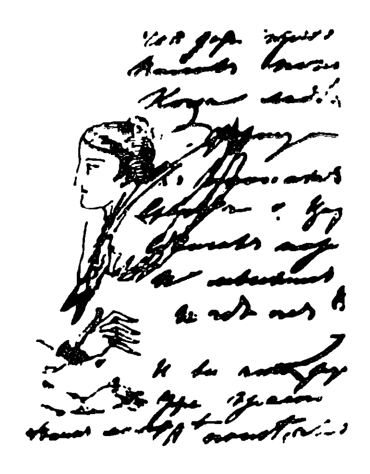
В петербургском доме Олениных состоялась первая встреча Анны Петровны с Пушкиным. Здесь же она познакомилась с Крыловым, Карамзиным, Гнедичем. Увлечения Анны Петровны Керн заслоняли от биографов серьезность, образованность, пламенное сердце этой незаурядной женщины. Надо было обладать не только прекрасной внешностью, чтобы вдохновить, увлечь привыкшего к женскому вниманию Пушкина.

Еще не подружившись с поэтом, Керн прекрасно знала все, что он писал. «Хотите ли знать, что такое госпожа Керн? У нее гибкий ум, она понимает все, она

легко огорчается и утешается точно так же, она застенчива в приемах, смела в поступках, но чрезвычайно как привлекательна». Эту точную характеристику дал ей Пушкин в одном из писем к П. А. Осиповой.

«Среди многих любовных увлечений Пушкина,— долговременных и коротких, сильных, страстных, безоглядно приковавших поэта к одному женскому облику, и увлечений случайных, не оставивших следа в его душе,— только одно приобрело популярность. Это объяснимо в силу популярности стихов, посвященных Керн. Видимо, уже навсегда «Я помню чудное мгновенье» останется одной из сверкающих вершин русской любовной лирики...

Само сближение Пушкина с А. П. Керн, самые обстоятельства их встреч в разные годы жизни могут быть прослежены с большой полнотой... Эта страница пушкинской биографии широко раскрыта перед нами и является светлым окном во внутреннюю жизнь гения в счастливые минуты высокого эмоционального подъема.

Надо отдать должное его подруге! Она позаботилась об этом. Не в пример многим современницам, она сохранила его письма и, уже будучи в преклонном возрасте, не препятствовала их публикации. Она оставила и записки, дышащие бесхитростным, живым чувством, не изменившим ей и в старости. Каждая строка ее записок свидетельствует не только об уважении к па-

мяти некогда любимого, но и о том, что она смогла и захотела по-своему проникнуть в его духовную сущность... Таким образом, легкомысленная женщина, известная среди современников более всего миловидностью, привлекавшая к себе многие мужские сердца, в конечном счете заслужила серьезную благодарность многих поколений русских читателей»[118].

Эта характеристика Анны Керн, принадлежащая перу прекрасного поэта Павла Антокольского, не только справедлива, но и вдохновенна, как и предмет, к которому она обращена.

В воспоминаниях, дневниках, письмах А. П. Керн — не только ценнейшие сведения о Пушкине, но и портреты его друзей, знакомцев, современников. Целую галерею составляют близкие ей люди — тверское окружение поэта. И среди них — Прасковья Александровна Осипова-Вульф. Благодаря Керн мы можем ближе узнать женщину, дружбу к которой Пушкин пронес через всю жизнь.

«...Обратимся к Прасковье Александровне, которую мне хочется дорисовать вам так, как она теперь представляется мне и в Бернове в детстве и после...

И так мне рисуется Прасковья Александровна в те времена. Не хорошенькою,— она, кажется, никогда не была хороша,— рост ниже среднего, гораздо, впрочем, в размерах, и стан выточенный, кругленький, очень приятный; лицо продолговатое, довольно умное... нос прекрасной формы; волосы каштановые, мягкие, тонкие, шелковые; глаза добрые, карие, но не блестящие...

Она мало заботилась о своем туалете... Она только все читала и читала и училась! Она знала языки: французский порядочно и немецкий хорошо, я полагаю... Согласитесь, что, долго живучи в семье, где только думали покушать... (чистая обломовщина!), большое до-

стоинство было женщине каких-нибудь двадцати шести — двадцати семи лет сидеть в классной комнате, слушать, как учатся, и самой читать и учиться.

...Она была любящая, поэтическая, любознательная натура...» [119]

Такие же меткие характеристики дает А. П. Керн и другим обитателям тверских усадеб — Вульфам, Полторацким, Понафидиным, описывает и сами эти поместья, бывшие приютом для Пушкина в дни его тверских «осенних досугов».

Многое в истории Бернова со временем забудется. Но всегда будет памятно людям Берново Пушкина и Керн, декабристов Никиты и Александра Муравьевых и еще многих славных людей, чьи имена вписаны в его историю.

Трудно сказать, какие именно строки созданы поэтом в древнем селе. Но то, что и оно было рабочим «кабинетом» Пушкина,— несомненно. Здесь встречался он с милыми его сердцу людьми, здесь услышал легенду о русалке, узнал много интересных подробностей о той, которую назвал «гением чистой красоты»...

В Бернове осень. Октябрь. Та самая пора, которую больше всего любил Пушкин.

Холодный ветер срывает с деревьев листья, кружит их, бросает в пруд, и они, словно корабли под пестрыми, праздничными парусами, скользят по неспокойной воде.

Воздух так прозрачен, что с Парнаса сквозь него даже в дальнем лесу различимы деревья.

Просторны убранные поля. Стога соломы на них подобны башням разрушенных крепостей.

Тихим пожаром полыхают окрестные леса.

Вода в Тьме холодна и прозрачна. Спокойная в омутах, она шумит многоголосо на перекатах, подмывает высокие берега, обнажая слои красной глины.

Туманы поднимаются из ложбин. Луч солнца, прорвавшийся сквозь нагромождение туч, щедро золотит листья на тропинках парка, которыми ходил поэт.

В пушкинском Бернове — осень...

«У Пожарского в Торжке»

«Не успела я успокоиться относительно вашего пребывания в Москве, как мне приходится волноваться по поводу вашего здоровья — меня уверяют, что вы заболели в Торжке».

Эти строки принадлежат Елизавете Михайловне Хитрово, дочери знаменитого полководца Кутузова. Она была влюблена в поэта, принимала участие в его судьбе, о чем свидетельствуют ее письма, недавно обнаруженные Т. Г. Цявловской [120]. Для нас важна не история их взаимоотношений, а только один ее эпизод, связанный с приведенными выше строками...

В начале марта 1830 года Пушкин уезжает из Петербурга в Москву (1 марта он пишет о предполагаемой поездке В. Ф. Вяземской: «На днях явлюся к вам...»). Это позволяет предположить, что выехал он, вероятно, через день-два. В Москву прибыл 11 марта, судя по его письму к П. А. Вяземскому, отправленному в Петербург 14 марта: «Третьего дня приехал я в Москву...»

Итак, прошло больше недели после отъезда Пушкина, а в Москве он не появился. Елизавета Михайловна беспокоится, шлет ему полное тревоги письмо. Где же провел он эти несколько дней? Видимо, в Торжке. Кто-то из друзей или знакомых сообщил Хитрово о том, что Пушкин в

дороге заболел и недуг задержал его в городке, который он так любил. Однако это не более чем предположение. Причины самой продолжительной из всех нам известных остановок поэта в Торжке остаются невыясненными. В письмах, посланных из Москвы вскоре после приезда, он ничего не говорит о болезни и Торжок не упоминает. Значит, для этого были основания. Возможно, он не хотел огорчать своих близких сообщением о нездоровье и потому скрыл его. Но могли быть и другие причины задержки в Торжке, скажем поездка в соседние имения — Львовых, Полторацких. Увы, здесь возможны лишь догадки...

Он любил город, расположенный на бойком тракте, отдавал должное его живописности, гостеприимству. И в долгу перед Торжком не остался: много ли сыщется в России городов, рекламу которым, говоря языком современным, создал сам великий Пушкин! Вспомним его знаменитую «Подорожную». Поздней осенью 1826 года поэт возвращался из Москвы, где Николай I «даровал» ему свободу. Заснеженным трактом спешил Пушкин в Михайловское, но Торжка не миновал, остановился на несколько часов. Через неделю добрался до своей деревни, откуда вскоре и отправил письмо приятелю:

«Мой милый Соболевский — я снова в моей избе. Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных. Дорогою бранил тебя немилосердно; но в доказательства дружбы (сего священного чувства) посылаю тебе мой Itinéraire от Москвы до Новагорода. Это будет для тебя инструкция. Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом

. . . .
На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке...»

Это четверостишие по праву начертано на мемориальной доске, установленной в 1937 году на бывшей гостинице Пожарских...

У города, которому так повезло на встречи с Пушкиным, незаурядная история, счастливая судьба. Он возник на торговом пути «из варяг в греки», с чем и связано его название. Через Торжок шли караваны, груженные всевозможными товарами. Навещали его знаменитые иноземные путешественники — А. Олеарий, С. Герберштейн, Э. Пальмквист. Побывал здесь и голландец Я. Стрейс, приглашенный Петром I в Россию как знатный мастер парусных дел. Вот что записал он в своем дневнике: «...Город Торжок весьма населен и красив, через него протекает знатная река Тверца».

Но миновали годы, водная система пришла в упадок. Главной транспортной артерией стал тракт Москва — Петербург. «Государева дорога» играла важную роль в жизни города. Достаточно сказать, что почти четверть всего населения Торжка составляло сословие ямщиков. Много здесь было трактиров, постоялых дворов, гостиниц. Особой известностью пользовалось заведение, основанное предприимчивым ямщиком Евдокимом Дмитриевичем Пожарским и перешедшее затем к его дочери Дарье Евдокимовне.

«Ресторация» Пожарских славилась своими котлетами. Предание, дожившее до наших дней, повествует о том, что в Торжке гостил некий француз. Поселился он у Пожарских. Когда пришла пора расплачиваться, оказалось, что кошелек гостя пуст. Вместо денег он предложил рассерженной хозяйке рецепт неизвестных в России котлет. Сметливая Дарья приняла «плату» и отпустила постояльца не только с миром, но и с благодарностью, словно предчувствуя, какие выгоды сулит ей новое блюдо. И она не ошиблась. Пожарские котлеты (французский рецепт с торжокскими добавлениями) по

достоинству оценили Пушкин и Гоголь, Аксаков и Салтыков-Щедрин, Тургенев и Островский, навещавшие придорожную гостиницу. Она упоминается в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: здесь Пьер Безухов встретился с руководителем масонской ложи. Гостил у Пожарских композитор Роберт Шуман с женой...

Дарья Евдокимовна гордилась тем, что ее «ресторацию» посетила царская чета. В 1848 году через Торжок проезжал Николай I. Завтрак для него готовила Пожарская и сумела угодить. Вскоре ее вызвали в Петербург, где она готовила для царского стола, была обласкана и щедро вознаграждена.

В один из приездов в столицу бывшая ямщичка удостоилась особой милости: по желанию императрицы она принимала участие в крещении сына Волконских, подавала царице — крестной матери — маленького князя. В память об этом событии был заказан портрет — ребенок на руках у няни. Писал портрет художник Тимофей Нефф. Авторское повторение портрета подарили Дарье Пожарской. Сегодня работу эту, запечатлевшую ловкую, оборотистую трактирщицу, можно видеть в Торжокском музее А. С. Пушкина среди других интересных экспонатов. Но не царская чета, а именно Пушкин действительно по-царски прославил скромную провинциальную гостиницу. И не только тем памятным четверостишием. Кулинарный талант, гостеприимство Дарьи Пожарской поэт поминал часто. Вот что писал он жене из Павловского 21 августа 1833 года:

«Забыл я тебе сказать, что в Ярополъце (виноват: в Торжке) толстая M-lle Pojarsky, та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я, встретя ее (?), ахнула».

Поэт бывал в Торжке в разные периоды своей жиз-

ни. Долго он здесь не задерживался, так как спешил по делам в Москву, Петербург, Ярополец или на Кавказ. Но с тех далеких времен живет в сердцах новоторов (прежде уезд назывался Новоторжским) привязанность к поэту. Приведем один наглядный пример. В 1899 году в России отмечали 100-летие со дня рождения Пушкина. В юбилейные дни в нескольких волостях Новоторжского уезда по подписному листу собрали деньги для приобретения у наследников поэта села Михайловского. Из 98 рублей 59 копеек, собранных в Новоторжском уезде, 82 рубля было пожертвовано крестьянами!

Торжок издревле славился народными ремеслами. Особенно знамениты были торжокские золотошвеи. Известны многочисленные образцы этого народного искусства, выполненные местными мастерицами по заказам монастырей и церквей. В XVII—XIX веках широкое распространение получило здесь шитье золотом, серебром и шелком по сафьяну. Расшитая обувь пользовалась большой популярностью на внутреннем рынке, вывозилась за границу. Образцы этого искусства демонстрировались на всевозможных выставках. О мастерстве торжокских золотошвей в народе сложили песню:

Привези мне из Торжка
Два сафьянных сапожка.

В те годы, когда Пушкин навещал Торжок, в трактире Пожарского часто устраивались выставки золотошвейных изделий, в нижнем этаже находилась «сувенирная лавка». Вероятно, здесь и купил он пояса, о которых писал 3 ноября 1826 года В. Ф. Вяземской из Торжка: «Спешу, княгиня, послать вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры и т. п.— но мадригал и чувство сделались одинаково смешны».

Вскоре в письме П. А. Вяземскому из Михайловского

он вновь упоминает о своем приобретении: «Получила ли княгиня поясы и письмо мое из Торжка?.. Ах! каламбур! Скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы».

Не случайно поэт так много внимания уделяет этой, казалось бы незначительной, покупке. Он хорошо знал и высоко ценил народное искусство, а изделия торжокских мастериц были поистине уникальны. Они создавались на основе многовековых традиций; демонстрировались на всемирных выставках в Лондоне, Париже, Турине, изумляя красотой «кованого» шва, получая награды самого высокого достоинства.

Побывайте сегодня в местной золотошвейной мастерской, и вы поймете восторг Пушкина.

С работами торжокских мастериц можно встретиться не только на выставках. Миллионы людей воздали им должное, глядя на великолепные костюмы героев фильма «Война и мир». Заказ «Мосфильма» торжокские мастерицы выполняли особенно тщательно, и богатство туалетов в этой киноленте поражает. Здесь же, в Торжке, было выполнено шитье для мундира Каренина в фильме «Анна Каренина».

Трудно перечислить все работы, созданные торжокскими золотошвеями. Можно сказать лишь одно: народное ремесло сохранило свои лучшие традиции. И теперь уже не посетители гостиницы, а миллионы людей любу-

ются изделиями торжокских золотошвей.

Большое двухэтажное здание бывшей гостиницы Пожарских на улице Дзержинского, построенное в стиле ампир, хорошо сохранилось. Пушкину здесь по обыкновению отводили на втором этаже комнату с фонарем-эркером, выходящим на площадь. Говорят, что в один из приездов написал он на стене комнаты стихотворение. Это была остроумная, веселая реклама заведения Дарьи Евдокимовны, и потому оно бережно сохранялось. Но однажды пушкинскую комнату оклеили обоями, и стихи исчезли навсегда, если, конечно, кто-либо из видевших их не догадался «снять копию». В этом случае они, возможно, отыщутся когда-нибудь и добавят новый штрих к «портрету» гостиницы.

Неподалеку от нее, на той же бывшей Ямской, стоит еще одно примечательное здание. Оно уступает гостинице Пожарских по своим архитектурным достоинствам, но превосходит ее историей.

Некогда этот деревянный особняк принадлежал родственникам президента Российской Академии художеств и директора Петербургской Публичной библиотеки А. Н. Оленина. Сюда часто наезжал, а затем окончательно здесь поселился его сын Петр Оленин, хороший знакомый Пушкина.

Конечно, бывая в Торжке, поэт не мог миновать этот дом. Он часто навещал своих друзей. «Гостеприимные хозяева радушно встречали дорогого гостя, ставили самовар. Самовар был своего рода диковинкой. Яйцевидной формы, темно-коричневого цвета, он напоминал этрусскую вазу. Позолоченный кран самовара был сделан в виде головы орла. По воспоминаниям художницы М. П. Гортынской, Пушкин, усаживаясь за стол, просил у хозяйки разрешения самому налить в стакан, чтобы повернуть голову орла»[121].

Счастливой оказалась судьба старого дома: несколько лет назад стал он музеем Пушкина. Экспозиция, созданная по проекту Ю. Л. Керцелли, рассказывает о поездках поэта по Тверской губернии, о торжокских его друзьях и знакомых.

«Мотив дороги,— пишет Е. Завадская,— как не покидающее поэта чувство неустроенности, раскрыт художником в экспозиции Торжокского музея. «Дорожные жалобы» стали поэтическим лейтмотивом художественного решения экспозиции. Верстовой столб, возок, дуга с валдайским колокольчиком — непременные атрибуты пушкинского гуляния по свету... непосредственно вводятся художником в экспозицию. Окна-витрины как бы воспроизводят остроту, мимолетность и картинную наглядность пушкинских впечатлений» [122].

Многие экспонаты музея воскрешают прежнюю обстановку старого дома. Здесь можно увидеть семейную реликвию Олениных — пушечное ядро, привезенное с поля Бородинского сражения (Петр Алексеевич был ранен в исторической битве), портреты обитателей усадьбы, туалетный столик Анны Керн, стоявший в ее комнате в Грузинах...

Тысячи людей едут в этот заповедный город. Разбросанный на холмах по обе стороны реки, Торжок живописен в любое время года. Один из древнейших русских городов (первое упоминание в летописи — 1139 год), он сохранил в своем облике черты многих эпох. Величественные храмы придают ему неповторимый силуэт.

На одной из окраин — деревянная церковь Вознесения, уникальный памятник русского зодчества XVII века. В городе и его окрестностях сохранились творения выдающегося архитектора Н. А. Львова.

Сегодняшний Торжок — крупный промышленный центр Калининской области. Здесь строят железнодо-

рожные вагоны, выпускают современную противопожарную технику, шьют обувь, делают мебель. Здесь работает крупнейший в стране завод полиграфических красок, ведут исследования ученые Всесоюзного института льна. Город раздвигает границы, поднимает ввысь этажи новых кварталов. Но бережно сохраняются в его облике черты древнего города, исторические здания, заповедные уголки. Особой заботой окружено все, что связано с именем Пушкина. А такими местами Торжок богат.

Здесь мог увидеть поэт на одной из вывесок — «Евгений Онегин — булочных и портновских дел мастер». Красивое, благозвучное сочетание имени и фамилии запомнилось... Другая «профессия» у героя пушкинского романа, но имя и фамилия те же, что были на одной из лавок, расположенных рядом с гостиницей Пожарских. Родовая могила Онегиных сохранилась на Пустынском кладбище. Слова, высеченные на мраморном надгробии, подтверждают давнюю догадку...

В Торжке провел свои последние годы любимый Пушкиным Павел Иванович Вульф. Прах его покоится на Богословском кладбище.

Не менее богаты памятными местами и окрестности города.

В конце XVIII века у старого «мягкого» Петербургско-Московского тракта находилось имение Д. И. Львова Митино, подаренное им впоследствии своим сыновьям Дмитрию и Сергею. В 20-е годы XIX века хозяином богатой и живописной усадьбы был Сергей Дмитриевич Львов — новоторжский уездный предводитель дворянства. И сегодня нетрудно представить, как привлекательно выглядела в те годы митинская усадьба, многие строения которой — оригинальный винный погреб-пирамида, конный и скотные дворы, мосты, погреба — были сооружены по проектам Н. А. Львова. Вероятно,

ему принадлежит и ландшафтная планировка поместья, которое посещали многие знаменитости. Бывала у Львовых и Анна Керн.

Издавна жило здесь предание о том, что в Митине бывал Пушкин. На чем оно основывалось? Прежде всего на том, что поэт, часто путешествуя «мягким» трактом, проезжал буквально рядом с этим имением. Его владельцем был Сергей Дмитриевич Львов, женатый на Татьяне Петровне Полторацкой. Одна из их дочерей вышла замуж за Петра Алексеевича Оленина, с которым был близок Пушкин. В родстве со Львовыми были и старицкие Вульфы. Словом, здесь, в Митине, могли оказаться многие знакомые поэта, ради встречи с ними он мог заехать сюда, и не однажды.

Но догадки догадками, предание преданием, а вот прямого подтверждения этой версии долго не удавалось отыскать, хотя этим настойчиво занимались местные краеведы. Теперь найдены убедительные доказательства того, что поэт бывал в Митине. И предоставил их... сам Пушкин!

Рисунки поэта уже не раз помогали уточнить или заново открыть интереснейшие факты его жизни и творчества. И на этот раз все началось с рисунка. «Пейзаж с соснами», набросанный пушкинским пером, и прежде был известен исследователям творчества поэта. Он воспроизводился в юбилейном издании «Литературного наследства» (1937 год), но без всяких комментариев.

Однажды художник Юрий Леонидович Керцелли, работавший в то время над экспозицией пушкинского музея в Торжке, заехал в Митино и увидел... знакомый ему по рисунку пейзаж! Старинный погреб на крутом берегу Тверцы, две пары сосен над ним, огромный серый камень... Воображение дорисовало недостающие детали.

Так пушкинский рисунок был отождествлен с реаль-

ным пейзажем. Сходство это мог схватить только зоркий глаз художника, ибо сегодняшнее Митино значительно отличается от того, в котором бывал (теперь можно уверенно говорить об этом) Александр Сергеевич Пушкин.

Л. Ф. Керцелли, жена художника, посвятила истории этого открытия интересную главу в уже упоминавшейся нами книге. Она пишет:

«Вообще же, что изображенное на пушкинском рисунке место хорошо просматривается — это только так говорится. То есть это правда, оно просматривается, и правда, что достаточно хорошо. Но увидеть его, опознать, догадаться...

Полтора века — много не только в жизни людей. Это по-своему много и в жизни природы. Склон давно уже зарос деревьями... Погреба на террасах разрушены. Один из них сохранился... Второго погреба нет...

Но возможно, что другого погреба на этом склоне и не было. Хорошо известно, что Пушкин не рисовал с натуры, даже портреты. И этот рисунок — не исключение, он также сделан по памяти, по-видимому специально в чей-то альбом (рисунок выполнен на характерном для альбомов того времени малоформатном листе бумаги), и, скорее всего, не копирует с абсолютной точностью своеобразный этот участок митинского парка. Он лишь запечатлевает наиболее характерное в нем, то, чем он не похож на другие, не менее живописные образы других мест и других усадеб» [123].

Итак, еще один пушкинский рисунок обрел точный адрес, и мы узнали, что поэт бывал в Митине. Однако предстоит дать ответы на целый ряд вопросов, которые поставило открытие. Когда приезжал Пушкин в Митино? Часто ли бывал он здесь? Проездом или гостил у Львовых? Оставил ли еще какие-либо материальные следы своего пребывания, кроме рисунка?

Возможно, со временем удастся снять эти вопросительные знаки и заменить их восклицательными, ибо каждый новый штрих в жизни великого поэта — огромная радость не только для пушкинистов, но и для всех, кому дорого это бессмертное имя.

Уже многие годы Митино славится как санаторий, куда приезжают со всех концов страны. И сегодня радует глаз и сердце красота этих мест. Так же впечатляет погреб-пирамида, вызывают интерес сохранившиеся усадебные постройки. Но разумеется, вне конкуренции заповедное место, где лежит серый камень, узнанный полтора века спустя после того, как на берегах Тверцы гостил Пушкин.

Так уж распорядилась судьба, что рядом с этими местами нашла свой последний приют та, которой посвятил поэт, может быть, самые удивительные свои стихи. На старом погосте Прутня похоронена Анна Петровна Керн, которой Пушкин посвятил бессмертные строки:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Почему же именно здесь похоронена Анна Керн?

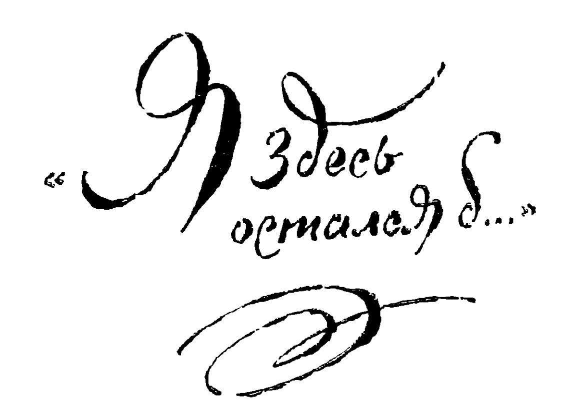
Вторым мужем Керн был А. В. Марков-Виноградский. Он часто навещал Прямухино: его сестра была замужем за А. А. Бакуниным. В 1877 году Виноградский умер и был погребен в Прямухине. А. П. Керн завещала

похоронить ее рядом с мужем. Скончалась Анна Петровна в Москве, гроб с телом доставили железной дорогой в Торжок. В Прямухино помешала проехать весенняя распутица, и Керн похоронили на Прутнинском погосте.

Тихая деревенька в последние годы стала местом паломничества тысяч людей. Их чувства хорошо выражают стихи, написанные тульским поэтом Юрием Щелоковым здесь, в Прутне:

На сельском маленьком погосте,
Под скрипку грустную дождя,
Стоим, примолкнувшие гости,
В эпоху Пушкина входя.
Средь всех событий и явлений
Мы различаем их черты:
Поэзии высокий гений
И гений чистой красоты.
Они сошлись, потом расстались,
И не замечены никем,
Их встречи, может быть, остались,
И кто бы вспомнил Анну Керн?
Но почему ж, как откровенье,
Как сердца собственного грусть,
«Я помню чудное мгновенье...»
Мы произносим наизусть?
О та лазурная влюбленность,
Та для полета высота,
Где вдохновенья окрыленность
И строк парящих красота!
...Стоим мы тихо и несмело,
Не смея слова проронить.
Как эта женщина сумела
Поэту душу озарить!
А на погосте — дождь и осень,
И робких туфелек следы:
Приносят, все еще приносят
Сюда от Пушкина цветы.

И цветы Пушкину.

«Я здесь остался б...»

Много алмазных искр Пушкина, говоря словами В. И. Даля, рассыпано на воспетых поэтом волжских берегах. Увы, иные уже давно угасли, но с тех, что сохранили огонь, снимается нынче пепел забвенья, и они вспыхивают в самых неожиданных местах, освещая ярким светом удивительную жизнь удивительного человека.

Едва ли еще где-нибудь сделано за последние годы столько открытий и находок, как в Калининской области. О самых значительных и интересных мы рассказали читателям этой книги. Но прежде чем попрощаться, заглянем еще в один заповедный уголок тверской земли, через который пролегает теперь маршрут «Кольца».

Те, кто плавал по Верхней Волге, наверняка любовались у Калязина стоящей чуть ли не посередине реки колокольней. Она знаменита — попала в путеводители, кинофильмы, на холсты художников. Но мало кто знает, что калязинская «плавающая» колокольня была сооружена по замыслу владельца усадьбы Никитское — Василия Федоровича Ушакова. Однако для нас интересно не то, что слыл он талантливым зодчим, а то, что был дедом сестер Ушаковых, «пресненских красавиц», дом которых часто навещал в конце 20-х годов прошлого века Пушкин. В Екатерину Николаевну поэт был влюблен.

Е. С. Телепнева, знакомая Ушаковых, записала в своем дневнике:

«...Меньшая очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересует меня, потому что, по-видимому, наш поэт, наш знаменитый Пушкин намерен вручить ей судьбу жизни своей, ибо уже положил оружие свое у ног ее, т. е., сказать просто, влюблен в нее. Это общая молва, а глас народа — глас божий» [124].

Так оно и было на самом деле. В тот период Пушкин был частым гостем Ушаковых. Возвратившись с Кавказа, он на другой уже день приходит к ним. Альбомы сестер пополнились новыми рисунками и карикатурами. Среди них был и широко известный автопортрет с надписью «Пушкин на пути в Арзрум».

В конце 1829 года Пушкин связывал с Екатериной Николаевной самые серьезные свои жизненные планы. Современник поэта рассказывал П. И. Бартеневу, что между Пушкиным и Ушаковой «была тесная сердечная дружба, и наконец после продолжительной переписки Екатерина Николаевна соглашается выйти за него замуж» [125].

Планы эти не осуществились, но в душе поэта дом на Пресне и его обитатели оставили светлый след. Екатерине Николаевне Ушаковой посвящены многие стихи. Это к ней обращены строки:

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте

Сих неподписанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым,
И этой прелести живой...

В альбоме Ушаковых сто пятьдесят страниц, и сто из них заполнены рисунками, стихами, записями Пушкина.

Не обошел он вниманием и сестру Екатерины — Елизавету Николаевну:

Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

И вот однажды привычный московский маршрут Пушкина к Ушаковым был изменен: хозяева дома на Пресне уехали в свое имение Никитское, что находилось на Волге, под Калязином. Поэт последовал за ними и вскоре оказался в живописной усадьбе...

Что же сохранилось от былых времен в Никитском? До 40-х годов нашего века стоял здесь усадебный деревянный дом. Сейчас остался лишь парк. В Калязинском краеведческом музее находится вольтеровское кресло из усадьбы Ушаковых.

В нем, по семейному преданию, сидел поэт, навестивший своих друзей. Кресло вместе с другой мебелью было привезено хозяевами в имение из московского дома.

В Никитском установлен бюст Пушкина и памятная доска с его именем. Однако еще предстоит большая и сложная работа по выяснению обстоятельств приезда (или приездов?) поэта в Никитское. Многое еще требует подтверждения и уточнения.

Пушкинских адресов в Верхневолжье немало. Одни из них известны нам еще с конца прошлого века, другие названы недавно. Чаще всего с именем поэта их связывает лишь предание, иногда — пушкинские строки или воспоминания современников. Приведем здесь один, но весьма характерный пример.

Несколько лет назад, разыскивая сведения о тверских друзьях и знакомых Пушкина, встретил я в одной из дореволюционных публикаций незнакомое имя — П. И. Эгельстром. Его упоминает В. И. Колосов в своей брошюре «Александр Сергеевич Пушкин в Тверской губернии в 1827 году». Сведения об Эгельстроме оказались очень скудными: старицкий помещик, швед по национальности, владел поместьем в селе Федоровском, куда в 1827 году приезжал Пушкин. Далее Колосов сообщает, что Эгельстром плохо говорил по-русски, что не мешало ему писать стихи («штыхи»), и приводит образец его «творчества»:

Ох ты, плешивый сатана!
Любитель кушать сметанá!

Этой филиппикой барин заклеймил своего дворецкого, застав того однажды за тайным кушанием господской сметаны посредством пальца. Эгельстром (по Колосову) к своему увлечению относился весьма серьезно, читал «штыхи» соседним помещикам и однажды, когда Пушкин гостил в Старицком уезде, показал свои руко-

писи великому поэту, которого вполне серьезно считал собратом по перу.

Подробности этой встречи нам неизвестны, зато Колосов приводит «Послание Эгельстрому», которым Пушкин откликнулся на стихи «коллеги»:

О, Эгельстром! Я восхищенный
Читал творения твои:
Твой стих, лишь гением внушенный,
Блестит, как солнце в ясны дни.
Поэт, сын Феба вдохновенный,
Как мил для нас твой каждый стих.
Скажи, почто, певец смиренный,
От света ты скрываешь их?
Пусти в печать свои творенья,
Заслужишь множество венцов.
Мы все помрем от восхищенья (т. е. от смеха),
О, Эгельстром, ты — царь певцов!

Последний стих вначале читался «О, Эгельстром, ты — царь глупцов!». Но, вручая «Послание» адресату, поэт изменил редакцию.

Вот что удалось узнать о незадачливом «пиите» из села Федоровского.

Новый пушкинский адрес, названный Колосовым, вызывал сомнения. И вот почему. Работы этого краеведа по выяснению обстоятельств приездов Пушкина в Верхневолжье заслуживают благодарности. Он был человеком увлеченным, исследователем добросовестным. И не его вина, что многие факты, отысканные им в архивах, собранные в поездках по Тверской губернии, впоследствии были существенно уточнены или даже опровергнуты новыми, тогда неизвестными источниками. Теперь мы знаем, что ошибочно даже само название брошюры Колосова: Пушкин в 1827 году в Верхневолжье не приезжал. Произошло это годом позже, когда поэт навестил Вульфов в Малинниках. Был он и в соседних имениях (в этот приезд и потом), встречался со

многими людьми, но Эгельстром среди них не упоминается.

Так что же, швед-стихотворец выдумка Колосова? Нет. В селе Федоровском Старицкого уезда действительно было имение **Федора Федоровича Эгерштрома** (инициалы и фамилия указаны Колосовым неверно). Пушкин, вероятно, встречался с ним. Скорее всего, в Малинниках или Павловском, неподалеку от которых находилось поместье отставного подполковника. Стихотворствующий барин, дурно говорящий по-русски, мог заинтересовать поэта. Но, как нам кажется, не настолько, чтобы он специально ездил к Эгерштрому и гостил у него, как утверждает Колосов. А «Послание», если оно действительно принадлежит перу Пушкина, явилось, скорее всего, результатом рассказов о странном помещике. Поэт мог слышать их от кого-то из Вульфов, ибо Эгерштром был известен в округе своими причудами.

Все это дало основание Л. А. Черейскому внести Ф. Ф. Эгерштрома (1790—1853) в число знакомых поэта («Пушкин и его окружение»). Однако о приезде Пушкина в село Федоровское Черейский не говорит, видимо считая сведения, сообщенные Колосовым, сомнительными. Согласившись с автором, проявившим вполне понятную осторожность, не станем все же вычеркивать старицкое село из списка пушкинских адресов Верхневолжья. Ведь мы уже не раз убеждались, что за иными легендами и преданиями, связанными с именем поэта, стоят порой реальные факты — забытые или до времени нам неизвестные (как, например, в случае с пушкинским рисунком, запечатлевшим пейзаж Митина). Поставим перед селом Федоровским знак вопроса и продолжим поиски свидетельств, которые могли бы подтвердить народную молву. Возможно, наши поиски будут не бесплодными и помогут не только включить в

«Кольцо» еще один пункт, но и подтвердить авторство саркастического «Послания». Ради этого стоит искать.

Маршруты наших поисков проходят через многие города и села Калининской области. Наиболее интересными и перспективными представляются те дороги и тропинки, которые ведут в Погорелое Городище и Ржев, Мологино и Микулино Городище, Чукавино и Коноплино. Здесь возможны в будущем самые неожиданные находки.

Вместе с тем необходимо заметить, что далеко не каждый след может привести к желанной цели, не каждое предание заслуживает доверия. Ведь среди них есть и такие, что основаны либо на неточностях в свидетельствах современников поэта, либо, что гораздо хуже, на сознательном «приспособлении» фактов недобросовестными мемуаристами или людьми, неосведомленными, но желающими внести свой «вклад» в изучение жизни Пушкина. Идти по такому следу — чаще всего занятие бесплодное.

Как пример подобной версии можно привести бытующие в Старицком районе рассказы о том, что история создания романа «Дубровский» связана с Курово-Покровским и Берновом. Основанием для этой легенды послужили, видимо, действительные события, случившиеся в имении И. И. Вульфа в 1827 году,— крестьянские волнения, о которых мы уже упоминали. Пушкин об этих событиях знал, и, возможно, они как-то откликнулись в романе. Но во-первых, он начал работать над

«Дубровским» несколько лет спустя после приезда в Берново, а во-вторых, хорошо известно, что произведение это построено на реальном деле Козловского уездного суда от октября 1832 года «О неправильном владении поручиком Иваном Яковлевым сыном Муратовым имением, принадлежащим гвардии подполковнику Семену Петрову сыну Крюкову, состоящим Тамбовской губернии Козловской округи сельце Новопанском». Копия дела была вшита в рукопись романа, что не оставляет сомнений относительно реального источника «Дубровского». Кроме уже названного «сюжетного» совпадения, у нас нет никаких иных оснований впрямую связывать «Дубровского» с Берновом или Курово-Покровским. Как нет оснований согласиться с В. И. Колосовым, когда тот пишет, что «в Малинниках в это время он (Пушкин.— **А. П.**) написал Опричник, Утопленник, Конрад Валенрод, Подражание Анакреону и др. менее значительные произведения». Некоторые из названных стихотворений действительно написаны в это время, но не в этом месте, не в Малинниках. Так, «Утопленник» создан в Петербурге накануне отъезда Пушкина в Тверскую губернию, о чем свидетельствует уже приводившееся письмо Карамзиной к Вяземскому. Не имеют отношения к Малинникам и другие перечисленные Колосовым произведения. Он пользовался недостоверными источниками. Скорее всего, это были устные рас-

сказы, услышанные им во время экспедиций по пушкинским местам от потомков старицких знакомых поэта, которые и ввели краеведа в заблуждение. Проверить точность полученных сведений он, видимо, не мог и доверился своим собеседникам. В то же время Колосов не назвал многие стихи, написанные Пушкиным именно в Малинниках, отнеся их к «менее значительным произведениям». В этот разряд попали, таким образом, «Поэт и толпа», «Ответ Катенину», «Ответ Готовцовой», «Цветок», «В прохладе сладостной фонтанов...».

Названное нами, вероятно, не исчерпывает всего, что создал поэт в дни своих «осенних досугов» в Малинниках, Павловском, Бернове, Курово-Покровском. Но пока нет оснований расширять этот список. Догадки, случайные свидетельства нуждаются в подтверждении. Ведь речь идет о творениях величайшего русского поэта!

Однако с полным правом можно сказать: достоверно известное нам о связях Пушкина с Верхневолжьем позволяет этой древней земле гордиться тем, что она была любима поэтом, радушно встречала его, давала приют, вдохновляла, радовала душу. Даже Михайловское — незабвенное, многократно воспетое поэтом Михайловское! — напоминало ему о днях ссылки. Тверские села и деревни не были омрачены для Пушкина чувством неволи («Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю»). Он приезжал сюда по велению сердца и не в поисках вдохновения, ибо сам сказал об этом довольно определенно: «Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудою, вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта». И находило — здесь, «в неведомой тиши», осенними днями 1828—1829 годов. Может, потому и возвращался он сюда не раз «по прежню следу»: в тихих деревеньках так удобно и приятно было работать.

Произведения, над которыми Пушкин работал в Тверской губернии, представляют почти все основные жанры его творчества: роман в стихах «Евгений Онегин», лирические и гражданские стихи, художественная проза, драма, статьи. И все это — в образцах выдающихся, в произведениях, зачастую программных не только для самого поэта, но и для всей современной ему литературы.

Конец 20-х — начало 30-х годов — особый момент в жизни и творчестве Пушкина. И потому так интересны для каждого из нас тверские «осенние досуги» поэта, краткие, но вдохновенные, неповторимые, отмеченные искренней любовью и доброжелательностью тверяков. И может быть, воспоминания о счастливых днях подсказали ему строчки, написанные в дороге:

> Когда б не смутное влеченье
> Чего-то жаждущей души,
> Я здесь остался б — наслажденье
> Вкушать в неведомой тиши...

Он не остался. Но осталась и всегда будет жить на этой земле светлая память о великом поэте и благодарная любовь к нему.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., «Художественная литература», 1974, с. 226.

[2] **Твардовский А.** Статьи и заметки о литературе. М., «Советский писатель», 1963, с. 19, 36.

[3] **Пьянов А.** Берег, милый для меня. М., «Московский рабочий», 1974.

[4] **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 2. М.— Л., АН СССР, 1950, с. 333.

Все пушкинские тексты даются в дальнейшем по этому изданию и в примечаниях не оговариваются. Другие источники текстов Пушкина помечаются сносками и раскрываются в примечаниях.

[5] **Керцелли Л.** Тверской край в рисунках Пушкина. М., «Московский рабочий», 1976, с. 22.

[6] **Иванов И. А.** О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии.— В кн.: Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания, вып. 1. Тверь, 1903, с. 242.

[7] **Ильин М.** Забытые страницы. «Калининская правда», 1976, № 131.

[8] Газ. «Верный путь» Старицкого района, 1972, № 67.

[9] **Жизневский А. К.** Поминки по Иване Андреевиче Крылове. Тверь, 1905, с. 4—5.

[10] **Плетнев П. А.** Из статей о Пушкине.— В сб.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., «Художественная литература», 1974, с. 254.

[11] **Черейский Л. А.** Пушкин и его окружение. Л., «Наука», 1975, с. 416.

[12] **Найдич Э. Э.** Пушкин и художник Г. Г. Гагарин.— В сб.: Литературное наследство, т. 58, 1952, с. 269.

[13] **Савин А. Н.** Иллюстрации Г. Г. Гагарина к произведениям А. С. Пушкина.— «Архив опеки Пушкина». М., 1939, с. 426.

[14] Фонд 1208 Кашинского уездного предводителя дворянства, ед. хр. 100, л. 28.

[15] **Павлов Н. П.** Русские художники в нашем крае. Калинин, 1959, с. 15.

[16] **Савин А. Н.** Алексей Гаврилович Венецианов. Жизнь и творчество. М., «Искусство», 1955, с. 50.

[17] Там же, с. 193.

[18] **Павлов Н. П.** Русские художники в нашем крае, с. 20.

[19] Там же.

[20] Калининский областной архив, ф. 309, ед. хр. 9462, л. 9.

[21] **Цявловский М. А.** Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1. М., АН СССР, с. 99.

[22] **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. 14. М., АН СССР, с. 249—250.

[23] Там же, т. 16, с. 63—67.

[24] **Глинка Ф. Н.** Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году.— В сб.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., с. 206—207.

[25] Там же, с. 208.

[26] **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. 14, с. 242—244.

[27] **Жизневский А. К.** Федор Николаевич Глинка. Тверь, 1890, с. 14.

[28] Там же, с. 29.

[29] **Анненков П. В.** Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина.— В кн.: А. С. Пушкин, соч., т. 1, СПб., 1855, с. 165.

[30] **Грот Я. К.** Материалы к биографии Ф. Ф. Матюшкина. Рукописный отдел ИРЛИ, архив Я. К. Грота, 16034, сб. 1, л. 2.

[31] Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания, вып. 1. Тверь, 1903, с. 48, 49—50.

[32] **Кребель Ж. Ф.** Немецкий путеводитель по России. Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания, с. 283.

[33] Там же, с. 244.

[34] **Колосов В. И.** Александр Сергеевич Пушкин в Тверской губернии в 1827 году. Тверь, 1888, с. 2.

[35] Там же, с. 288—289.

[36] Там же, с. 40.

[37] **Соллогуб В. А.** Воспоминания. М.— Л., «Academia», 1931, с. 220—223.

[38] **Пушкин А. С.** Сочинения, т. 7. Изд. А. С. Суворина, 1903, с. 304—305.

[39] **Фейнберг И.** История одной рукописи. М., «Советская Россия», 1967, с. 29.

[40] Литературное наследство, т. 58. М., АН СССР, 1952, с. 75.

[41] Там же, с. 78.

[42] Там же, с. 80.

[43] Там же, с. 82.

[44] **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. 14. М., АН СССР, с. 213.

[45] Там же, с. 268, 273—274, 280—281, 294—295.

[46] **Черейский Л. А.** Пушкин и его окружение, с. 76.

[47] **Гордин А.** Пушкинский заповедник. М.— Л., «Искусство», 1963, с. 176.

[48] **Благой Д. Д.** Творческий путь Пушкина. М., «Советский писатель», 1967, с. 13.

[49] **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. 13, с. 293.

[50] Там же, с. 294.

[51] Там же, с. 298.

[52] Там же, с. 295.

[53] Там же, с. 296.

[54] **Мейлах Б.** Жизнь Александра Пушкина. Л., «Художественная литература», 1974, с. 230.

[55] **Фессалоницкий С. А.** Пушкин в кругу старицких дворян.— Материалы Общества изучения Тверского края, вып. 6. Тверь, Общество изучения Тверского края. 1928, с. 22.

[56] **Цявловская Т. Г.** Новые автографы Пушкина на русском

изданий «Айвенго» Вальтера Скотта. «Временник Пушкинской комиссии. 1963». М.— Л., 1966, с. 23.

[57] **Колосов В. И.** А. С. Пушкин в Тверской губернии..., с. 29.

[58] **Вершинский А. Н.** В вотчине Вульфов в первой половине XIX века.— Журн. «В наши дни». Калинин, 1936, № 2, с. 82.

[59] Там же, с. 79.

[60] **Понафидина А. Н.** Из рассказов о Пушкине и его современниках.— Журн. «В наши дни». Калинин, 1936, № 2, с. 94.

[61] **Вершинский А. Н.** В вотчине Вульфов..., с. 82.

[62] **Вульф А. Н.** Дневники. М., «Федерация», 1929, с. 139, 144, 151, 153.

[63] Литературное наследство, т. 58, с. 84.

[64] **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. 14, с. 27.

[65] **Эфрос А.** Автопортреты Пушкина. М., Гослитмузей, 1945, с. 6, 12—14.

[66] **Якубович Д.** Заметка об «Анчаре».— В сб.: Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 869—876.

[67] **Благой Д. Д.** Творческий путь Пушкина, с. 196.

[68] **Понафидина А. Н.** Из рассказов о Пушкине..., с. 95.

[69] **Благой Д. Д.** Творческий путь Пушкина, с. 212.

[70] Там же, с. 203, 206.

[71] Литературное наследство, т. 58, с. 83.

[72] **Гессен А.** Жизнь поэта. М., «Детская литература», 1972.

[73] Там же, с. 274—275.

[74] Там же, с. 275—276.

[75] **Макогоненко Г. П.** Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Л., «Художественная литература», 1974, с. 6.

[76] Литературное наследство, т. 58, с. 85.

[77] Там же, с. 85.

[78] Там же, с. 86.

[79] **Вульф А. Н.** Дневники, с. 179.

[80] Там же, с. 187.

[81] **Балдина О. Д.** От Валдая до Старицы. М., «Искусство», 1968, с. 87.

[82] **Вульф А. Н.** Дневники, с. 192.

[83] **Колосов В. И.** А. С. Пушкин в Тверской губернии..., с. 10—11.

[84] **Цявловская Т. Г.** Рисунки Пушкина. М., Искусство, 1970, с. 103.

[85] **Овчинникова С. Т.** Рисунок Пушкина.— Литературная Россия, 1972, № 7.

[86] **Вульф А. Н.** Дневники, с. 187.

[87] **Смирнова-Россет А. О.** Рассказы о Пушкине, записанные Я. П. Полонским.— В сб.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 158.

[88] **Баранская Н.** История пушкинской миниатюры.— Наука и жизнь, 1966, № 3.

[89] **Полторацкий В. А.** Воспоминания.— Исторический вестник, 1893, январь, с. 48—49.

[90] **Керн А. П.** Воспоминания. Дневники. Переписка. М., Художественная литература, 1974, с. 112.

[91] **Эйдельман Н. Я.** 19-й таинственный век.— Знание — сила, 1970, № 1.

[92] **Керн А. П.** Воспоминания. Дневники. Переписка, с. 110—111.

[93] Архив А. А. Раменского.

[94] **Вишняков Н. М.** Воспоминания об учителях Раменских. Рукопись, с. 3—4. Архив А. А. Раменского.

[95] **Цявловская Т. Г.** Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта.— Временник Пушкинской комиссии, 1963, с. 5—30.

[96] Архив А. А. Раменского.

[97] **Вульф А. Н.** Дневники, с. 185.

[98] Там же, с. 192.

[99] Литературное наследство, т. 58, с. 88.

[100] **Макогоненко Г. П.** Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы, с. 20—25.

[101] **Благой Д. Д.** Творческий путь Пушкина, с. 378.

[102] **Городецкий Б. П.** Драматургия Пушкина. М.—Л., АН СССР, 1953, с. 311.

[103] Пушкин в дневнике Франтишека Малевского. Публ. Т. Цявловской в сб.: Литературное наследство, т. 58, с. 264, 266.

[104] **Цявловская Т. Г.** Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта. «Временник Пушкинской комиссии. 1963», с. 21—22.

[105] **Понафидина А. Н.** Из рассказов о Пушкине и его современниках, с. 92.

[106] **Чернышевский Н. Г.** Полн. собр. соч., т. 2. М., ГИХЛ, 1949, с. 516.

[107] **Бочаров С. Г.** Поэтика Пушкина. М., «Наука», 1974, с. 105.

[108] **Керцелли Л.** Тверской край в рисунках Пушкина, с. 61.

[109—110] **Бонди С.** Черновики Пушкина. М., «Просвещение», 1971, с. 180.

[111] **Степанов Н. А.** Проза Пушкина. М., АН СССР, 1962, с. 159.

[112] **Керн А. П.** Воспоминания. Дневники. Переписка, с. 116.

[113] Там же, с. 115—116.

[114] **Вульф А. Н.** Дневники, с. 207.

[115] **Вершинский А. Н.** В вотчине Вульфов..., с. 78.

[116] **Колосов В. И.** А. С. Пушкин в Тверской губернии..., с. 27.

[117] Газ. «Верный путь», 1972, № 67.

[118] **Антокольский П.** О Пушкине. М., «Советский писатель», 1960, с. 79—80.

[119] **Керн А. П.** Воспоминания. Дневники. Переписка, с. 290—292.

[120] **Цявловская Т. Г.** Неизвестные письма к Пушкину — от Е. М. Хитрово.— В альманахе «Прометей» № 10. М., «Молодая гвардия», 1974, с. 241—260.

[121] **Суслов А. А.** Торжок и его окрестности. М., «Московский рабочий», 1970, с. 93.

[122] **Завадская Е.** Юрий Керцелли.— «Декоративное искусство СССР», 1976, № 11, с. 32—33.

[123] **Керцелли Л.** Тверской край в рисунках Пушкина, с. 180—181.

[124—125] **Никольский Ив.** Пушкин и Ушаковы.— Журн. «В наши дни». Калинин, 1936, № 1, с. 133—134, 137.

РИСУНКИ А. С. ПУШКИНА

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 2661

Алексей Степанович Пьянов

«МОИ ОСЕННИЕ ДОСУГИ»

Заведующий редакцией *Ю. Александров*. Редактор *Л. Крекшина*. Художник *И. Гусева*. Репродукции пушкинских рисунков выполнены *А. Комаровым* и *С. Семовым*. Художественный редактор *В. Бондарев*. Технический редактор *Г. Смирнова*. Корректоры *З. Кулемина, Т. Семочкина*.

Подписано в печать с матриц 11.07.83. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,0. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 13,44. Тираж 50 000 экз. Заказ 3606. Цена 80 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.